СЕРГЕЙ ОБРУЧЕВ

Шк. Б/18
Полка 5
Год 1
№ 70

В НЕВЕДОМЫХ ГОРАХ ЯКУТИИ

Б/18
5
7

ГЛАВНАЯ МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Б-18
5
1
70

Акт № 3

Проверена-56 г.

Провэр 40-85

Индекс	М.2		Шифр хранения
Авторский знак	4-0.23-В		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

					✓

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНА-58

Шк. Б/18
5
1
70

СЕРГЕЙ ОБРУЧЕВ

В НЕВЕДОМЫХ ГОРАХ ЯКУТИИ

ОТКРЫТИЕ
ХРЕБТА ЧЕРСКОГО

Инвентарь № 2700
21 февраля 1929 г.
31733

19 · МОСКВА — ЛЕНИНГРАД · 28
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н, 11. Гиз № 26477/м.
Ленинградский Областлит № 14513.
16 л. Тираж 2.000

ОГЛАВЛЕНИЕ

		СТРАН.
	Вступление	5
I.	От Москвы до Якутска	7
II.	Якутск	25
III.	Первые шаги	37
IV.	В неизвестную страну	55
V.	По большой реке	84
VI.	Через альпийские хребты	110
VII.	В поисках коровьего вымени	130
VIII.	Скорей на юг	143
IX.	По льду Индигирки	161
X.	Оймекон	189
XI.	Обратно через хребет	212
XII.	Хребет Черского	238

ГОРЬКОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВСТУПЛЕНИЕ

Я не старался, по примеру некоторых странствователей украсить странствование свое привлекательными, чрезвычайными и забавными, но вместе вымышленными приключениями; а только, следуя всегда одной истине, с точностью вносил в оное подлинные происшествия и местами делал свои замечания.

Гаврила Сарычев.

Есть страны, чрезвычайно популярные среди любителей географии, — все с увлечением читают путешествия в Центральную Азию, в Африку, в Южную Америку, к полюсам. И вместе с тем никто не интересуется обширными пространствами Северной Сибири, где неисследованные площади по своим размерам не меньше, чем в Африке. Кто из широких кругов читателей знает, с какими трудностями сопряжены научные исследования в Якутии или на Таймырском полуострове? Все могут рассказать об обстоятельствах гибели Седова или Скотта, а кто слыхал о страданиях и смерти участников Великой Северной Экспедиции или о пересечении Миддендорфом Таймыра, где он 18 дней, умирающий, лежал один в снегу?

Несомненно, с сибирскими путешественниками бывает не меньше приключений, чем с экзотическими, — но более скромная и обыденная обстановка работы лишает их того ореола романтизма, который необходим, чтобы привлечь читателя. Северная Америка ничуть не страшнее Сибири, а между тем какой изумительной она кажется нам у Джека Лондона. А ведь природа Клондайка не отличается от нашего севера, — такие же реки, горы, почти такие же золотоискатели и туземцы, здесь тунгусы, а там индейцы. Только Клондайк гораздо доступнее, чем какая-нибудь Колыма, Индигирка или Хатанга, куда надо ехать месяцами.

Я далек от мысли создать вокруг сибирского севера такой же романтический ореол, — это по силе лишь большому таланту, и

кроме того, для этого необходимо соответствующее настроение читателей, которого у нас нет. Моя задача скромнее — рассказать в доступной форме об экспедиции, которая была совершена мною в 1926 г. на р. Индигирку, в места совершенно неизвестные, и одним из результатов которой — достаточно романтическим — было открытие, на месте предполагавшейся низменности, обширного хребта, названного в честь исследователя Сибири И. Черского, погибшего на Колыме, хребтом Черского.

Лицам, желающим подробнее познакомиться с Якутией, можно рекомендовать следующие книги:

1) «Якутия» Сборник статей. Изд. Акад. наук, 744 стр. Ленинград, 1927. Цена 10 руб. (Новейшая всесторонняя сводка, статьи многих авторов.)

2) В. Серошевский. Якуты, т. I. Спб. 1896. (Известное этнографическое исследование.)

3) М. Косвен. Якутская республика. М.-Л. 1925, 155 стр., Ц. 60 к. (Краткий очерк.)

Приложенная к книге карта составлена геодезистом экспедиции, К. Салищевым, и представляет первую попытку дать истинное изображение бассейна Индигирки и восточной части Верхоянского хребта. Она основана как на с'емках нашей экспедиции, так и на расспросных сведениях. После того как карта была уже вычерчена, известный якутовед Э. Пекарский просмотрел и исправил якутские названия, — поэтому на карте они имеют несколько другую транскрипцию, чем в тексте.

I. ОТ МОСКВЫ ДО ЯКУТСКА

„Скажи мне кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною“ — невольно вспомнил я, взглянув в сторону Индигирки, одной из рек моей обетованной земли.

Дневник И. Черского. 17 июля 1891 г.

Если вы взглянете на карту Сибири, то увидите, что к востоку от Лены простирается обширная страна, тянущаяся на 3 000 *км* до Берингова пролива. Область эта орошается тремя большими мало известными реками, Яной, Индигиркой и Колымой, каждая из которых длиной от 1 500 до 2 500 *км*. Более или менее точно нанесены на карту Яна и низовья Колымы, а ее верховья и Индигирка совершенно не исследованы. До нашей экспедиции горная сеть страны представлялась в следующем виде: вся эта громадная область является чем-то вроде получаши, окруженной с запада, юга и востока высоким непрерывным хребтом, носящим название Верхоянского у Лены и Алдана, Колымского и Анадырского у Охотского моря и Чукотского полуострова. С юга к этой стене примыкает Становой хребет, а на север внутрь чаши отходят радиальные хребты — между Яной и Индигиркой Кех-тас, между Индигирской и Колымой Улахан-чыстай и Томус-хая, между Колымой и ее правым притоком Омолоном — Колымские горы.[1] Так издавна рисовали горы этой страны — по обычаю картографов, размазывая их в виде пушистых елочек между реками, — но точных данных для этого не имелось.

Отгороженный от всего мира каменной стеной — ледяным поясом — Верхоянско-Колымский край, кроме обычных для северной Сибири болот и лесов, славился своим холодом — метеорологическая станция в Верхоянске давала самые низкие в мире температуры, доходившие в некоторые годы до 70° Цельсия.

---

[1] См. схематическую карту в главе XII.

Естественно, что население края чразвычайно редкое — всего не более 15 000 человек; самые крупные поселения, «города» Верхоянск и Средне-Колымск, имеют по 500 жителей, а на остальном пространстве приходится на одного человека около 100 кв. километров.

Насколько трудно доступен этот край, показывает незначительное количество экспедиций, побывавших в нем. Со времени первого исследователя Якутии И. Гмелина прошло почти 200 лет, а до сих пор еще остались площади более 500 000 *кв. км* (т. е. равные Франции или Германии), не пересеченные ни одним маршрутом. Большинство экспедиций направлялось от Якутска на север, в Верхоянск, а затем шли или на восток Колымским трактом или исследовали морское побережье.

Район к югу от Колымского тракта — это не только наименее исследованная область во всем СССР, — это одна из наименее известных стран в мире. Как раз сюда и удалось пробраться нашей экспедиции 1926 г. До нас здесь, правда, было несколько ученых, но все они прошли по одному маршруту, пересекающему область наискось.

Первый, флота капитан Сарычев, состоявший при экспедиции Биллингса, 22 января 1786 г. выехал из Якутска и, проехав на восток, верхом пересек Верхоянский хребет по рекам — Хандыге, Амуг-умог-гага, Кюнкюю и Конте, выйдя к верховьям Индигирки, которая здесь, как он сообщает, называлась «Омеконь» и где жил тогда якутский князь. Отсюда Сарычев проехал на оленях в Охотск; только в августе вернулся он обратно к верховьям Индигирки, уже верхом, и поехал на северо-восток, в Верхнеколымск. Приэтом он прошел вверх по притоку Индигирки Сарбалаху, перевалил в систему другого ее притока, Улахан-тарын-юряха, далее поднялся по третьему притоку — Джулкану (Нелькан?), перевалил в Неру, и по последней и ее притокам подошел к верховьям Момы (Кызыл-балыктах), откуда перевалил в Зырянку, приток Колымы, по которой вышел к Верхне-Колымску. Нера и Мома — большие реки, впадающие также в Индигирку, которая, по Сарычеву, только от устья Куйтугуна носит это название. Всего Сарычев путешествовал 8 лет — с 1785 по 1793 г., и его экспедиция представляет большой подвиг, но в настоящее время результаты его работ имеют весьма малое научное значение. Маршрутных с'емок он не вел, и схематическая карта, составленная им, годилась только для его времени, его описания слишком

кратки и поверхностны и посвящены главным образом быту туземцев и дорожным приключениям и дают мало материала для заключений об орографии. Но все же из его описаний ученый мир узнал впервые об этой стране.

Повидимому, тем же путем, что и Сарычев, в 1823 году проехали с Колымы через Оймекон в Якутск спутники Врангеля мичман Матюшкин и доктор Кибер, но нигде нет не только описаний, но даже указания на то, какого маршрута они придерживались. Матюшкин только определил широту и долготу Оймекона—последнюю по маршрутной с'емке, и с громадной ошибкой.

В 1870 г. приблизительно тем же маршрутом возвращались участники экспедиции Майделя, топограф Афанасьев и астроном Нейман. От Верхне-Колымска они сначала прошли около 300 *км* несколько более южным путем, а далее по пути, близкому к маршруту Сарычева. С'емка, которую вначале вел Афанасьев, была вскоре прекращена, а описание пути не велось, — путешественники были утомлены двухлетней работой.

Наконец в 1891 г. известный геолог и географ И. Черский был командирован Академией наук на три года для исследований в области рек Колымы, Индигирки и Яны. В июне 1891 г. он выехал вместе с женой (зоолог экспедиции) и 12-летним сыном из Якутска с караваном в 44 лошади. Верхоянский хребет был пересечен несколько южнее маршрута Сарычева, по летней дороге, огибающей р. Хандыгу с юга, по ее притокам; Черский перешел Индигирку у родового Оймеконского правления и далее пошел на северо-восток опять-таки несколько более южным путем, чем Сарычев, и вышел на его дорогу уже в верховьях Момы. В Верхне-Колымск он пришел 28 августа и зимовал здесь. Весной 1892 г. экспедиция поплыла вниз по Колыме; Черский, человек уже немолодой и болезненный, захворал еще зимой, выехал совершенно больной, пренебрегая болезнью вел наблюдения и 26 июня (старого стиля) в 10 ч. 10 м. вечера скончался у устья р. Прорвы, не доехав до Нижне-Колымска. Он похоронен немного ниже, на левом берегу Колымы против устья Омолона.

Жена Черского вскоре вернулась обратно к Якутск, не будучи в состоянии продолжать одна научную работу.

Так трагически оборвалась эта экспедиция, которая должна была приподнять завесу над таинственной страной.

Коллекции и дневники Черского привезены в Ленинград и находятся в Академии наук. Кроме того, самим Черским, во время

зимовки в Верхне-Колымске, был составлен и послан в Академию предварительный отчет о первом годе работ. Брошюра эта, опубликованная в 1893 г., дает нам новые, современные данные о геологическом строении и географии страны, но данные эти все еще слишком кратки и недостаточны, так как маршрут Черского захватил очень узкую полосу. Из географических открытий Черского наиболее важным следует считать обнаружение им за Верхоянским хребтом трех других альпийских цепей — хребта, названного им Тас-кыстабыт, на правом берегу Индигирки выше Оймекона, и хребтов Улахан-чыстай и Томус-хая на водоразделе между Индигиркой и Колымой. Следует отметить, что Черский, повидимому, уже понял, что горная сеть страны совершенно иная, чем это рисовали до него, но указания на новое расположение хребтов, содержащиеся в его предварительном отчете, настолько неясны, что на них не обратили внимания, и до сих пор на картах рисуют те же радиальные хребты, добавив к ним только открытые Черским альпийские цепи.

После Черского наступает перерыв в 35 лет, в течение которого несколько экспедиций исследовали низовья Яны и морское побережье, но ни одна не заглянула на юго-восток. Верховья Колымы выше Верхне-Колымска были посещены за это время только этнографом В. Иохельсоном в 1896 и 1901 гг. Затем, в поисках торговых путей были совершены поездки чиновником Меликовым в 1893 г. с Колымы в Гижигу (Охотское море) и оттуда в Средне-Колымск; в 1901 г. сотником Н. Березкиным от Охотского моря из Олы в Сеймчан на Колыме и далее в Оймекон и Якутск, и в 1911 г. тем же Березкиным из Средне-Колымска в Гижигу. Экспедиция Иохельсона имела этнографические задачи и заходила к югу не очень далеко; Меликов и Березкин научных материалов не собрали (для первой своей экспедиции Березкин дал краткое описание). Наконец, в 1903 г., студент Д. Севастьянов, возвращаясь из Березовской экспедиции (экспедиция Герца за трупом мамонта), поднялся по Колыме до Сеймчана и перевалил в Олу (на Охотском побережьи). Он вел геологические наблюдения, но ничего не опубликовал, кроме краткого сообщения о маршруте.

Таким образом, огромная область, более чем в 1 000 000 *кв. км*, имеющая границей Охотское море и Алдан на юге, Яну на западе, Колымский тракт и р. Анюй на севере, пересечена только одним маршрутом Черского. Область в 2 раза больше Германии, заклю-

чающая многочисленные хребты и мощные реки, все еще оставалась столь же таинственной, как верховья Конго или антарктический материк!

Уже давно меня привлекала мысль изучить великие реки северо-востока Азии и сложную сеть хребтов, их окружающую. Начиная с 1923 г., как только политические обстоятельства стали допускать исследование отдаленных районов Якутии, я пытался организовать экспедицию на средства Геологического комитета, и при поддержке Якутского совнаркома. Но недостаток средств заставлял откладывать осуществление экспедиции с году на год. Только в 1926 г. Геологический комитет был в состоянии наконец ассигновать достаточные средства; но и то из-за обычных весенних сокращений сметы Комитета экспедиция дважды стояла под угрозой отмены, и за 10 дней до от'езда я не был уверен — исполнятся ли наконец мои давнишние желания или опять придется ждать несколько лет.

По первоначальному плану предполагалось, что первое лето (а может быть и второе) экспедиция будет работать в Верхоянском хребте, двигаясь от заброшенных серебро-свинцовых рудников А. Семенова на Эндыбале к северу, вдоль хребта, и, ознакомившись с местными условиями, в следующие годы перебросится на Индигирку и Колыму. Последние две реки в общих чертах к этому времени должны были быть изучены экспедициями Академии наук. Но судьба судила иное. Еще в начале 1925 г. некий Николаев, белый офицер из шаек, скитавшихся в Верхоянско-Колымском крае и вышедших по амнистии в Якутск, представил в Якутскую контору Госбанка 14 золотников платины. На вопрос о происхождении платины Николаев заявил, что она намыта им во время его скитаний в районе Чыбагалаха, левого притока Индигирки. На эту платину, происходившую из совершенно нового месторождения и притом богатого (Николаев указал содержание 7 золотников в 100 пудах), было обращено серьезное внимание. В том же 1925 г. Якутский совнарком отправил маленькую экспедицию в составе геолога, студента Московской горной академии П. Харитонова, и местного золотоискателя Н. Березкина для осмотра месторождений полезных ископаемых на севере Верхоянско-Колымского края, в том числе и этого месторождения платины. Программа экспедиции была обширна — она должна была закончить работу уже на устье Колымы. Но, отправившись еще по санному пути, Харитонов был задержан в самом начале

ледоходом на Алдане и выехал из Верхоянска только в июне. К осени он успел осмотреть несколько мест вблизи Колымского тракта, где были ранее сделаны заявки на золото, и дойти по реке Догдо до ее верховьев. Путь, которым прошел Николаев, лежал в 100 *км* южнее, но Харитонов не решался двигаться дальше на юг; несмотря на то что он за лето три раза менял лошадей, они были уже сильно истощены и сбили себе копыта на галечниках р. Догдо. Одну из семи лошадей каравана пришлось уже бросить. Поэтому, совершив экскурсию к юго-западу на реку Накатту (приток Сюрюктяха) и собрав сведения у местных тунгусов, Харитонов повернул обратно вниз по Догдо и затем по Колымскому тракту вышел опять в Верхоянск.

Месторождение платины Николаева после этой экспедиции сделалось еще более привлекательным и интересным. Правда, на его существование бросалась тень: местные тунгусы не слыхали, чтобы во время своих поездок Николаев промывал золото или платину (а в тайге все делается быстро известно); с другой стороны, анализ в Геологическом комитете показал, что платина Николаева совершенно сходна по составу с вилюйской, и возможно, что она происходит с Вилюя.

Не доверя показаниям Николаева, Геологический комитет тем не менее решил исследовать это месторождение с тем, чтобы — также и в том случае, если вся история является ловкой выдумкой, — вопрос был решен окончательно. Поэтому программа моих работ была проектирована в такой форме: экспедиция из Якутска направляется на восток и, переправившись через Алдан, идет на северо-восток, через Верхоянский хребет прямо к Чыбагалаху, — по сведениям Харитонова это самый короткий и легкий путь, — здесь оставляет разведочную партию и уходит на запад; по возможности несколько раз пересекая Верхоянский хребет, исследует страну между Индигиркой и старым Верхоянским трактом (западный из двух путей, идущих из Якутска в Верхоянск). Наконец, по последнему выходит в долину Алдана и возвращается в Якутск к последнему пароходу — к концу сентября. Разведочная партия, проработав месяц, должна была выйти прямым путем к Алдану. Такова была программа, составленная на основании самых свежих расспросных сведений; но действительность оказалась настолько отлична от планов, что мы попали после Чыбагалаха не к западу, а к востоку, на Индигирку, и вернулись в Якутск лишь к новому году.

Новая программа требовала включения в состав экспедиции разведочной партии — и были приглашены: горный инженер В. А. Протопопов, работавший со мной уже два года на Ангаре и Енисее — в качестве начальника партии, и горный техник И. Н. Чернов. Кроме того, при работе в совершенно неизвестной местности нельзя было ограничиваться маршрутной с'емкой — приходилось определять астрономические пункты, на которые должна была опереться карта; поэтому был приглашен еще геодезист К. А. Салищев. Таким образом, в экспедицию, включая начальника ее, вошло четыре научных сотрудника. Двух рабочих — специалистов по промывке золота — предполагалось нанять в Иркутске, а остальных — в Якутске.

Последние дни перед от'ездом прошли в лихорадочных сборах, тем более поспешных, что почти до самого последнего дня мы не знали, едем ли мы или экспедицию отменят еще раз. За несколько дней до от'езда с Урала вернулись Протопопов и Чернов, знакомившиеся там с работами по добыче рассыпной платины.

Все впопыхах бегают по Москве — нужно закупить множество необходимых мелочей, начиная от хронометра и кончая пуговицами. Встает ряд неразрешимых вопросов: где закупить сушеные овощи — в Москве, в Иркутске или в Якутске, есть ли в Якутске сухие чернила и приличная бумага; нужны ли только комариные сетки или лучше брать погуще, от мошек. Все это нужно решить сейчас же, хотя данных никаких нет, потому что предыдущий опыт для этого самого глухого в мире угла — недостаточен.

Особенно много огорчений с хронометрами: недостаток средств не позволяет взять радиоприемник и отдельного радиста. Нам придется определять долготы перевозкой хронометров — методом, который при такой продолжительной экспедиции ненадежен и теперь заменен приемкой сигналов времени по радио. Классические работы геодезистов производятся с возвращением к исходному пункту (рейс) через две недели, а продолжительность нашего рейса Якутск — Якутск 4 месяца. Салищев клянется, что ничего не выйдет, что ошибки в определениях будут неприличны, что стыдно теперь в XX веке работать без радио. И для меня хронометры все лето служат одним из самых серьезных источников мрачных мыслей, хотя в конце концов результаты их работ оказались превосходными. Салищев все время пользуется моим страхом, чтобы добиться наибольших удобств для перевозки своих любимых инструментов.

Пока в Москве мы еще сами не знаем, как мы повезем их, условия очень тяжелы — болота, леса и горы. Специалисты, которых мы опрашиваем, дают самые разнообразные советы: один рекомендует переносить хронометры только на людях в спинных ящиках, другой говорит, что при этом получается вредное вращение хронометра, и их можно везти только на лошадях. Одному нравится все хронометры поместить на одну лошадь и смотреть за ней внимательно; другой разделяет их на два-три вьюка, во избежание гибели. Самый лучший способ — нести на носилках (подвешивая к ним снизу), но если несут люди, то на болотах они будут падать, а лошади или олени в лесу разобьют носилки о дерево. Наконец, самый ящик для хронометров, по мнению одних, надо снабдить мощными пружинами на дне, а другие рекомендуют засыпать в него льняное семя и опускать в последнее хронометры. Это — не анекдот, а типичный образец того, сколько различных советов дают путешественнику, отправляющемуся в дикие места, и как трудно бывает выяснить, что же лучше.

В конце концов, мы остановились на наиболее простом и наименее громоздком способе — поместив ящички с тремя хронометрами в волосяные матрасные футляры. Но и с этими футлярами был ряд происшествий: заказанные в Ленинграде, они, несмотря на ряд моих суровых телеграмм, пришли в Москву только в день от'езда, когда товарная станция была уже закрыта. Пришлось оставить накладную, с тем чтобы их выслали вслед с первым же скорым поездом. Но на Вятской железной дороге разлились реки, были разрушены мосты, сообщение прервалось, и чехлы остались в Москве. Это было одно из многочисленных происшествий, которыми почему-то изобиловала экспедиция.

5 мая, наконец, мы в вагоне. До Иркутска пять с половиной суток езды, и можно немного отдохнуть и обдумать, что́ запасти в Иркутске и что́ оставить на Якутск. В Иркутске, в течение 5 дней, снова та же лихорадочная деятельность — здесь закупаются брезенты, мануфактура для обмена с тунгусами, седла и многое другое. При снаряжении всякой экспедиции прежде всего необходимо заглянуть на толкучий рынок — здесь оседает множество странных предметов, ненужных в обыденной жизни, но необходимых в глуши. Иркутская барахолка завалена седлами всех сортов — от скверных камыцких арчаков до превосходных кавалерийских: остатки от армий, которые за годы гражданской войны проходили через город.

В Иркутске к нам присоединились рабочие-промывальщики золота, братья Михаил и Алексей Перетолчины. Вот уже несколько лет они ездят с экспедициями Геологического комитета — зимой поступают куда-нибудь на службу в Иркутске, а весной бросают всё, чтобы снова уехать в тайгу. Сейчас в городе они имеют вид обычных мастеровых, в картузах и потертом платье, — и не ждешь, как умелы и на месте они окажутся в глуши Якутии. Алексей высокого роста, веселый, добродушный, Михаил — пожилой, рассудительный, склонный к мрачным предсказаниям.

От Иркутска до села Качуг (верховья Лены) ходят легковые и грузовые автомобили и пассажирские автобусы. Дальше вниз по Лене поедем на пароходе, если только он нынче дойдет до верховьев. Сейчас мало воды, и ходят мрачные слухи, что в Качуге скопилось несколько тысяч путников, ждущих прибыли воды. Никто в Иркутске, ни в Ленагольдфильдс, ни в Якторге (между которыми поделено ленское пароходство) не может сообщить, когда и откуда пойдут первые пароходы.

14 мая отправляем Перетолчиных с грузом, количество которого дошло уже до 50 пудов, на грузовике. Они влезают на самый верх целой горы ящиков и тюков с винтовками в руках: сейчас же под Иркутском знаменитая Веселая гора, где, по давнему обычаю, принято грабить проезжающих. Мы сами уезжаем на следующий день в автобусе Автопромторга — это грузовик, на котором построена будка со скамейками вдоль стен. У округа связи будут ходить изящные почтово-пассажирские фиаты, но они получены только вчера, и весь Иркутск ходит глазеть на них. В наш автобус втискивают необыкновенное количество людей и багажа — приходится сидеть неподвижно, подобрав ноги, стиснутым между пышной женой лавочника из Жигалова и землемерами с теодолитом на руках.

Мои спутники держат на коленях ящики с хронометрами в волосяных чехлах — это большие тюки, но Салищев боится поставить их на пол из-за сильной тряски на плохой дороге. Если бы он знал, какие прыжки будет выделывать с ними лошадь в болотах! Чернов и Протопопов, как страстные охотники, везут с собой двустволки и винтовку, не решаясь сдать их в багаж. Так, подобно новейшим Тартаренам, они сидят больше двадцати часов, спрессованные в душном экипаже. С ужасом наблюдая, как туго набивают автобус мертвыми и живыми предметами, я надеюсь на счастливый случай, который избавит меня от общей печальной

участи. И этот случай находится — рядом с шоффером садится фельдшер, едущий на венерический пункт, а на крыло автомобиля привязывают его ящики со стыдливой надписью «Ветпункт»; я получаю разрешение сесть на них, свесив ноги. Благодаря этому я имею возможность любоваться быстро изменяющимся ландшафтом, в то время как внутри мои помощники стонут от жары.

От Иркутска до Качуга — старинный оживленный тракт, соединявший большой Сибирский тракт (а теперь железную дорогу) с единственным транспортным путем северо-востока — Леной. Здесь почти все русское население жило извозом; сейчас появился серьезный конкурент — автомобильное сообщение, быстро развивающееся. Но пока все еще очень много обозов, попадаются даже с красным флагом, охраняемые вооруженной стражей,—это везут порох для Ленских приисков. Через каждые 200 — 300 метров на кромке дороги валяется труп лошади — доказательство энергичного темпа извозного промысла.

Дорога пролегает по холмистой местности, пересеченной несколькими долинами небольших рек. В противоположность тайге, которую мы только что проезжали по железной дороге до Иркутска — это выжженные степи. Мы — в пределах области, населенной бурятами, ныне автономной республики. Вскоре начинаются характерные бурятские деревни с плоскими крышами и пустынными изгородями-загонами для скота без надворных построек и огородов. Сибирская деревня, в которой тщательно уничтожены все деревья, очень уныла, но еще безобразнее эти бурятские поселки, кажущиеся совсем мертвыми.

Навстречу попадаются буряты — верхом и в тележках. Некоторые из них снимают шапку перед автобусом, провожая его удивленными глазами. Днем останавливаемся в большой русской деревне. Для проезжающих здесь особенно притягательный пункт — винная лавка с свободной продажей спирта. В пределах РСФСР продают только водку — и все, кому нужен спирт, запасают его в бурятской республике. Нам для экспедиции нужно ведро спирта — поэтому, по совету опытных людей, мы взяли с собой в автобус бидоны. В лавке длинные ряды четвертей, — но, оказывается, это все уже заказано, и мы можем взять только в полубутылках. Приходится перелить 40 полубутылок; эта операция, а также мое покрасневшее от ветра и солнца лицо внушают пассажирам веселые мысли, и пухлая лавочница до самого конца переезда обходит меня с опаской.

Фельдшер со своими ящиками на полпути слезает, и я перебираюсь на удобное место рядом с шоффером. Последний пользуется случаем рассказать историю своей жизни свежему человеку. Она действительно замечательна: империалистическая война, немецкий плен, приключения с немецкими огородницами на островах Балтийского моря, собственное хозяйство на лоне немецкой семьи, возвращение в Россию, гражданская война. И, рассказывая о своих приключениях во время войны с шайками Унгерна, смуглый человек с энергичным профилем воодушевляется и хочет оживить пресную действительность: «Сейчас мы поедем по морским волнам». Дорога спускается с большой горы, имея то справа, то слева плоские бугры, — шоффер пускает автобус полным ходом, стараясь наезжать то на один, то на другой бугор. Экипаж мчится, как бешеный, раскачиваясь, — действительно, морские волны! Внутри слышны крики испуганных пассажиров. Они там внутри в самом деле имеют полную иллюзию морской поездки: вечером начинает тошнить мальчика, а на другое утро — одну из женщин.

Ночуем в селе Фрунзе, куда был когда-то сослан председатель Реввоенсовета. Обычный сибирский постоялый двор, и необычно лишь пыхтение автобуса на его задворках. На следующий день утром под'езжаем к Качугу, но в полкилометре от него автобус жалобно скрипит и останавливается — нет бензина, шоффер бежит с ведром в Качуг.

31733

Качуг — начальный пункт Ленского водного пути, место перевалки. Но далеко не всегда доходят сюда пароходы — часто перекаты недостаточно покрыты водой до самого Усть-Кута, лежащего почти в 500 *км* ниже. Так и в этом году — уже пора начинать сплав, а неизвестно, когда придут пароходы и смогут ли вообще добраться. Вода исключительно низка — и даже карбаза и павозки пока не смогут пройти перекат сплавом. Весь Качуг в унынии — сюда за зиму заброшено множество товара для Якутска и Ленских и Алданских приисков, и если сплава крупных судов не будет, придется перегружать на лодки и вести до Жигалова и даже до Усть-Кута. Оба берега Лены — здесь она еще узка, не шире Москвы-реки, — заставлены спущенными и строящимися судами. Основной тип — это карбаз: на Лене так зовут грубое сплавное сооружение, пятистенный сруб на плоском днище, прикрепленном кокорами. Две стены образуют нос, остальные три — борта и корму. Такие суда годны только для сплава: внизу, в Якутии, их

Библиотека РКБМФ СССР

продадут на слом — на дрова, на тротуары, на заборы. Поэтому последние там всегда в бесчисленных дырах—от деревянных скреп. Карбаз с крышей называется павозком или паузком, в нем торговцы плывут с товаром вниз по Лене, торгуют в приречных деревнях. Сплавные суда, пока Лена узка, плывут поодиночке, ниже их «склячивают» попарно, кормами вместе, так что получается одна посудина, заостренная на носу и корме. Еще ниже такие склячен-

Сотрудники экспедиции В. Протопопов, И. Чернов, К. Салищев.

ные пары соединяют по две, по три в ряд, как это делается с баржами. Кроме того, на Лене в ходу большие длинные лодки на 250 — 300 пудов.

В Качуге, в конторах Якутторга и Ленагольдфильдс сведения о пароходах весьма неопределенны: «вода мелка, может быть, встретите их в Жигалове» (120 *км* ниже). Ищем лодку — нанять или купить. Сегодня воскресенье, яркий день, берега Лены белы от множества срубленных судов. На лугу несколько комсомолок в красных платочках копают ямы для изгороди — очередной субботник. По берегу бродят ленивые фигуры, наблюдающие за водной жизнью. Без всякой надежды, что их возьмут в лоцмана, по одной лишь давней традиции прибрежных жителей они пугают нас

трудностью плаванья: «нынче вода мала́я, все опечки на виду» — и ехать, мол, одним — безумие.

Очень скоро мы находим старика, который везет товары в Жигалово в двух громадных лодках и нуждается в добавочном грузе. Лодки связаны бортами, на одной навалены ящики с конфетами, пряниками, железо, части машин — груз, который два мрачного вида мужика взялись доставить из Иркутска на лошадях в Жигалово, а теперь предпочли перегрузить на лодку. Старик-лодочник словоохотлив и юрок, все время с прибаутками, испытанный, по его словам, лоцман. Все же, едва выехав, садимся на мель: воды здесь мало, даже для лодок. Старик быстро скидывает портки и лезет в воду; два его племянника — гребцы — стараются раздеваться медленнее, надеясь, что «оплеуха» которую заводит старик, сдвинет лодки с мели. «Оплеуха» — это длинная доска, прикрепленная одним концом к лодке, другой ее конец на веревке заводится на стрежень. Струя воды, давя на этот рычаг, постепенно сворачивает судно с мели.

До Жигалова плывем двое суток, садимся нередко на мель. В Жигалове — пустые пристани: на перекатах ниже всего 7 вершков воды, и пароходы застряли где-то вблизи Усть-Кута. Старик дальше не едет, и нам нужно искать новую лодку. Но это не так-то просто; хотя в Качуге уверяли, что в Жигалове всегда найдутся лодки, здесь берега совершенно пустынны. Полдня бродим по бесконечной улице села, звоним по хриплому телефону (их здесь целых четыре!) на пристань, на лесопилку, в надежде достать хоть гнилую лодку. Выясняется, что можно через день или два отремонтировать большую и дорогую лодку на 300 пудов. Встречаем на улице советского служащего, едущего в Якутск. Он уже месяц сидит в Жигалове — с весенней распутицы, ожидая пароходов. Наше желание выехать через час или два кажется ему странным: куда торопиться — суточные идут, чего же больше! В отчаянии садимся на берегу, на манер волжских разбойников, авось, набежит какая-нибудь лодка. Лодка, действительно, набегает, и владелец, едущий только до Жигалова, соглашается продать ее нам за 70 рублей — вдвое дороже, чем в Качуге. Через полчаса отплываем, уже без лоцмана, сами хозяева и гребцы. Это не мешает нам в тот же вечер основательно дважды сесть на мель. К ночи, несмотря на вторую половину мая, густой мокрый снег. Приходится обновить палатки; в первый раз, да еще в темноте, разбивка лагеря идет медленно. На следующий день на реке серо, снег,

*

холодный ветер, холодно в полушубках и теплых шапках, все с нетерпением ждут своей очереди сесть на весла.

За Жигаловым мы вскоре обгоняем карбаз трех братьев-торговцев, который мы за эти дни видели уже несколько раз. У них еще нет денег на постройку павозка, но наверно на будущий год они поведут павозок или даже два: сейчас, когда все суда стоят еще в Качуге, им удалось выбраться за Жигалово, и они первые снимут сливки с низовых жителей, весной жадно набрасывающихся на свежие товары. В высоких теплых шапках они сидят на веслах, и несмотря на неуклюжесть судна во всем ансамбле есть что-то хищное.

Нам везет — мы встречаем пароходы ниже Орленги, в одной трети пути не доезжая Усть-Кута. Они ждут воды, чтобы подняться вверх, но один из них, «Тайга», завтра уйдет вниз для первого почтового рейса в Якутск. Лодочное путешествие кончено.

Лена становится с каждым днем шире, но характер ее берегов все тот же: почти ровное, слабо волнистое плато, вышиной в несколько сот метров над рекой, крутые склоны, покрытые лесами, и кое-где утесы. На протяжении 2 000 *км,* огибая с юго-востока древнюю кембросилурийскую платформу, Лена прорезает в ее окраине свою долину. Река постепенно становится все более мощной, долина расширяется и теряет характер лесистого каньона.

Между Качугом и Жигаловым мы проплыли мимо Верхоленска, недавно еще уездного города. В противоположность Жигалову и Качугу, оживленным перевалочным пунктам (до Жигалова еще идет колесный тракт, дальше прекращающийся), Верхоленск умирающий город. В нем нет новых светлых построек, и со своими темнобурыми деревянными домами, на высоких подклетях, стеснившимися над яром, он напоминает старинные русские города XVI — XVII веков. Сохранились две старинные церкви XVIII века, из которых более древняя, 1718 г., сильно перестроена.

Усть-Кут живое местечко, по крайней мере сейчас, когда в нем в ожидании первого рейса скопилось много народа. Кроме того, здесь недалеко соляной завод, отсюда идет по р. Куте путь на Илим (откуда проникали на Лену с Ангары казаки).

В Усть-Куте наш пароход стоит два дня в ожидании почты: вверху неожиданно прибыла вода, и из Жигалова удалось отправить маленький пароход с баржей. Пока с палубы наблюдаем береговую жизнь; постоянно сверху приплывают лодки с рабочими, отправляющимися на заработок в Ленскую тайгу: они и дальше

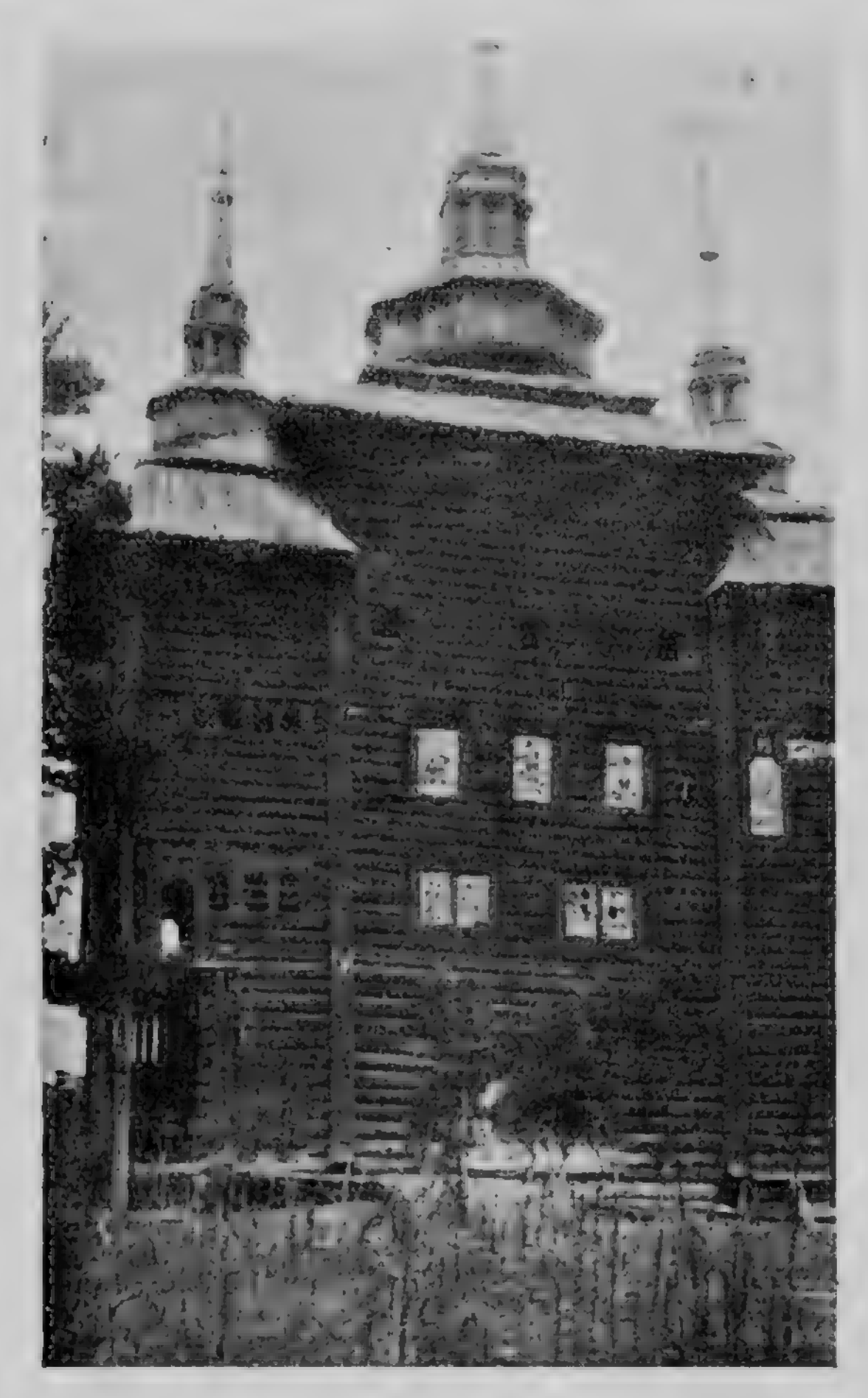
едут в лодках — для них пароход слишком дорог. У берега стоит много лодок; вот старик отливает ведром воду из одной — и при этом льет в соседнюю. С высокого яра вдруг раздается крепкая виртуозная ругань — хозяин другой лодки восстанавливает справедливость. Старик отвечает, и перепалка длится минут пятнадцать. Сначала общая отделка родителей, затем выясняется несознательность старика, уже в современной терминологии. Наконец, обещание спуститься вниз и накостылять. На набережной три-

2 500 пуд. почты на пристани в Киренске.

дцать или сорок зрителей с удовольствием комментируют отдельные выпады. Лица их безжизненны и апатичны — не потому, что такова природа усть-кутцев, но они все едят кедровые орехи. Это развлечение — настоящий бич Сибири, замедляющий темп всей жизни. От этой болезни не свободны и приезжие — вы можете видеть на одной из прилагаемых фотографий моих спутников в типичной позе орехоедов.

25 июня приходит наконец почта — все, что накопилось в Жигалове за 2 месяца распутицы и половодья, 2 500 пудов. Черными почтовыми баулами заваливают нижнюю и верхнюю палубу парохода и целую баржу. Здесь есть несколько запоздавшие посылки, которые отправлены из центра в октябре!

Следующий город — Киренск, центр уезда, а теперь округа, значительно укрупненного. Это уже настоящий уездный городок. Главная его достопримечательность — действительно прекрасная надвратная монастырская церковь XVII в. Она построена



Надвратная монастырская церковь в Киренске 1693 г.

в 1693 — 95 гг., но сильно перестроена в 1758 г. Повидимому, к этому времени относятся ее главы с двумя восьмериками и шпилем, напоминающие формы каменных барочных церквей XVIII в. Церковь потемнела, сильно разрушается, из нее вынута часть слюдяных окон, которые уисполком отдает охотно в музеи. Есть предположение разобрать ее, так как она грозит обрушиться

(в ней давно уже не происходит богослуженья). Это было бы чрезвычайно жаль, церковь представляет архитектурный памятник большого значения не только для Сибири, но и вообще для СССР: деревянных надвратных церквей у нас, насколько я знаю, почти не сохранилось, а совершенство выполнения делает Киренскую церковь особенно замечательной.

Вблизи Киренска берега Лены живописны, много утесов известняков среднего кембрия, который, начиная отсюда, пере-

Пароход на Лене во льдах.

секает река; очень хорошо видно немного ниже города налегание красноцветных свит верхнего кембрия на известняки.

Уже выше Киренска начали встречаться на берегах льдины — остатки недавнего ледохода. Дальше груды их все больше, и к устью Витима берега покрыты сплошными ледяными барьерами в 3 — 5 метров. Против устья Витима на левом берегу Витимск — первое поселенье, входящее в пределы Якутской республики. Здесь пароход швартуют к льдинам. Ниже Витимска мы вступаем в лед, выходящий из Витима, и так, со льдом, идем вплоть до самого Якутска. В Олекминске лед мешает пристать к берегу, и ниже нам приходится отстаиваться у берегов, в ожидании пока пройдет лед.

Наш пароход — первая весточка весны, первая почта, первые товары после весеннего бестоварья, новая водка (старые запасы выпиты еще зимой), и немудрено, что во всех деревнях и городах все население высыпает на берег к пароходу, иногда с выстрелами и красными флагами.

Ближе к Якутску Лена подавляет своей шириной; она достигает 10 — 15 километров; множество островов разделяет водную гладь, и с парохода часто не видно берегов. Последние низки — река ушла из палеозойского плато и прорезает широкую полосу юрских и послетретичных осадков, слагающих низкое береговое плато в 100 метров высоты. Очень красивы обрывы юрских песчаников, в особенности у почтовой станции Тойон-ары, лежащей под их утесами.

В Якутск мы приходим рано утром, и население не успевает собраться в достаточном количестве. Прибытие первого весеннего парохода обычно для Якутска большое торжество, и на пристань сбегается несколько тысяч человек.

II. ЯКУТСК

„Когда совсем готовый, населенный и просвещенный край, некогда темный, неизвестный, предстанет пред изумленным человечеством, требуя себе имени и прав, пусть тогда допрашивается история о тех, кто возводит это здание, и также не допытается, как не допытались, кто поставил пирамиды в пустыне".

И. Гончаров. Фрегат Паллада.
(О Якутске.)

Уже больше 200 лет Якутск описывают различные путешественники. Нет смысла повторять их и давать новое подробное описание города, тем более, что есть такое мастерское, как гончаровское. Отмечу лишь некоторые новые черты нового Якутска, столицы автономной республики, которые удержались в памяти.

Якутск похож на многие сибирские уездные города (в нем всего 7 315 жителей): широкие улицы с деревянными домами, длинные заборы, отсутствие зелени, деревянные тротуары неравной высоты. Бросается в глаза небольшое количество каменных домов и почти полное отсутствие среди них двухэтажных; город стоит на вечной мерзлоте, и строить тяжелые здания трудно: двухэтажное реальное училище уже расползается. Только церкви, построенные на лиственичных плотах, держатся крепко. А. А. Семенов, крупный местный общественный деятель и отчасти фантаст, одно время наркомфин Якутии, проектирует перенести Якутск в новое место, на 100 *км* южнее, к упомянутой станции Тойон-ары, откуда уходит новая дорога на Алданские прииски. Там, на юрских утесах, можно будет строить небоскребы, которых, как думает Семенов, требует блестящее будущее Якутска.

В Якутске еще с парохода видна большая церковь со снятыми крестами. Это — бывший новый собор, и рядом архиерейский дом, превращенные теперь в культурные учреждения. В соборе — архив: в Якутске за 300 лет скопилось очень много ценных документов по истории завоевания края, по истории якутского на-

рода и, наконец, по истории ссылки — явления, окрашивавшего всю жизнь области. Весь корабль церкви занят полками с делами, а в алтаре — канцелярия. В архиерейском доме уже при нас начали открываться залы музея, который до сих пор был стеснен в одном здании вместе с библиотеками — публичной и национальной. Последняя также представляет создание нового времени — она возникла благодаря энергии Академии наук, которая прислала уже более 40 000 томов своих изданий и дублетов своей библиотеки. Для такого отдаленного края, откуда выехать в центр — целое предприятие, создание большой библиотеки настоящее благодеяние.

Еще одну черту новой жизни замечаешь сразу — это названия улиц и вывески параллельно на русском языке и якутском. Якутские надписи — по новой транскрипции, выработанной якутским лингвистом Новгородовым. В основу ее взят латинский алфавит, дополненный для ряда якутских звуков специальными буквами. Последние представляют наиболее слабое место новгородовской транскрипции. Введена русская буква — ѣ — очень странная среди латинских; она к тому же имеет произношение, отличное от русского; введен ряд новых букв, главным образом представляющих лигатуру двух гласных; многие из них в рукописном тексте очень сходны с буквами основного алфавита. Очень неудачно, также, перевернутое *с* для звука *о*. Наконец, Новгородов отказался от знаков препинания и заглавных букв. Мотивирует он это оригинально: глагол занимает в урало-алтайских языках определенное место в фразе, заканчивая ее, и, таким образом, делает излишним точку и запятую. Прочие знаки препинания «совершенно излишни, так как и без них при помощи второстепенных восклицательных частиц, соответствующей интонации и других приемов легко выражать все изгибы и оттенки мысли и слова». Точно также отказ от заглавных букв Новгородов мотивирует ссылкой на тюрко-татар и монголов. Но следует припомнить, что и в европейских языках в средние века почти не употребляли заглавных букв и знаков препинания — это просто начальная стадия письменности, когда еще не нужно быстро читать. Таким образом, в угоду ложно понятому национальному самоопределению была принесена в жертву ясность текста и легкость чтения.

Несмотря на свои несовершенства, транскрипция Новгородова нашла широкое признание в Якутии и теперь введена во всеобщее

употребление. По ней учатся во всех школах, издаются буквари, учебники, литературный журнал, газета «Кым» и пр. Транскрипция подвергалась разносторонней критике, предлагались многочисленные изменения; теперь, после смерти Новгородова, часть из них введена Советом якутской письменности, именно: заглавные буквы, знаки препинания, изменение рукописного надписания некоторых букв, замена знака долготы (раньше после длинной гласной ставилось двоеточие, прерывавшее слово, теперь общепринятая в других транскрипциях черта над гласной) и т. п. Повидимому, все же, система Новгородова, судя по отзывам учителей, соответствует духу языка, и после замены некоторых практически неудобных букв удержится. Очень серьезны возражения защитников русских транскрипций, указывающих, что сейчас якутским детям приходится учить два алфавита. Новгородовцы парируют это указанием, что лучше, если для каждого языка будет особый алфавит — иначе та же буква в разных языках будет изображать разные звуки, и дети будут постоянно ошибаться.

Следует отметить, что и у других тюркских народов СССР сейчас энергично вводится латинский алфавит, даже у тех, которые имели до сих пор свой арабский.

В остальном, кроме вывесок, якутизация идет пока медленно. Хотя почти все население знает якутский язык и в лавках говорят наполовину по-якутски, а на базаре русская речь и вовсе редка, в учреждениях еще говорят по-русски, и даже заседания совнаркома происходят по-русски. Знание якутского языка для советских служащих обязательно; процесс якутизации пройдет вероятно гораздо безболезненнее, чем, например, украинизация. Житель Якутска с детства говорит по-якутски; в некоторых русских деревнях по Лене якутский язык давно вытеснил русский, так что дети даже не понимают по-русски; путешественники XVIII — XIX веков отмечают, что в салонах Якутска преобладал якутский язык.

Пишущих машинок с якутским алфавитом пока еще нет, и все делопроизводство ведется по-русски; по-русски ведутся даже сношения с волостями, где часто только один секретарь и знает русский язык.

Из замечательных сооружений Якутска следует отметить деревянную башню у старого собора — единственную, оставшуюся от знаменитого острога XVII века.

Острог этот построен казаками для защиты Якутска в 1683 г. До начала XX века сохранились 3 башни с двумя пролетами внутренней стены между ними и одна отдельная надвратная башня внешней стены. Это сооружение было единственным памятником деревянного крепостного зодчества XVI — XVII вв. не только в СССР, но и во всей Европе (сохранились еще отдельные маленькие башни в Илимске и в Братском остроге на Ангаре), и, например, И. Грабарь, в своей «Истории русского искусства» пишет о нем: «Поистине счастливый случай уберег до наших дней одно из грандиознейших древних крепостных сооружений».

За сохранностью этого замечательного сооружения никто не следил, жители растаскивали стены на дрова, внутри накопилось множество нечистот. Кажется, что для якутян острог был всегда бельмом на глазу, по крайней мере неоднократно якутские власти просили разрешения уничтожить его. В 1877 г. якутский губернатор писал министру внутренних дел: «В виду изложенного состояния башен, не имеющих никакого значения в архитектурном отношении, имею честь просить разрешения продать на снос находящиеся в Якутске и пришедшие в разрушение четыре старые деревянные башни, и вырученные от продажи деньги обратить по принадлежности в казну». О том же просил и иркутский генерал-губернатор, а преосвященный Никанор, епископ якутский и вилюйский, хотел поставить на месте башни «в память этой старины» — каменную часовню! О сносе башен якутские губернаторы просили еще несколько раз, указывая, что башни превращаются в ночные притоны для городского сброда и в источники заразы. Никто не хотел давать денег на их поддержание — ни духовное, ни светское начальство, и не были они уничтожены только благодаря заступничеству Археологической комиссии. [1]

Неудивительно, что в годы гражданской войны, когда стало нехватать дров, остатки острога, по привычке, сожгли на городской электрической станции.

Семенов, о котором я писал выше, чтобы спасти остававшуюся еще башню и две тарасы (звено-сруб) стены, отдал станции свою дачу; некоторое время Семенов ходил ежедневно осматривать свое приобретение, но раз, пропустив несколько дней, не нашел уже ничего — в эти дни был перенесен прах одного из защитни-

---

[1] Н. В. Султанов. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. Изв. Арх. Комиссии, 1907, вып. 24.

ков Якутска от белых шаек, и для рытья могилы понадобилось сделать пожоги (дело было зимой), на костры и пошла злополучная башня. Таким образом, осталась только одна, последняя, башня у собора. Это не помешало, однако, журналистке З. Рихтер, посетившей в 1926 г. Якутск, написать в газете «Известия» и позже в особой книге, что «сохранились недавно реставрированные бревенчатые вышки», и даже поместить старую фотографию погибших уже башен!

Якутяне вообще склонны к разрушениям: недавно, например, во время какого-то праздника пионеры очищали для футбола площадь перед собором и сожгли заодно столб, отмечавший астрономический пункт — столб, у которого работал целый ряд экспедиций. Нам, для наших работ, пришлось наново определять положение инструмента по колокольне.

По прибытии в Якутск мы прежде всего постарались найти Николаева. Несколько дней он как будто скрывался от нас, но, наконец, нам удалось допросить его в присутствии заместителя председателя совнаркома Якутии, т. Захаренко, и спутника Харитонова — знатока местного края, бывшего колымского исправника Н. Березкина. Николаев — болезненного вида блондин — охотно рассказал нам всю увлекательную историю находки им платины. По его словам, в 1922 г. он пытался подойти к Верхоянску с востока, но, узнав, что город занят красными, повернул вместе со своими спутниками на юго-восток, в Мому (на Индигирке). Подойдя к Чыбагалаху, они с перевала увидали за рекой на юге пять конусовидных гор, напоминавших коровье вымя. В верховьях Чыбагалаха они нашли юрту якута Ивана; отсюда старик ламут Никульчан, приведенный сверху, повел их вниз по Чыбагалаху, потом через 8—12 верст перевалили влево на другую речку, текущую также на северо-восток и впадающую в Индигирку выше Момы. По этой речке пошли вниз; на первой же ночевке Никульчан показал намытую им платину и продал 6 золотников за табак. Пройдя по речке 40 — 50 верст, Николаев оставил ее вправо и пошел на северо-восток по горам: в 60 — 70 верстах далее нашли стойбище ламутов, а пройдя еще верст 80, вышли к Моме — селению на Индигирке. Здесь Николаев уговорил старика-ламута показать за табак и спирт месторождение, где он намыл платину. Заявив, что в тайге им потеряно ружье, Николаев поехал со стариком и переводчиком (сопровождавшим его все время) обратно, тем же путем. В ламутском стойбище

оставили переводчика; далее, достигли вдвоем описанной речки, параллельной Чыбагалаху, и поднялись по ней верст 30. Здесь, прорвав красноватые утесы, река образует расширение, и в нем делает две петли; в первой же петле ламут указал месторождение в обрывах террасы. Вся область — высокие горы без леса, вниз по реке его граница находится в 40 верстах от месторождения, в другую сторону в 20 верстах. На месторождении работали 4 дня, причем ламут показал Николаеву, как доводить пески на сукне, чтобы отделить мелкую платину. Всего с 200 лотков получили 1—2 золотника. Позже Николаев купил у ламутов еще платины. Сделанные им записи — описание месторождения — позже погибли (как это бывает во всех рассказах о кладах).

Мы указывали Николаеву, что его рассказ расходится с прежними его сообщениями, но он клялся, что окончательную правду он говорит только теперь и составил даже схематическую карту, на которой горы были изображены в профиль и деревья елочками, как на китайских картах.

Детальность карты, живописное богатство подробностей в рассказе Николаева — особенно это коровье вымя, которое мы должны увидать, — заставляли верить, что Николаев был в описанных им местах. Что же касается самой платины, то многочисленные противоречия в показаниях Николаева внушали подозренья, что вся история выдумана им, чтобы скрыть действительный источник платины. Все же нельзя было окончательно решить вопрос, не побывав на месте.

Карта и рассказ Николаева значительно облегчали наши поиски. Раньше мы должны были, спустившись с хребта Кех-тас, искать среди многочисленных речек, впадающих в Чыбагалах, ту, на которой был Николаев. Теперь мы знали ее положение по отношению к Чыбагалаху и к юрте якутов, мимо которой проходит дорога.

Тем не менее, цель наша была отдаленна и таинственна: неизвестно, какими путями можно пройти с юга к Чыбагалаху, как далеко до него; существует ли большая река Сюрыктах-Арга, которая, по картам, течет параллельно Индигирке от самого Верхоянского хребта и существование которой отрицалось и Николаевым и Березкиным; наконец, где Чыбагалах Николаева — тот ли это Чыбагалах, который на карте впадает в Индигирку на 65° 14' сев. широты, или это приток Сюрыктаха. Никто не мог сказать нам в Якутске, можно ли проехать на лошадях на Чыба-

галах, есть ли там корм для лошадей, возможно ли достать там какое-либо продовольствие для людей. Кроме Николаева, никто там не был, а с юга никто вообще не ездил к низовьям Индигирки. Недаром Майдель называет Кех-тас одной из самых диких и негостеприимных горных стран Якутской области.

За последние 50 лет вряд ли какая-либо русская научная экспедиция отправлялась в такой обстановке, напоминающей романы приключений: белый кондотьер, нашедший богатые россыпи, план с двумя крестами, таинственный старик-проводник, горы в виде коровьего вымени, красные скалы, безлесные суровые хребты, никому неизвестная страна, грозящая голодом животным и людям, и наконец перспектива застрять там, вблизи полюса холода, на зиму, если захватят в горах осенние снега!

Подготовка нашей экспедиции была начата зимою. А. Семенов, содействовавший уже нескольким экспедициям, принял на себя заботы и о нашей. Еще в феврале, во время с'езда представителей улусных[1] исполкомов, Семенов подрядил председателя оймеконского исполкома т. Индигирского доставить 70 пуд. муки, 10 пуд. крупы и 6 пуд. масла на Чыбагалах к имеющейся на этой реке юрте якутов. Индигирский (настоящая фамилия его Винокуров, а эту он принял во внимание к своему высокому званию и в отличие от многочисленных в Оймеконе однофамильцев) уехал зимой же обратно, и неизвестно, удалось ли ему отправить продовольствие и вообще имелись ли заказанные продукты в Оймеконе, или там давно все с'едено, как бывало нередко. Неизвестно было также, куда именно забросит он продовольствие, так как он сам также не имел ясного представления о районе наших работ.

К нашему приезду начали уже закупать лошадей. По совету Семенова, я решил иметь собственный караван, ибо цель путешествия была неясна и отдаленна, нельзя было ручаться за возвращение в срок, если вообще можно было говорить, что удастся приехать на лошадях обратно. Для многих знатоков края исполнимость этого проекта казалась очень сомнительной. Они считали, что дольше двух месяцев на одних лошадях итти нельзя — дальше лошади будут совершенно истощены и собьют себе копыта; говорили, что во всяком случае обратно через хребет мы на этих лошадях не пройдем — после первого пересечения хребта их ноги будут пригодны только для мягкой дороги. Советов давали очень

[1] Улус аналогичен нашей волости, наслег — деревне, но благодаря раскиданности поселений площади их гораздо больше.

много — и самых противоречивых — например, Березкин, имевший многолетний опыт, рекомендовал нам переждать «время комара» — неделя три, когда лошадям итти невозможно, советовал разделить караван на две части, иначе в горных долинах не найдется достаточно корма. Даже расстояние до Оймекона определялось различно: одними в 800 *км*, другими в 1 300 *км*. Можно себе представить, какое настроение создавалось у нас после этих разговоров, когда мы знали, что до Чыбагалаха не менее 800 *км* и что надо итти туда быстрым темпом, иначе назад в Якутск на лошадях мы уже не поспеем.

Особенно много беспокойства было связано с ковкой лошадей. Местные жители в один голос советовали не ковать — кованая лошадь легче проваливается в болотах, барахтаясь ранит подковами ноги и, наконец, обрывает между корнями деревьев подковы вместе с краями копыт, что ведет к быстрому сбиванию ног и выводит лошадь из строя. Между тем нам нужно было сохранить лошадей на 4 месяца и перейти при этом несколько хребтов, из которых Верхоянский — наверно альпийский, с большими галечниками по речкам и с каменистыми развалами на перевалах. Опыт предыдущих северных экспедиций не мог ничего дать — все они шли северными тундрами, а Черский — на наемных лошадях, всего только два месяца, и менял их три раза. После двух бессонных ночей я приказал ковать всех лошадей, кроме трех горных, оставленных на пробу. Как оказалось потом, подковы действительно сохранили нам караван. Рабочие, которые также были против ковки, очень неохотно повели лошадей в кузницу. Занятие это было не из приятных — Семенов отобрал нам самых крепких и свежих лошадей, «жирных» по местной терминологии («сухие» не выдержали бы дальнего пути); большая часть их никогда не ковалась, и заставить их войти в станок было трудно. После ковки, которая продолжалась три дня, некоторые из лошадей вернулись с ободранными ногами, а люди совершенно выбившимися из сил.

Очень удивило нас местное вьючное снаряжение. Вместо потника якуты кладут толстый матрас из сена, сверху прикрытый мешковиной, а снизу только простеганный шпагатом. Двадцать шесть таких потников, привезенных к нам, казались возом сена, и я вначале отказался принять их, думая, что это ошибка. Но пришлось подчиниться указаниям знатоков, утверждавших, что при осенних дождях в Якутии такие потники лучше — их скорее

можно просушить, чем войлочные. Делать было нечего, тем более что войлока в городе не было (к весне в Якутске кончаются все товары, и достать ничего нельзя). Пришлось взять все потники — б о т ó — и к ним соответствующее количество грубо сделанных седел — х а н к а — и 750 аршин сырых ремней, которые должны были заменить веревки. Русские рабочие, привезенные из Иркутска и привыкшие к хорошо прилаженному русскому вьюку, глядели с возмущением на это нищенское снаряжение; к их большой радости удалось прикупить для остальных 8 лошадей русские седла. Наконец уже в день от'езда, с только что прибывшего парохода купили еще 300 аршин веревки, но потом и этого нехватило на поводы и на обвязку вьюков для громадного каравана в 44 лошади, и пришлось прикупать дорóгой по несколько аршин ремней у якутов. Всего мы извели за лето около километра веревок и ремней!

Эта мало интересная для читателя тема — вопросы снаряжения — для экспедиции в глухие места имеет решающее значение: неудачно снаряженная экспедиция гибнет или принуждена возвратиться, не сделав и десятой доли предположенных наблюдений. В особенности трудно снаряжать экспедиции в такие дикие места, как предстоявший нам район, где условия работы неизвестны. Здесь нужно решить многое на-авось. Таков был вопрос с продовольствием. Неизвестно, завезут ли заказанные продукты на Чыбагалах, а если нет — можно ли достать там что-либо вообще. Но силы нашего каравана ограничены — из 44 лошадей 32 вьючных могут поднять всего 144 пуда (по $4^1/_2$ пуда — больший вьюк в болотах гибелен); увеличивать караван нельзя, как из-за недостатка средств, так и из-за отсутствия кормов для такого количества животных. Поэтому можно взять продовольствия только на полтора месяца (не считая чая, сахара и т. п., которые везутся на 4 месяца), остальных лошадей занимает наше громоздкое снаряжение, в которое, кроме обычных палаток, ящиков и сум входит насос и шурфовой инструмент для разведок, запас подков и пр. По расчету мы должны дойти до Чыбагалаха в один месяц, и останется еще продуктов на две недели, чтобы, в случае если не найдем там ничего, пройти в Мому, где живут якуты и где можно достать мясо. А если задержимся? Ничего, в крайнем случае начнем есть лошадей. (Это блюдо — собственная лошадь — оказалось у нас на столе гораздо раньше, чем мы думали.)

В Якутске мы начали знакомиться с медлительностью якутов,

которая не раз приводила нас в отчаяние за время работ. Якуты, как и все восточные расы, не любят торопиться, — зачем, когда жизнь еще не кончается и времени много? И вот, рабочие, которых нанял для нас Семенов из числа работавших у него в Верхоянском хребте на свинцовых рудниках Эндыбала, приехали вместо условленного 4-го июня — 12-го, а вместе с ними и заказанное вьючное снаряжение. Почему? — Ветер не дал переправиться через Алдан. Приходится верить!

К 15-му июня — самый поздний срок, который я себе назначил для выезда из Якутска, — все почти закуплено; комнаты, которые нам отвели в гимназии, наполнены кулями с мукой, сухарями, крупой, сахаром, солью, вьючными ящиками, седлами, сбруей, железом. Сначала это полный хаос, потом все постепенно затюковывается в аккуратные «боковики» вьюков, по 2 пуда каждый. Очень много хлопот — не забыть купить все мелочи, которых, начиная с завтрашнего дня, нельзя будет уже нигде достать. Бегаем на базар еще за мотком шпагата, к кузнецу за французским ключом, в кооператив «Иделех» — за пилой, в «Холбос» за щипцами для сахара. Особенно много лишней беготни из-за того, что товара нигде к весне нет, — его приходится выискивать в самых неожиданных местах.

Только Салищев не принимает участия в общих хлопотах — он занят возле собора астрономическими работами: надо поставить наши шесть хронометров по якутскому времени и определиться в этом исходном пункте, куда мы вернемся через 4 месяца и замкнем ненормально-длинный астрономический рейс (других, ранее определенных, пунктов мы вряд ли коснемся по дороге).

15-го нанимаю последнего рабочего. Кроме двух иркутских здесь беру еще двух русских и четырех якутов. Русские — с Илима, ехавшие на работу в Бодайбо, но туда их не пустила милиция из-за грозящей безработицы; это однодеревенцы наших иркутян, пожилой, хозяйственный Петр Перетолчин, нежно любящий лошадей, и толстый Александр Черных, похожий на того жирного парня Джо из «Пиквикского клуба», который всегда спал или ел. Якуты — все из испытанных Семеновым (удачный подбор личного состава также залог успеха экспедиции), старик Афанасий Иванов, по прозвищу Леший, — опытный лесной человек и специалист по изготовлению сенных потников, переводчик Конон Гаврильев, человек торговый, с тонким монгольским лицом, Инно-

кентий Слепцов, удалой наездник, и Яков Жарков, молодой якут с застенчивой и простоватой улыбкой, в широкополой безобразной соломенной шляпе.

Пора ехать — начинают с'езжаться академические экспедиции, а мы гордимся, что мы первые выступаем нынче. Впрочем, на-днях проводили П. Хмызникова, который на лодке втроем едет изучать правый берег Лены от Алдана до устья. Трогательные проводы — каждый раз тосты. Совнарком чествует экспедиции оптом — в зале совнаркома дается банкет в честь экспедиций Академии наук и нашей. Подают грандиозные котлеты и молодое пиво. Я очень обижаю местного патриота вопросом «что это — квас или пиво?» Он с дрожью в голосе говорит, что раньше это пиво вывозили даже в Россию (в Сибири так искони называли европейскую часть СССР). Речи и тосты — «туда и обратно». Я также произношу две речи, главное достоинство которых — краткость. Сравниваю современную разностороннюю поддержку экспедиций Якутским правительством с тем, как в царское время небрежно помогали Толмачеву, или как в XVIII веке помощник Гмелина старшего Делиль де ля Кройер, на просьбу о помощи получил такой ответ: «господин вице-губернатор сими словами отказал, что де он нам не слуга, чтобы ему на нас работать».

За несколько дней до от'езда ко мне приходит какой-то якут и просит разрешенья осмотреть лошадей экспедиции: у него похищена лошадь. Предлагаю ему отправиться на дачу Наркомзема, где пасутся наши лошади. «Далеко, я подожду, пока их приведут в город». И вот накануне от'езда, во время ковки, он опознает одного коня и с помощью милицейского его арестовывает. Рабочие не отдают, и вся ватага с шумом вваливается ко мне. Якут пред'являет постановление нарсуда, — хотя конь похищен 6 лет назад во время гражданской войны и мог пройти десятки рук, — бывшему владельцу предоставлено право в случае опознания коня получить его обратно. Возраст и приметы коня явно не сходятся, но начальник отделения милиции решает коня отобрать у нас и держать пока при милиции. Мне приходится обратиться в совнарком — в Якутске научные экспедиции привыкли надоедать самому предсовнаркома со всеми своими нуждами, — чтобы согласно букве постановления нарсудьи конь был оставлен у меня впредь до решения дела. И мне выдают преступного коня на поруки, с тем что я ручаюсь за его жизнь и возвращенье в Якутск. Этот конь, № 11 по инвентарю, имеет очень хитрый вид: со своим розовым

носом и мохнатой мордой он совершенно похож на сатира; вероятно, если бы разрешили выбирать, он продпочел бы остаться в Якутске, чем пускаться в тяжелый путь, где ему придется довольно солоно.

15-го мы грузим половину наших лошадей на баржу. Нам нужно попасть на правый берег Лены, — здесь она шириной более 10 *км* с островами, и переправа производится пароходом с баржей. Последняя не вмещает сразу нашего каравана, и я отправляю вперед половину лошадей и рабочих. Не так-то легко заставить лошадей, никогда не видавших судов, войти в баржу, но еще труднее спустить их в трюм по узкой и крутой лесенке. Впятером подхватываем лошадь веревками под зад и насильно втискиваем в дверцу; лошадь неистово бьется и лягается; от ударов новых подков летят во все стороны куски палубы. На берегу собралась толпа зевак, которые диким ревом приветствуют каждый удачный удар. Некоторые лошади с испуга соскакивают со сходен в воду или перепрыгивают на баржу одним мощным прыжком, опрокидывая людей.

16-го повторенье того же зрелища со второй партией лошадей, и ночью мы подходим к низкому заливному правому берегу у селенья Бор-ылар. Высадка легка — лошади охотно выпрыгивают из тесного трюма, где всю дорогу они тоскливо ржали, томясь в предчувствии неизвестных опасностей. Для некоторых из них, погибших во время экспедиции, баржа действительно оказалась баркой Харона, а мутная весенняя Лена — Стиксом.

III. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Над Сергеляхом меркнет вечер,
В барже тоскливо кони ржут...

Первый день на правом берегу Лены пришлось посвятить прилаживанью потников и седел и перевязке тюков. Сейчас же возникла первая распря между русскими и якутами — спор о превосходстве того или иного метода вьючки и треножения лошадей. Как во всех национальных распрях, страсти быстро разгорались, и, чтобы раз навсегда положить им конец, пришлось разделить русскую и якутскую часть каравана: каждым отдельная палатка, отдельные котлы, отдельные лошади, каждый вьючит по-своему, и ответствен лишь за сохранность груза и лошадей. Рабочим предоставлялось доказать, чья система лучше, и все лето мы имели полезное соревнование. Интересно, что к концу лета русские приняли некоторые якутские приемы, в частности признали столь ненавистный сенной потник, а якуты убедились в превосходстве русской обвязки вьюков.

К шести часам вечера все завязано и распределено. Начинают ловить и делить лошадей. Одни стараются выбрать посмирнее, другие покрепче. У каждого рабочего, кроме верховой лошади, будет связка из 4 или 5 вьючных на поводу. Нужно выбрать верховых для нас: это трудно, — все лошади злые, дикие, храпят и косят, с круглыми крупами, почти все белые (основная масть в Якутии — на темных охотнее садятся комары и они больше гибнут).

Вьючка этих диких мустангов оказывается спектаклем, достойным американских прерий. Лошади совсем не хотят вьючиться. Несколько человек держат их на ремнях, наваливают вьюк, опасливо стягивают подпругу — затем дикий прыжок, ремни рвутся, и лошадь мчится по кустам, сбрасывая вьюк, неистово поддавая задом со скользящим по нему седлом. Некоторые убегают за 2-3 километра, их снова ловят и приводят обратно.

К двенадцати часам ночи покоренных лошадей начинают связывать в связки. Но в ужасе при виде соседних вьюков, вся связка свивается в кольцо, лошади и кладь перепутываются, все разрывается, и снова лошади мчатся по кустам и лугам. В час ночи, отчаявшись собрать весь караван, я начинаю отправлять готовые связки под начальством Протопопова — проводника у нас нет, но где-то неподалеку проходит Охотский тракт, по которому мы можем пока итти на восток. Сам остаюсь в арьергарде. Особенно много хлопот доставляет связка Иннокентия. Как лучший наездник, он выбрал себе самых диких лошадей — позже мы изучили все ехидство некоторых из них. Особенно интересны Мышка — мышастый верхоянский горный конь, лучший в караване, который до последнего дня, несмотря на все тяготы пути, начинает утро несколькими курбетами с тяжелым вьюком, и Рыжка, худощавая ярко-рыжая, злая и хитрая лошадь. К тому же у Иннокентия вьюк из четырех печек, которые громыхают при каждом шаге. И конечно, когда в три часа утра (ночи здесь совершенно светлые), собрав последние связки, мы думаем выступить, связка Иннокентия свивается в кольцо, все опять в куче. Миг — и одна белая лошадь со вьюком мчится в глубь берега, за ней Иннокентий, Рыжка убегает вдоль реки на юг, две лошади падают вместе, Чернов бросается к ним и, лежа вместе с ними, держит за шеи, чтобы не убежали. Рыжку Иннокентий находит только в шести верстах, в это время обрывается и убегает другая лошадь, и долгое время сначала я один, а потом вдвоем с Иннокентием стараемся подманить и поймать ее. Только в 5 часов утра — через полсуток после начала вьючки — выступает в путь последняя связка; я веду торжественно впереди коня с печками. В 16 *км* от берега находим на Охотском тракте у первого «аласа» отдыхающий караван.

За поймой Лены дорога сразу поднимается на плоскую возвышенность, по которой и идет до Алдана. Возвышенность эта высотой от 100 до 150 *м* над Леной, сложена главным образом послетретичными отложениями, и лишь к востоку и югу под ними появляются более древние меловые и юрские отложения. Возвышенность имеет плоско-волнистую поверхность.

Характерной чертой полосы в 200 — 300 *км* вдоль Охотского тракта являются бесчисленные аласы — впадины круглой или овальной формы с лугами, окруженные тайгой. Первоначально в этих впадинах помещались озера — их сохранилось еще очень много, — затем озера постепенно усыхали, сокращались, и впа-

дина превращалась в луг. Аласы расположены часто рядами, представляя четкообразные расширения какой-либо незначительной речной долины. Это — превосходные луга и пастбища, и возле них всегда селятся якуты. Аласы — большей частью замкнутые впадины, и об'яснить их происхождение обычной речной эрозией нельзя. Пока происхождение их еще вызывает споры, но повидимому наиболее верна ледниковая гипотеза, по которой громадные ледники, спускавшиеся в Лено-Алданскую впадину с Верхоянского хребта, заполняли все пространство до Лены. Остатки этих ледников были прикрыты позднейшими наносами, а теперь, по мере таяния льда, образуются провалы. Некоторые озера возникли вероятно благодаря размытию глубоко-лежащих известняков и последующим провалам. Аласы придают местности своеобразный характер — после переезда по лесу вы попадаете на очаровательную, особенно весной, зеленую поляну, иногда с юртой на краю; опять темный лес — и опять изумрудное пятно.

Чтобы не дать нашим лошадям очнуться, мы простояли у первого аласа несколько часов и двинулись дальше по Охотскому тракту. После сорокаверстного перехода пришли только под утро к первому населенному пункту — Мегину. Это три или четыре юрты, расположенные на берегу большого озера Тюльгюлю, извилистыми заливами заходящего в крутые яры. Отсюда Черский свернул с тракта по прямому пути к Алдану. Но местные якуты не знают дороги; оймеконцы приезжают этой дорогой зимой, а летом неизвестно, можно ли пройти. После короткого раздумья направляемся снова по Охотскому тракту — это превосходно наезженная сухая дорога, почти парковая аллея, и жаль ее покидать ради болот прямого пути. Говорят, можно свернуть влево дальше — у Татты, улусного центра.

Еще два больших перехода и стоянки в аласах. Постепенно переходим на дневное передвижение — ночное утомляет людей. Лошади значительно смирились, и только наиболее буйные прыгают утром во время вьючки.

На четвертый день заболевает Алексей Перетолчин. Он от боли корчится в седле, а в аласе Куранах-талон («сухая долина») приходится сделать дневку. Ночью страшные боли в области слепой кишки; не помогают имеющиеся у нас лекарства; после расспросов об истории болезни я ставлю диагноз — воспаление червеобразного отростка. К вечеру мимо проезжает мальчишка фельдшер из ближайшего медицинского пункта — Чурапчи. Посмотрев

больного, важно спрашивает: «Его рвало? Нет — значит не аппендицит. Все же, давайте опий». При этом своему юному, довольно наглому лицу, он старается придать необходимый медицинский авторитет. К ночи больному становилось все хуже и хуже — надо было решить вопрос, что делать. Весь лагерь в унынии — очень плохое предзнаменование, когда, не выйдя из пределов цивилизации, мы теряем уже одного спутника. Но везти с собой больного, для которого верховая езда опасна и который ежедневно может нас задержать, в то время как над нами висит угроза зимы и передвиженье рассчитано чуть ли не по часам, — бессмысленно. По соглашению с больным, решаю отправить его обратно в Якутск и оттуда обеспечить его проезд в Иркутск. Протопопов с переводчиком едут на ближайшую почтовую станцию за лошадьми, но наши открытые листы годятся только для волостных лошадей, а не для почтовых. Протопопов «возвысил голос и нагайку», но почтарь неумолим: «не дам — берите силой». Положение безвыходное, и хотят уже запречь сами, но подвертывается толстый якут, который едет в Якутск и согласен отвезти больного в своей тележке.

Утром с тяжелым сердцем сажаем Алексея в тележку якута; только через шесть месяцев мы узнали о его судьбе — он благополучно доехал до Иркутска.

Снова — по 40 верст в день на восток. Нередко встречаем якутов, пытающихся разговаривать с нами на смеси русского с якутским. Мы знаем едва несколько слов по-якутски и прежде всего якутское приветствие «капсе» — «рассказывай». Якуты никогда не спрашивают о здоровье, как у нас, или «скот и душа здоровы ли» — как родственные им киргизы. Они прямо приступают к делу: «рассказывай». Обычно отвечают: «рассказывай ты», на что следует ответ «рассказывать нечего». И тогда тот, у кого свежие новости, со вкусом передает их. Нас очень поразило, когда в Крес-хальджае школьники, знающие русский язык, начинали разговор с того же приветствия, но по-русски: «рассказывайте». Чувствуешь себя сначала неловко, но потом научаешься парировать этот вопрос традиционным ответом. Это приветствие — выпуклое выражение характерной особенности якутской жизни — большого любопытства к чужим делам и быстрого распространения сплетен и известий, — свойство, общее всем кочевникам.

Сведения, которые хотели получить все встречные, были одни и те же: кто едет, зачем так много лошадей, не везут ли водку,

привезли ли водку в Якутск. И были очень разочарованы, когда узнавали, что водки в Якутске еще нет, но есть уже вина.

Вскоре проезжаем Чурапчу. По здешнему — это громадное поселение: в нем не меньше 30 юрт на пространстве 3 — 4 *кв. км.* Обычно якутские юрты здесь расположены в 2 — 3-х и даже в 10 — 20 *км* друг от друга; чем скуднее пастбища, тем реже юрты. Тем не менее Лено-Алданское плато наиболее населенная часть Якутии, здесь сосредоточена одна треть всего населения, около 100 000 человек.

В Чурапче предполагается создать крупный центр укрупненной волости-района. Строится больница, есть народный судья, школа, исполком, церковь, кооператив. Осенью даже связали Чурапчу телефоном с лежащими к югу наслегами.

Следующий крупный центр — Татта, также из 20 — 30 юрт. Пока здесь еще исполком, но позже этот улус будет об'единен с Чурапчей. От Татты нам надо свернуть на северо-восток; отсюда Охотский тракт уведет нас слишком к югу. До р. Амги он еще колесный, дальше до Охотска вьючная тропа; когда-то он был колесным до самого Охотска, но теперь мосты разрушены. Точно так же телеграф сейчас сохранился только до Алдана.

В Татту я выезжаю вперед, чтобы нанять проводника до Алдана. Лошадь еще немного дичится и совсем не хочет итти через мостики: а вдруг провалятся? В Татте — прямо в исполком, пред'являю свои мандаты. Читают с любопытством и обещают содействие: «Мы распубликуем, и через несколько дней найдется проводник». Я стараюсь дать понять, что через час придет мой караван и к тому времени мне нужен проводник. Якуты, грудой навалившиеся на исполкомский стол — здесь не очень чинятся в присутственном месте — поражены неслыханным и ненужным темпом работы. К счастью, находится веселый комсомолец, который соглашается довести нас до Уолбы — следующего крупного центра. В лавочке покупаю мятных пряников, чтобы угостить своих спутников: кто знает, через сколько месяцев мы сможем опять полакомиться чем-нибудь подобным!

Из Татты идем по долине р. Татты, занятой лугами, болотами и частью пашнями. Пашен на наш взгляд ничтожное количество, но ведь всего в Якутии в 1917 г. было 34 тыс. десятин, а 1926 г. площадь их уменьшилась до 22 тыс. десятин. Хлебопашество ведется еще очень примитивно, пашут большей частью сохой, машин мало, хотя количество их быстро увеличивается. Например,

в 1917 г. было в Якутии всего 1 403 плуга, а только за 2 года — 1923 и 1924 — выпущено Госсельскладом 2 272 плуга.

Уолба — уже более типичное якутское поселение, в котором отдельные юрты раскиданы в лесах и лугах. Здесь мы не находим свободного, не покосного луга для своих лошадей, и у богатой якутки получаем разрешение пустить лошадей в ее загон. Утром иду благодарить, хочу поднести платок, но хозяйка с необычайной простотой и достоинством отвечает, что мне подарки нужнее будут при дальнейшем путешествии. Гостеприимство — основной закон кочевых народов — становится все более широким, по мере передвижения на восток от Якутска и удаления от русской культуры. Мне подносят почетный напиток — кумыс в большой резной деревянной чаше на трех ножках (балкхах или чорон). Якуты, перейдя от кочевой жизни к почти оседлой, сохранили любовь ко многим формам кочевого быта. Для них лошадь все еще священное и чистое животное.

В Уолбе и на предыдущей стоянке по вечерам вокруг нашего лагеря собирается множество критиков — все находят, что наши лошади никуда не годятся, слишком «сухие», спины сбиты. Слышатся мрачные предсказания, подкрепляемые обычным: «Сами увидите». «От Уолбы до Алдана — очень плохая дорога, сплошь бадараны (болота), половина лошадей останется. Где же в подковах через болота! Через Алдан мы только жирных лошадей плавим, из ваших половина потонет». В конце концов приводят жирных лошадей, похожих на свиней, с глубокой бороздой в широкой спине, и предлагают менять на наших с придачей пяти или десяти рублей. Я отказываюсь — все наши лошади осмотрены ветеринарами, а этих отдают подозрительно охотно. Возможно, что лошади и хороши — многие якуты барышники по увлечению и готовы менять все, что угодно.

Но тяжелое впечатление от пересудов остается, и мы с опаской поглядываем на лошадей — многие из которых действительно быстро посбивали себе спины.

После Уолбы уходим из долины Татты через водораздел к Алдану; это — плоский увал, высотой до 120 метров над Алданом, покрытый лесами и болотами. В основании его юрские или меловые осадки. Дорога значительно хуже, и мы получаем первое представление о бадаранах. Они все покрыты гатями, но часто бревна совсем сгнили, и из осторожности приходится об'езжать гать стороной, прямо по болоту. Лошади падают, их надо раз-

вьючивать, вынести вьюк на себе до сухого места, иногда 50 — 100 метров по болоту, помочь лошади встать. У Александра милая серопегая лошадь, как выясняется, не может сама подняться в болоте: лежит на боку, вся обмазанная грязью, и жалобно смотрит темными глазами; когда мы вытаскиваем ее из болота и ставим на ноги, у нее дрожат бедра.

Первые болота — первые испытания для хронометров. Их везет смирная лошадь — единственная, которая среди диких мустангов в Бор-ыларе стояла, печально опустив голову. Она песчаного цвета, маленькая с кроткими глазами, и получила прозвище «богородица» — потому что ведет ее отдельный человек, как икону, а в 7 часов вечера Салищев останавливается с ней под деревом, заводит хронометры и сверяет время — «служит молебен», как острят спутники. Богородицу потом пришлось сменить на более сильную лошадь, но имя за ней осталось.

В ясный день 27 июня спускаемся в долину Алдана. Среди лесов и лугов поймы находим несколько юрт — урочище Хàджима. Жалкий старик с красными глазами, весь серый, как будто посыпанный пылью, на наш вопрос о лодках говорит, что большая лодка, пудов на 50, есть только на устьи Амги, в 40 *км* южнее. У них на берегу нет ни лодок, ни веток (легкие якутские челноки, сбитые из трех тонких досок). На том берегу Алдана, в Крес-хальджае? — Также нет ничего. Если переплыть самим на складной лодке, которую мы везем, то найдем ли Крес-хальджай? — Нет, он верстах в трех от реки, и с берега его не видно. Есть ли здесь проводник через Верхоянский хребет? — Нет, был один — уехал.

Снова темп нашего путешествия перебивается сонной якутской жизнью!

На прощанье якуты угощают нас молоком. Оно в изумительно грязной деревянной посуде, и только рабочие решаются его попробовать.

Позже мы узнаем, что в Хаджиме зимой обнаружено 30 свежих заболеваний сифилисом — от больничного белья, которое растащили во время гражданской войны жители.

Решаю итти к берегу, переправиться через Алдан в брезентовой лодке и искать Крес-хальджай. На берегу, к великому удивлению, находим три ветки — две местных и одну из Крес-хальджая. Провожавший нас старик смущен.

Алдан здесь не меньше Лены, до 10 *км* ширины, отдельные

протоки в 1 — 2 *км;* множество островов, от самых маленьких до 10-километровых; острова покрыты лесом. Повидимому, не удастся построить плот и на нем перевезти лошадей — плот при быстром течении унесет между островами очень далеко. Надо лошадей «плавить». Нанимаю якута с веткой и едем на тот берег, пробираясь вдоль островов. Я с удовольствием гребу двухлопастным веслом — нет большего наслаждения, как плыть в такой легкой и верткой лодке по мощной реке. Нужно сделать большой круг вокруг острова и потом подняться вверх вдоль его восточного берега. Здесь в яру нависают толстые пласты льда, заключенные в глинах и подмытые водой; они тают и осыпаются на глазах. Осторожно мы пробираемся под ними — кусок земли или льда был бы гибелен для нашей хрупкой лодочки.

Только через несколько часов достигаем противоположного берега, пройдя 15 *км.* Правый берег похож на левый, такая же терраса в 5 — 6 *м,* покрытая лесами и лугами-аласами. Мы высадились возле одного из аласов — Нахсыт. Вытаскиваем ветку на берег и с моим проводником, ширококостным и неразговорчивым якутом через десять минут достигаем юрт аласа Нахсыт. Мое появление вызывает здесь крайнее оживление — со всех сторон сбегаются жители. Проводник, с гордостью, как медвежий вожак, показывает меня и рассказывает, кто я и зачем приехал, затем пытаются добиться от меня информации — не о водке, как раньше, а о приходе парохода: давно уже должны пройти два парохода из Якутска вверх по Алдану, один на Нелькан, другой на Алданские прииски, и привезти свежие товары в Крес-хальджай. Мы также ожидали в Якутске этих пароходов, чтобы перевезти на них груз до Крес-хальджая и с'экономить этим силы и спины лошадей, но, потеряв терпенье, отправились верхом и, как оказывается, выгадали время.

С помощью нескольких выученных мною якутских слов пытаюсь об'яснить, что парохода можно ждать со дня на день. Каждое якутское слово, которое я произношу, вызывает восторг у слушателей, и они повторяют его друг другу с добавлением «дийде» (говорит). Затем всей гурьбой ведут меня в соседний алас Хондудай, где остановился проездом знающий русский язык якут, и здесь подвергают меня новому допросу.

Отсюда иду в Крес-хальджай с якутом, предлагающим свои услуги для переправы, ибо лодка здесь, как это ни странно, есть, правда, одна, на 50 пудов. Минуем еще один алас — Мильреке —

и, пройдя через лес, попадаем к обширному аласу Эбе, где расположено селение Крес-хальджай. Вид для нас необычайный: в лесу, вдали от реки, вокруг озерка в разных местах раскиданы на протяжении нескольких километров отдельные юрты, а на холме, так же просторно, стоят большая школа, две церкви — старая и новая — и строится больница. Между ними бродят несколько маленьких бело-черных коров.

Переправа лошадей через Алдан.

В Крес-хальджае мне рекомендовали обратиться за помощью к одному из трех учителей, якуту Харитонову или к священнику. Начинаю с первого. В просторной школе пусто — каникулы. Учитель, коренастый якут, с миловидной кукольной женой пьют чай. Поспешно убирают все — по якутскому обычаю начатое хозяевами давать гостю невежливо, нужно подать новый самовар и свежие блюда, во всяком случае свежую сервировку. И мне приходится ждать до одиннадцати часов ночи, пока сварится мясо, необходимое блюдо в якутском угощении.

Прежде всего выясняю вопрос с переправой; приведший меня якут предлагает помпезную организацию — свою лодку, чтобы вести лошадей (они плывут, и с лодки их тянут за поводья), и

15 веток, чтобы загонять лошадей и перевозить груз; этот праздник будет стоить 150 рублей и продлится три дня. У меня вытягивается лицо — после расходов в Якутске, значительно превысивших смету, у меня осталось в банке 1 300 рублей, а на руках 600. Я уже закрываю глаза на то, как осенью выберусь из Якутска и рассчитаюсь с рабочими — авось лошади не сдохнут и я их выгодно продам, — но теперь мне нужно беречь каждую копейку. Кроме того, три дня на переправу, когда я рассчитывал потратить на нее один день, и на следующий итти дальше! После долгих разговоров сошлись на том, что переправа будет более скромная — и перевезут всё на одной большой лодке, за что я уплачу 60 рублей и кирпич чаю. Но срок не удалось уменьшить — даже выяснилось, что после переправы лошадям надо дать отдохнуть. С проводником хуже: все, кого мне называли в Якутске, в раз'езде, есть один старик в 15 *км*, к которому посылаю нарочного.

Старик этот как раз тот Сыромятников, о котором Индигирский писал, что он хочет взять на себя даже перевозку всей нашей экспедиции через Верхоянский хребет (письмо мне вручил какой-то якут в Бор-ыларе, в момент нашей высадки).

Для ночлега мне отводят один из классов и стелят на скамью медвежью шкуру — почетная постель для гостя в Якутии.

Утром на заре снова обратно в Нахсыт; между аласами запутываюсь в тропках и удаляюсь немного к востоку. Встречный якут, на мой как будто вполне якутский вопрос «где дорога к Алдану», остается нем и недвижим — настолько его поражает мое появление. Вскоре нахожу настоящую дорогу, но эта встреча сейчас же становится известной всему Крес-хальджаю (новости распространяются быстро в Якутии), и, полагая, что я заблудился, хотят уже искать меня.

В Нахсыте все еще спят. Надо подождать, пока приготовят чай, уйти без чая не полагается. Хозяин юрты старается занять меня разговором, но за недостатком слов разговор скоро прерывается. Это мой первый визит в юрту, и я с любопытством осматриваюсь. От кочевого быта у якутов остался еще обычай строить две юрты — летнюю и зимнюю. Иногда они строятся в 2 — 3 *км* одна от другой, иногда дверь к двери, и отличаются только величиной — зимняя меньше и утеплена. Я в летней юрте. Она покоится на четырех вертикальных бревнах (баган), поставленных по углам квадрата; сверху на них лежит венец из четырех балок с одной или двумя поперечными матицами. К этому остову при-

слонены наклонно тонкие бревна, образующие стены. В них прорублены маленькие оконца, в которые вставлены рамы с обломками стекол, нередко обшитыми кусками бересты, — нечто в роде древнего церковного окна из слюды и свинца. Крыша из жердей с очень слабым наклоном. В одной стороне, или чаще — в центре, очаг-камин с прямой трубой из жердей, обмазанных глиной. Пол земляной; кругом юрты между вертикальными и наклонными стенами — неподвижные нары, «орон».

Определение астрономического пункта на берегу Алдана.

С непривычки мне кажется грязно и неуютно. Хозяйка вынимает из деревянного шкапчика, когда-то раскрашенного ярким геометрическим узором, фарфоровые чашки, чистота которых внушает подозрение. На стол ставят самовар — на Алдане он еще в каждой юрте — и угощенье: лепешки и сливочное масло кусками. Я еще избалован, лепешки кажутся мне подгорелыми, масло летом очень жирным. Но сотрапезники наслаждаются — масло они едят прямо кусками, поддевая его на нож, и пьют чашку за чашкой. Хозяин очень внимателен к детям, которых сажает на колени и потчует маслом. Очень противен младший, грудной: весь искусан комарами, грязный, с каким-то старческим обрюзгшим лицом. Я заметил во многих якутских юртах эту отврати-

тельную внешность грудных детей, в то время как более взрослые, лет 3 — 5, очаровательны со своими круглыми румяными личиками и черными глазами. Несмотря на сильную любовь к детям, якуты совершенно не могут уберечь их, и смертность среди детей колоссальна — до 60%. Антисанитарные условия юрты — первая причина, затем общее плохое питание, как взрослых так и детей, влечет слабую сопротивляемость болезням.

В середине дня возвращаюсь на левый берег; вместе с нами едет и хозяин юрты посмотреть, расспросить и потом первому рассказать в Крес-хальджае. У палаток вертятся еще какие-то любопытные — из Хаджимы и с правого берега: 15 верст не околица, когда можно так много потом посплетничать!

Диспозиция такова: все рабочие под начальством Протопопова занимаются переправой лошадей и груза, а мы с Салищевым, захватив палатку, хронометры и малый круг Репсольда, едем в Крес-хальджай, чтобы определить там астрономический пункт и нанять проводника. Вот удобный случай испробовать складную брезентовую лодку — мы складываем в нее весь груз и садимся сами. Но непредвиденный финал — в лодке появляется вода, и с каждой минутой все больше. Позже мы узнали, что лодка протекает в первый момент, пока не намокнет брезент, но тогда мы не решились плыть в ней 15 *км,* думая, что она вообще ненадежна, и наняли якута с веткой. Якут садится у ветки и бесстрастно говорит: «тыал» (ветер). Действительно, надвигается туча, и в маленькой ветке нельзя пускаться через широкую реку.

В ожидании мы любуемся переправой первой партии лошадей. Пять штук берут за повода и с страшными криками загоняют в реку; лодка от'езжает, они плывут за ней, пофыркивая. Одна рыжая лошадь начинает захлебываться, Михаил свешивается через борт, хватает ее за уши и держит голову над водой. Наконец, лодка у острова, лошади выскакивают на берег, и, отряхиваясь, убегают в лес. Лодка идет за новой партией. Пытаются криками и хворостинами заставить пойти за лодкой еще несколько непривязанных лошадей, но они возвращаются обратно.

У Нахсыта на берегу Алдана мы устанавливаем инструмент и ставим палатку. Салищев начинает наблюдения, а я снова иду в Крес-хальджай — проводников еще нет.

Утром нас будит какая-то голова, просунувшаяся в палатку; я довольно нелюбезно огрызаюсь, но когда после ряда непонятных слов называется фамилия и имя посетителя, — которые тоже

сразу не поймешь [1] — обращение меняется: это сам проводник Накентей Сыроумятникап (Иннокентий Сыромятников). Он с длинным упитанным лицом на не менее упитанном теле, ласков, но видимо очень себе на уме. Он знает всего два-три русских слова, и надо ехать к Сабе (Савва, учитель, — якуты называют по именам, фамилия употребляется в исключительных случаях, это «писанное имя»). Мне любезно дают лошадь спутника Сыромятникова, а тот идет пешком. Лошадь с якутским седлом, похожим на киргизское, но с тупыми луками, на седле подушка, стремена висят совсем спереди — и коротки; это сделано для того, чтобы можно было на седло класть большие переметные сумы; вскакивать на седло приходится спереди, описывая большой пируэт в воздухе правой ногой и сидеть, сильно согнув колени. Сыромятникова на седло поднимает спутник — у него болит спина.

Учитель Савва Харитонов в Крес-хальджае.

В школе учитель Саба угощает нас чаем. Сыромятников сообщает, что прямых дорог отсюда на Чыбагалах никто не знает и никто никогда прямо туда не ездил. Единственный возможный путь — это пройти на Индигирку к Оймекону, и там уже искать проводников в Чыбагалах. На Оймекон есть две тропы — одна южная, по которой прошел Черский, но на нее отсюда попасть трудно, надо переправляться через большой правый приток Ал-

[1] Якуты сильно искажают фамилии и имена, например Новгородов произносится Ногуруодап; звука в в якутском языке нет вообще.

дана Томпо, где нет больших лодок. Обычно идут из Якутска на устье Амги, и там переправляются через Алдан, минуя Томпо. Другая тропа, северная, идет от Крес-хальджая прямо на восток, сначала вдоль реки Томпо, затем пересекает ее и идет по ее притоку Менкюле; можно выйти по этой дороге на Индигирку, в 100 *км* ниже Оймекона, к устью р. Эльги, и даже в факторию Тарын-юрях, которая еще ниже. До Индигирки отсюда около 750 верст, идут 25 дней; он думает, что мы дойдем в 30 дней; корма по дороге мало, придется иногда дневать на местах, где есть корм. Дорога тяжелая, очень много болот, и наши кованные лошади не годятся.

Эти сообщения меня поразили. Не только нельзя пройти прямо на Чыбагалах, но даже в верховья Индигирки, куда я вовсе не хотел заходить, мы дойдем к началу августа! А я рассчитывал, что к половине июля я смогу быть на Чыбагалахе! Одно утешенье, что на восток мы пройдем не по маршруту Черского, а параллельно ему в 70 — 100 верстах севернее. Но рассказ проводника противоречит нашим картам — Тарын-юрях у нас лежит гораздо выше, чем устье р. Эльги, и ближе к Оймекону.

Очевидно, приходится теперь оставить надежду на возвращение в Якутск к последнему пароходу. После Индигирки сколько еще мы пройдем до Чыбагалаха? И если карта вблизи Оймекона, где был Черский, настолько неверна, то что будет севернее?

Скрепя сердце, решаю итти сначала на Индигирку — все равно, тем или другим путем попасть на Чыбагалах надо. Не повторить же прошлогоднюю экспедицию Харитонова и вернуться с полпути! Начинаю выяснять, сможет ли Сыромятников довести нас до Индигирки. Но он прежде всего ставит ряд условий, которые учитель передает мне со смущенным лицом. Во-первых, наши лошади частью слишком сухие, частью со сбитыми спинами и негодны для такого тяжелого пути, надо заменить всех слабых. Во-вторых, подковы не годятся. В-третьих, вьючные седла и потники плохи — надо сменить и их. В-четвертых, не годятся наши брезентовые мешки и сумы, они издерутся в тайге; надо взять здесь кожаные якутские сумы. В-пятых, надо сменить часть рабочих. В-шестых, проводник должен иметь для помощи двух своих рабочих. Наконец, в виду трудности пути он должен распоряжаться всеми силами людей и животных и, если нужно, останавливаться, где захочет, и уезжать в сторону.

После такого потока неумеренных желаний, я в силах только спросить — откуда же он знает о состоянии нашего каравана. Сыромятников отвечает: «Люди говорят» — «люди», это мой перевозчик, любопытный якут из Нахсыта, и несколько других сплетников. И вот они сразу создали кругом нас убеждение в полной непригодности нашего каравана для предстоящего пути — такую тяжелую атмосферу, которая заразила и нас; и все время пребывания в Крес-хальджае мы были уверены, что караван, — если не люди, то лошади во всяком случае, — обречены на гибель в Верхоянском хребте.

Что оставалось ответить Сыромятникову? Он единственный здесь проводник. Мне хотелось спросить его, сохраняет ли он за мной место начальника экспедиции, или и эта должность перейдет к нему, но вместо этого осведомился, что возьмет он, чтобы на перечисленных условиях вести нас. Ответ был достоин предыдущего: «Пока я сам не увижу каравана, я ничего не могу сказать; кроме того, я болен и мне надо отдохнуть здесь некоторое время»! И мне пришлось ответить еще на несколько наглых вопросов, например, уравновешены ли у нас вьюки, или одна сторона перетягивает.

Разговор заканчивается торжествующей улыбкой проводника. Я похож на котел с закрытым предохранительным клапаном, готовый каждую минуту взорваться. Ясно, что все это — политика, чтобы выжать из экспедиции возможно больше в пользу крупного владельца лошадей — Сыромятникова. Кон'юнктура необычайно благоприятна для него и безвыходна для нас.

На всякий случай захожу к фельдшерице, которая осматривала Сыромятникова, узнать, что с ним. Оказывается, что у него растяжение связок спины: «Недели две ему нужно пролежать спокойно, но ведь все равно вы раньше и не уедете, у вас лошади очень плохи». — «Но ведь он не видел каравана». — «Люди говорят!» — Я восклицаю: «Я выступаю через два дня!»

Вы представляете, какое было у нас настроение в палатке, на берегу Алдана, куда я возвращаюсь после разговора. Перспектива сидеть в Крес-хальджае неопределенное время — дни или недели? — пока найдется другой проводник, или мы выполним все требования Сыромятникова, если только на это хватит остающихся 500 рублей. Затем идем в неизвестные хребты, где наверно погибнут лошади, а сами застрянем надолго. К вечеру еще приходит якут, перевозящий наш караван, и говорит: «Один конь

пропал» и утешает «старый». О подробностях столковаться никак нельзя, повидимому потонул при переправе.

Следующий день не приносит ничего хорошего. Снова в школу; учитель почти так же удручен, как и я: он чувствует, что на его обязанности разрушить план эксплуатации нашей экспедиции проводником и помочь научному предприятию, значение которого, кроме моих мандатов, особенно подчеркнуто в сопроводительных письмах зампредсовнаркома ЯАССР. Как кандидат РКП он считает это своей прямой обязанностью. За время моей экспедиции я не раз удивлялся тому исключительному вниманию и наивной доверчивости, с которой относится к научной работе якутская сельская интеллигенция, что̀ особенно ярко выделяется на фоне жестокого корыстолюбия предпринимателей и кулаков. Само население в массе, чем дальше от Якутска, тем доверчивее и внимательнее, и только единицы, хищного типа, старались сделать экспедицию источником наживы.

К вечеру кончается переправа каравана — конь № 18 действительно сдох еще на острове; переплыв через первую протоку, он вскоре зашатался и упал. Печальное это происшествие компенсировалось удачной и быстрой переправой остальных лошадей. А покойника сейчас же ободрали и стали есть; сегодня осталась от него едва половина — так велик аппетит моих спутников. Подковы сняты, чтоб подковать других коней, а шкуру я велю использовать для починки быстро протирающихся потников. От коня ничего не остается, кроме акта в актовой книге экспедиции, — необходимый документ для наркомфина.

На завтра беру двух лошадей и с учителем начинаю об'езжать соседние аласы и опрашивать всех встречных — нет ли где хоть плохонького проводника. Наконец мы узнаем, что старик Николай (Нукулун) Сыромятников знает дорогу и не прочь поехать с нами. Находим его в лесу на озерке, где он ловит рыбу. Это маленький человек с кротким морщинистым лицом. Садимся на кочки у болота и, бесстрастно убивая на себе комаров, начинаем разговор. Сначала — географический. Николай знает северную Оймеконскую тропу и может вывести по ней на Индигирку к устью Эльги и даже в Тарын-юрях; повидимому, знание кормов у него удовлетворительное, он ездил по этой дороге не так давно. Когда переходим к условиям найма, то выясняется, что слухи о нашем безвыходном положении проникли и сюда, и старик также не прочь попользоваться. Меньше чем за 450 рублей на

моих харчах он не согласен ехать. — «Я один в доме работник и у меня пропадет все лето». 450 рублей — это все, что у меня остается, и я боюсь остаться совершенно без денег (хотя, конечно, при размерах нашего каравана сотня рублей тоже не поможет). После долгих разговоров Николай соглашается уступить 50 рублей, но во мне шевелится надежда, что я найду еще проводника, который не входит в этот эксплуататорский заговор. Тщетно мы ищем с учителем; есть, действительно, еще один

Летняя юрта в Крес-хальджае.

проводник, но он законтрактован для представителей Расо (Русско-английское сырьевое общество, филиал Аркоса в Сибири); он согласен поехать с нами, если через 6 дней его клиенты не приедут, но ясно, что эта комбинация не будет выгоднее и только нас задержит.

К вечеру вызываю Николая и заключаю с ним договор. Так как он все равно теряет лето, то согласен ждать в Тарын-юряхе, в случае надобности, нашего возвращения до 20 сентября, с тем чтобы провести нас обратно через хребет.

Еще два дня проводим на берегу Алдана в ожидании, пока Николай устроит свои домашние дела. Время это мы используем на ремонт вьюков. Якутские сенные потники уже прорваны и про-

биты, и Афанасию много работы по их переделке. В помощь ему нанимаем местных якутов, которым платим остатками коня № 18: мы не в силах его одолеть, а очень и очень пора его кончить. Я в это время пишу полные тревоги письма в центр, — обстановка попрежнему мрачна, ясно, что мы на своих лошадях в Якутск не успеем выехать, а денег на наем оленей у меня нет. Я прошу якутский совнарком обеспечить зимний проезд экспедиции по Оймеконскому и Верхоянскому трактам и прокорм ее; прошу Геологический комитет включить в новую смету расходы по содержанию и проезду экспедиции зимой; последний вопрос меня особенно удручает, так как в Геолкоме мне было строго сказано, что никакие перерасходы сверх сметы оплачены не будут.

IV. В НЕИЗВЕСТНУЮ СТРАНУ.

Мы Верхоянский хребет миновали,
Скоро увидим и дикий Кех-тас,
Горы скалистые нас не пугали,
Не испугают мороз и снега.

(Из экспедиционного гимна.)

3 июля, потеряв на переправу через Алдан и поиски проводников 6 дней, вместо одного-двух, мы выступаем из Крес-хальджая. У дверей юрт и домов стоят любопытные, и нам кажется, что они определяют, какая лошадь раньше сдохнет. Но как только мы покидаем селенье и томительное ожидание сменяется движением вперед, настроение резко изменяется, снова мы верим в свои силы, и мрачные предсказания теряют власть над нами.

Первые сорок километров дорога идет по местности того же характера, это еще долина самого Алдана: леса — сосна, лиственница, береза, — прерываемые лугами. Вначале попадаются юрты, потом они все реже, и последние уже на расстоянии 20 *км* одна от другой. Сначала некоторые болота с гатями и есть даже мосты через речки. Один из них служит нам для выяснения непромокаемости наших вьюков: настилка ничем не закреплена, и последние лошади первой связки, ступая по краю, заставляют бревна плясать как бешеные. Связка в испуге бросается в сторону, рвется — и одна лошадь лежит в речке вместе с вьюками. Надо лезть в воду, развьючить лошадь и помочь ей подняться; эта речка больше похожа на болото.

За последней юртой мы вступаем в область сплошных болот — по этой тропе до подножья гор на 180 *км* простирается приалданская низменность. В других местах Верхоянский хребет подходит ближе к Алдану — у Хандыги, например, на 100 *км*, а против устья Вилюя выходит к Лене почти вплотную. Мы — в худшем районе. Взобравшись перед от'ездом на колокольню Крес-хальджая, мы видели на востоке и северо-востоке низкие зубцы и

гребни, синеющие на горизонте, и это видение стояло перед нами, пока мы брели девять дней по бесконечным болотам. Только на пятый день сквозь опушку леса иногда начали мелькать вершины хребта, которые как будто оставались все так же далеки и недостижимы.

Болота здесь разнообразны — во-первых, чистые болота, с большими кочками, покрытыми болотной травой и с морем воды между ними. Благодаря тому что вечная мерзлота близко — всего 50 — 70 *см* — по такому болоту, если тропа по нему уже пробита, итти сравнительно хорошо, лошади бредут по брюхо в воде, но не проваливаются. Хуже болото с редким лесом, покрытое мхами; здесь лошади проваливаются сквозь мох и могут повредить себе ноги, завязив их в упавших деревьях. Еще хуже лес по болоту — тропа представляет здесь ряд грязных топких ям между корнями деревьев, крайне опасных для лошадиных ног, — чередующихся с маленькими открытыми болотами, где лошади вязнут уже совершенно откровенно. Некоторые лошади проходят легко, другие падают с вьюком, их развьючивают и иногда тащат по грязи до сухого места, не только вьюк, но и лошадь, всю вымазанную. Серый Пегашка Александра падал раз пятнадцать в день, и его белые пятна совершенно скрылись под слоем грязи.

Черский, проехавший по Хандыге, где болот гораздо меньше, очень живописно описывает караван в болоте:

«Человек, не побывавший на таких болотах, не может оценить силу той нравственной и физической усталости, которая вызывается постоянным напряженным состоянием во время езды по таким местам. Лихорадочная торопливость овладевает и лошадью, чувствующею, как вязнут ноги: с трудом освобождая их из зыблющейся трясины, животное мечется и бьется в самых неизящных движениях, причем из-под ног его вырываются большие куски мохового покрова и взлетают далеко вперед и в сторону. Надеясь найти около корней деревьев более устойчивую почву, она мчится прямо на лесину, нанося удар в колено или плечо ездока, в особенности потому, что ствол дерева, растущего на зыблющемся торфянике, не всегда выносит тяжесть взобравшейся на его корни лошади и сейчас же наклоняется в ее сторону. Изгибаются ездоки, отстраняя ветки и сучья от глаз; ударяются вьюки о деревья; выбившиеся из сил лошади падают, роняя вьюки или ездоков. Раздаются громкие крики: тох-то, тох-то (стой-стой!) и хот-хот (ну-ну). Временною развязкою такой удручающей возни бывает

обыкновенно весьма жалкая картина: 5 или 8 лошадей лежат в различных, нередко очень странных позах и требуют безотлагательной помощи людей».

Сперва мы много смеялись над выражением Черского «самые неизящные движения», но скоро и нам самим пришлось испытать все неизящество движений: моя лошадь, спасаясь из болота и цепляясь за корни дерева, ударила о него мое правое колено так сильно, что в течение двух месяцев оно давало мне себя знать,

В болотах: лошадь пытается вырваться из трясины.

и взобравшись на какую-нибудь гору, я спускался с нее на манер кенгуру, забавно подпрыгивая.

Чтоб обойти болота, нередко уходят с тропы в чащу. Тут нещадно обдираются вьюки и ящики — скоро на вьюках с мукой повисли в клочьях их внешние, простые мешки, надетые для предохранения брезентовых, а якутские ящики, такие беленькие вначале и аккуратно обтянутые кожей, разбились и обтрепались. Только московские экспедиционные ящики, скованные по углам железом, бесстрашно прокладывали дорогу, ломая молодые деревья.

На болотах с нами случилось происшествие, которое хотя и задержало на полдня, но вызвало много смеха. Русские рабочие, в противоположность якутам, которые ведут лошадей в одной

связке, отпускали, по ангарскому обычаю, двух-трех лошадей, чтобы дать им возможность легче проходить болота. Лошади, пользуясь непривычной свободой, старались убежать в тайгу, и на одном маленьком болоте белый конь, несший ящики с нашей кухней, внезапно исчез, на глазах, в редком лесу. Поиски не приводили ни к чему — ни следов, ни сброшенного вьюка, как будто его взяли живым на небо. Протопопов отправился вперед с караваном, я остался на месте таинственного исчезновения. Михаил особенно огорчался потерей кухни: «Чорт с ним с конем», а Александр не переставал ругать «лешеву скотину», которая исчезла «прямо в глазах». Пришлось стать в нескольких километрах дальше, у ключа с знаменательным названием «Ат-ёльбют» (лошадь издохла). Только к ночи рабочим удалось найти беглеца, да и то потому, что он спустился обратно в болото напиться.

Передвижение по болотам изрядно утомило и людей и животных. Не говоря уже о постоянном вытаскивании груза из болота, одно пребывание в седле в течение 10 — 12 часов на лошади, которая судорожно бьется под вами, вытаскивая то перед, то зад, — крайне утомительно; поэтому мы вздохнули с облегчением, выйдя к берегу реки Томпо и увидав всего в 10 *км* к востоку окраинную цепь Верхоянского хребта.

Томпо течет здесь в широкой долине в 2 *км* шириной, врезанной на 10 — 15 *м* в низменность, постепенно повышающуюся и переходящую в подножье хребта. В склонах к реке — первые утесики, первое обнажение после 500 *км* пути по низменностям и болотам, первый об'ект, который я наконец могу радостно постукать молотком, описать и замерить. Сама долина — ряд тальниковых островов, широкие галечники и заросли громадных тополей и елок. Еще более буйные заросли мы встретили недавно на пересеченном нами притоке Томпо, реке Талагы, где в тени стройных тополей росли рябины, зонтичные, высокие травы в рост человека. Среди хвойных лесов эти заросли казались тропическими. Далее в Верхоянском хребте мы не раз встречали заросли тополей по рекам, но ели исчезают в начале под'ема на хребет, сосна доходит только до подножия; береза мельчает по мере передвижения на восток, а за хребтом сплошное море лиственницы, и лишь изредка тощие березки.

Томпо, несмотря на радость видеть хребет вплотную, явилась для нас серьезным препятствием. Хотя от ее впадения в Алдан мы прошли более 150 *км*, она была все еще значительна и непро-

ходима в брод. В лесу мы нашли спрятанную ветку, сделанную специально для переправы каким-то заботливым путником, и, привязав к ее бортам два бревна для устойчивости, начали перевозить груз. Брезентовая лодка, уже пригодившаяся для перевозки на Алдане, где ее вели на буксире за большой лодкой, была применена и здесь. Но так как выяснилось, что самостоятельно она передвигается медленно — она неуклюжа и плохо управляема, — то ею пользовались исключительно как грузовой баржей на буксире у ветки. Грузопод'емность ее велика, — несмотря на длину всего в 10 футов (3 метра) она поднимает до 25 пуд.

Томпо у переправы и гора Кюрынья.

На следующий день переправляют лошадей: прижав весь табун к утесу, страшными криками пытаются согнать его в воду за партией лошадей, привязанных к лодке. После нескольких неудачных попыток — лошади взбираются на крутые осыпи, чтобы избежать воды, — удается заставить 25 голов войти в воду и переплыть реку. Они выходят дрожащие и унылые и покорно стоят на песке. Остальных перевозят обычным порядком, в поводу.

Лошадям надо дать отдохнуть после тяжелых переходов по болотам, где к тому же корм был плохой и скудный, и я отправляю их за 3 *км* на устье притока Томпо Куранаха, где хорошая трава. Заодно их там подкуют, уже не меньше 40 подков сорвано в болотах. Мы сами остаемся у переправы, чтобы сделать экскурсию к окраине хребта и дать возможность Салищеву закончить наблюдения на новом астрономическом пункте.

Хребет совсем близко — и нам не терпится попасть туда скорее. Что лежит за первой грядой? Может быть мы увидим

главную снежную цепь? Как геологу, мне не терпится посмотреть утесы; по моим предположениям схема, данная Черским, слишком проста, и в действительности строение хребта гораздо сложнее, и он заключает очень древние докембрийские свиты. Наша дорога дальше сразу уйдет с Томпо по Куранаху, и мы увидим там хребет позже.

Чтобы осмотреть береговые утесы, мы с Протопоповым решаем ехать в брезентовой лодке (ветка страшно течет — моховая коно-

Переправа на якутской ветке и брезентовой лодке через Томпо.

патка вся выбилась). Будем тащить лодку вверх на бечеве, зато вниз спустимся по-барски, и не придется нести наши сборы на спине. Но хорошей бечевы нет, нужна очень прочная тонкая веревка, толстая тяжела и провисает, бороздит воду, зацепляет водоросли и камни. Я не предполагал, что при вьючном транспорте нам придется итти бечевой, и не позаботился закупить ее в Москве, а в Якутске никаких веревок к весне нет.

Решаемся вести лодку на тонком английском шпагате. С первых же шагов начинаются затруднения; несмотря на наш большой лодочный опыт, ни мне, ни Протопопову не приходилось ездить на складных брезентовых лодках. Оказывается, с человеком на руле, как принято при бечеве, лодка идет тяжело, берег плоский,

и часто слышно зловещее трение брезента о камни, предвещающее опасные пробоины. Надо вести лодку без пассажира и руля, соответственно уравновесив точку прикрепления бечевы, чтобы нос все время немного уходил от берега. Сначала идет хорошо, но пройдя километр, встречаем шиверу (маленький порог, или каменистый перекат). В самой середине шиверы, где бой всего сильнее, шпагат лопается, и лодка, плавно повернувшись, начинает улепетывать от нас. При скорости течения в 10 *км* думать долго не приходится и Протопопов бросается напрямик к лодке, но сделав несколько скачков по воде, падает в воду вниз головой. У меня мелькает мысль: внизу есть рабочие, и будет вдвое стыдно, если они задержат лодку с обрывком бечевы, — но печальный вид Протопопова, стоящего на четвереньках в воде, заставляет меня избрать другой план, и, догнав сначала лодку по берегу, бросаюсь в воду. Лодка отошла далеко, вот я уже по грудь в воде, быстро итти нельзя, лодка всего в двух шагах и насмешливо поворачивается. Последнее судорожное усилие, и мне удается схватить беглянку за нос. Теперь нужно все сушить — записные книжки, компасы, фотографический аппарат. В ожидании, пока высохнет одежда, купаемся и смеемся над своим приключением. Но дальше так передвигаться нельзя, и, отказавшись от сладкой мечты об обратном сплаве, идем пешком.

Первая цепь Верхоянского хребта поднимается сразу крутым обрывом —до высоты 400 — 500 *м* над пологим пьедесталом, т. е. около 700 — 800 *м* абсолютной высоты. Окраина хребта образована несколькими параллельными сбросами, идущими вкрест простирания пород, и таким образом долина Алдана представляет опустившуюся часть, а хребет — поднявшуюся, горст. На правом берегу Томпо сохранились остатки одной из нижних ступеней сброса в виде значительных плоских гор.

Войдя в хребет, мы убеждаемся, что дороги по Томпо для нашего каравана действительно нет. Река в узкой долине подмывает то один склон, то другой, образуя утесы, а якутская дорожная техника еще далека от искусственных сооружений: едут там, где лошадь может пройти, и тропа всегда избегает больших рек, где есть утесы и где брод с одной стороны на другую невозможен.

Наш «северный Оймеконский тракт» до сих пор представлял тропку, часто совершенно незаметную, которую и проводнику приходилось долго искать, — здесь за лето проедут три-четыре человека. Естественно, что тропе нужно скромно избегать всяких

живописных альпийских мест, и немудрено, что Черский не видел на здешних реках ущелий и думал, что вообще ущелий нет.

Томпо в горах красива и многоводна. Порогов вблизи не видно, и по ней можно еще подниматься в лодке. Мы вскоре начинаем жалеть о своей: чтобы обойти один «необходимый» утес, приходится вылезать метров на 100 по лесистому склону. К вечеру мы достигаем устья какого-то большого притока, равного самой Томпо, — как позже выяснилось, Менкюле, — и принуждены

Вид с г. Кюрыны на подножие Верхоянского хребта и долину р. Томпо.

подниматься по нему. На отмелях сеть следов молодых и старых лосей, приходивших к водопою, но самих животных, конечно, не видно. Решаем заночевать километрах в 5 от устья Менкюле, тем более что дальше обрывы преграждают путь. Менкюле течет здесь в понижении, параллельном первой, окраинной цепи, а Томпо идет ему навстречу в севера, в то время как по карте она должна течь с востока. Мы устраиваемся на ночь у громадной кучи леса, принесенного рекой, и зажигаем ее, отчасти чтобы погреться, отчасти чтобы отогнать комаров, которые сегодня нам изрядно досаждают. По хорошему тону лесной жизни надо было срубить навесик, покрыть его ветвями, зажечь надью (два или три бревна, сложенные вместе). Надья [1] горит всю ночь, и спят по обе стороны вдоль

[1] Зырянское название.

нее. Но у нас нет топора, нам лень искать сухие деревья в лесу, и мы устраиваем костер на площади в двести квадратных метров. Костер горит на славу — жаль только, что ночь светлая и на бледном небе его пламя пропадает — художественный эффект не полон. Но практически костер достигает цели, — мы согреваем на нем свою банку консервов и затем ложимся с краю на горячую золу.

Вид с г. Кюрыньи вверх по р. Томпо к Скалистой цепи.

Рано утром идем назад, — хотя впереди и лежит неизвестная страна, но завтра нужно выступать. А на обратном пути мы хотим взобраться на Кюрынью — это высокая гора возле Томпо в первой цепи, у которой, по поверью якутов, возникают дожди; вчера, действительно, вокруг нее весь день клубились грозовые тучи. Под'ем в влажной тени, по глубокому мху; еще рано и холодно. Вскоре появляется кедровый сланец, цепкий кустарник, преграждающий путь своими бесчисленными ветвями. Вся вершина покрыта им; на немногих плешках — следы медведей и уютные ямки, вырытые в щебне: сюда медведи приходят погреться на солнце и отдохнуть от комаров, которые гудят в лесу. Настоящий медвежий курорт! Может быть сейчас у них «мертвый час» и за кустом мы найдем медведя?

С вершины Кюрыньи изумительный вид во все стороны. Высокая гора для меня всегда притягательный пункт, и как только позволяет время я стараюсь взобраться на хорошо расположенную вершину. Только с нее можно понять строение той сети долин, в которой блуждаешь внизу, и, может быть, увидать еще новую область, проникнуть взором за ближайшие цепи гор, — туда, где лежит неизвестная страна, прекрасная и таинственная. Прежде всего мы смотрим, конечно, на восток: за понижением, в котором параллельно окраинной цепи текли Менкюле и Томпо, возвышалась более значительная цепь, Скалистая, как я ее назвал. За округлыми предгорьями видны были ее обрывистые гребни с красновато-коричневыми скалами, тянущимися непрерывной стеной по всему горизонту, километрах в 40 — 50 от нас. Высота ее была более 1 000 *м*, и нам казалось, что это и есть водораздельная главная цепь Верхоянского хребта, но до последней в действительности было еще очень далеко: хребет в 450 километров шириной устроен сложнее, чем какой-нибудь Кавказ!

Томпо и Менкюле извивались в понижении между двумя цепями и дальше скрывались где-то в ущельях Скалистой цепи.

Окраинная цепь обрывалась к долине Алдана крутым склоном и уходила к югу километров на полтораста; видно было, как ее стена заворачивает на юг и полукругом окаймляет равнину. Кое-где на ней блестели снега. На север горизонт ограничивали горы, лежавшие за узкой щелью Томпо, но зато на запад глаз скользил по бесконечной равнине. Похожая на кожу пестрой лягушки, она была покрыта светлозелеными пятнами громадных болот и темными массивами лесов. Томпо и ее притоки, окаймленные желтыми полосами галечников, делили эту монотонную низину на неправильные треугольники. На горизонте при некотором напряжении можно было различить высокий левый берег Алдана. И нигде ни одного человеческого жилья, ни дымка, ни покоса!

Обратный путь скучнее. Тащить по галечникам Томпо сумки с камнями далеко не весело. Вблизи лагеря за лесом находим нашу брезентовую лодку и подплываем в ней к палаткам, делая вид, как будто весь путь проплыли без позорных купаний. Но желание поделиться впечатлениями скоро заставляет открыть тайну.

Салищев за это время определил астрономический пункт у переправы. Работа эта сейчас довольно неприятна: как раз поздним вечером и ночью, когда приходится производить наблю-

дения по звездам, комары наиболее неистовы, и полотенце, обернутое вокруг головы, не предохраняет. Одеть сетку нельзя — глаза должны быть открыты, чтобы видеть нити инструмента.

Мы все — даже часть якутов — одели после Алдана сетки из черного тюля или из ситца с «маской» из волоса, но комаров совсем не так много, как мы думали; мошек, этого бича северной Сибири, нет совершенно, а оводов пока немного. После того, что я видел на Енисее и особенно на Средней Тунгуске, где стена нашей лодки была утром покрыта сплошным серым покровом сидящих плечо к плечу комаров, здесь прямо рай. «Время комара», о котором с таким ужасом говорил Березкин, в этом году повидимому нас минует; но пока я все-таки вспоминаю рассказы Харитонова, как в 1925 г. на его пути в Верхоянск сдохло до 100 лошадей, заеденных комарами. По его словам, лошади были совершенно без крови, когда их взрезали. О таких же случаях пишет Серошевский, и остается порадоваться, что нашим лошадям как будто еще не грозит такая гибель.

После полуторадневного отдыха они выглядят свежо и весело, хотя сегодня мы войдем в бесконечные горы, о которых нам насказали столько страхов. Вверх по Куранаху болот мало, и лошади идут легко. Тропа часто подходит к самым галечникам Куранаха, иногда теряется, но Николай ведет нас уверенно, — якут не боится отсутствия тропы, — она так мало протоптана, что в любом месте можно проехать с неменьшим удобством. На якутском языке дорога и след обозначаются одним словом, с у о л, и действительно наша дорога часто — только след проехавшего год назад путника. Встречается болотце, и мы лезем в чащу, обдирая в клочья вьюки о мелкую поросль; можно проехать короче — и след бросается для проблематичного сокращения. Николай, впрочем, стар и консервативен, и наши рабочие уже смеются над ним и сами часто выбирают дорогу по вкусу, особенно «леший» Оконохой (Афанасий), который никогда не ведет свою связку по тропе: то тропа слишком камениста, то вязка. И догоняя караван, я всегда вижу по следам: вот прошли все, а здесь шел Афанасий.

Под'езжая к горам, я случайно оборачиваюсь назад, и вижу два громадных столба дыма: это на стоянке у устья Куранаха наши рабочие не затушили костра, и теперь начался грозный лесной пожар.

Войдя в горы, мы остановились на Куранахе в урочище Тарбыях, что значит «Телячье». На следующий день пересекаем по Куранаху первую, окраинную цепь и более низкие горы, лежащие за ней. Узкая долина, частые утесы.

Куранах — веселая светлая река, через которую в горах за день мы бродим 11 раз, уходя от подступающих утесов на другой берег. Броды до брюха лошади, но под утесами глубоко, и однажды Салищев, желая догнать караван, спрямив путь, принужден был плыть вместе с лошадью, набрав полные сапоги и сумы воды.

На Куранахе веселее, чем в болотах, — светлые тополевые рощи, луга, галечники. Куранах — значит «сухой», болот по нему нет. Очень часто едем по островам или приречным террасам, поросшим мелким тополем, по крепкой тропе, — и лошади и люди отдыхают от бадаранов.

С Куранаха через лесистый отрог переходим в долину притока Менкюле — Нижнего Харыялаха. На самом перевале влезаю на диабазовую сопку и вижу уже совсем близко гребни и цирки Скалистой цепи — она в верховьях Харыялаха. Внизу, в лесу слышны крики и видны суетящиеся фигуры — наверно это опять проводник упал: наш Николай очень стар, и в болотах часто падает с лошади, но очень изящно и легко, несмотря на свои 60 или 70 лет, как на пружинах. Но оказывается, это Конон, ведущий лошадь с хронометрами, внезапно исчезает вместе со своим конем в узкой и глубокой промоине, закрытой мхом. Конон выскакивает сам, а лошадь приходится вытаскивать, она втиснута в рытвину, как в футляр.

По Харыялаху дорога быстро свертывает в его узкую правую вершину. Я задерживаюсь на обнажениях и, отстав от каравана на час, вижу впереди, в верховьях Харыялаха два столба дыма. Опять пожары — и на этот раз быстро распространяющиеся! В июне и июле здесь очень мало дождей, все пересохло, к тому же на Харыялахе — последние ели (Харыялах значит «еловый»); в чаще они увешаны гирляндами сухих лишаев, которые мгновенно вспыхивают. Когда мы под'езжаем к первому пожарищу, оно охватило уже несколько гектаров. Ели вспыхивают одна за другой, и огонь сразу захватывает все дерево, превращая его в колеблющийся столб пламени; как только сгорает лишай, огонь уменьшается, и появляется черный дым. Лошади пугливо косятся, храпят, нам приходится спуститься в русло речки — пожар подошел вплотную к ней.

Второй пожар в километре дальше; едем по самому краю обрыва — и здесь огонь захватил тропу и прижимает нас к речке. За пожаром обнажение, которое надо осмотреть. Пока записываю наблюдения, порыв ветра — и огонь, страшно завывая (я никогда не слыхал, чтобы огонь в самом деле так выл), прыгает с утеса на утес, через десятки метров, подобно какой-то гигантской огненной метле, вздымающей искры. Лошадь поворачивается спиной к пламени, косится, прядает ушами, всячески выражая неодобрение нашему легкомыслию.

Вечером делаю строгий выговор рабочим за неосмотрительное курение, но никто не признается: русские сваливают на якутов: «это все от трубок, нешто от цыгарки загорится», а якуты на русских: «это все от цыгарок».

Верховья Н. Харыялаха — узкое ущелье в Скалистой цепи. Серые и красноватые известняки с почти горизонтальными пластами высятся по обе стороны метров на 700. Ущельица боковых притоков — выглаженные ложа весенних водопадов. На дне с обеих сторон — конусы осыпей, перегораживающих дно долины. Жалкие остатки деревьев и лужайки яркой травы. Между ними изрытая почва, оставшаяся от недавно стаявшего снега. На самом перевале — два маленьких озерка, вероятно первые следы древнего оледенения. На них — стайка уток, и Чернов, со свойственной ему экспансивностью, бросает лошадь и бежит, согнувшись, заряжая ружье со страшным лицом.

Ночевка — в верховьях В. Харыялаха, следующего притока Менкюле. Нижний Харыялах своими истоками подрезал вершину Верхнего, и сейчас же за перевалом мы оказываемся в сильно разработанной долине, у устья глубокого мрачного ущелья. В Верхоянском хребте мы встречаем несколько раз это распространенное явление — одна река отнимает истоки у другой.

Следующий день — 15 июля — мы должны дойти до хорошего корма в урочище Кюель-сибиктя (кюель — озеро, сибиктя — вкусная трава), о котором говорили все проводники: «Там сделаете дневку, чтобы лошади отдохнули перед перевалом через главный хребет». С утра, как всегда, разделяемся — я с Протопоповым и Черновым остаемся у утесов, караван уходит вперед.

По Харыялаху тянутся все время известняки, и в последнем их утесе на устьи мы находим окаменелости — кораллы и стебли морских лилий. Это большая удача — Черский видел кораллы только в гальке рек.

*

Кораллы очень нас задерживают, и только после полудня выходим в долину Менкюле, здесь она широка, до 3 *км*, это благословенные заросли Кюель-сибиктя, где вкусная трава, от которой жиреют кони, должна быть в изобилии. За Менкюле острые серые горы, вверху безлесные, а налево возле нас конический пик.

В долине Кюель-сибиктя едем, однако, по лесу, а не по лугам сибиктя. Наконец, на берегу притока Менкюле — луга, многочисленные следы стоянки и даже «серге» — коновязные столбы. Но нашего каравана нет, и следы идут дальше. К вечеру проезжаем все расширение Кюель-сибиктя, дорога идет вверх по реке, в узкую долину. На левом берегу крутые осыпи, след уходит на широкие галечники Менкюле. Мы идем по следам, но вдруг они уходят в воду одной из проток. Левый берег крут, и очевидно тропы там нет, значит, надо искать брод на тот берег. Нам в Крес-хальджае много говорили об опасностях бродов через Менкюле — в особенности великий проводник Иннокентий, — и мы приступаем к первому опыту с холодком в душе. Находим место, где река разбивается на две протоки с перекатами, и пробуем. Первая протока быстра, но вода только по брюхо лошади. Вторая глубока, и чтобы не подмокнуть приходится задирать ноги; бродим над самым верхним концом шиверы, и лошади под давлением течения с каждым шагом приближаются к ней. Но перебираемся благополучно. На том берегу, за галечниками, в лабиринте тополевых островков и зарослей ивы, ищем следы, лазая с конями по чаще, — проходит несколько часов в бесплодных поисках. Очевидно, ошибка сделана еще на том берегу, надо возвратиться к исходной точке. Снова два неприятных брода, и мы к стыду своему видим, что тропа, после короткого брода вдоль протоки, взбирается снова на левый берег и по камням и ямам у основания осыпей идет дальше. Только к 10 часам находим стан, пробыв в седле больше 14 часов. Наши стоят в урочище Ойегос-оттук — «боковой корм»: оказывается, в Кюель-сибиктя проводник решил, что прошли в этот день слишком мало (ему строго внушено, что надо проходить не меньше 25 километров в день) и пошел до следующего корма.

Наше приключение — только смешной случай, но гораздо хуже было бухгалтеру Якторга, который с несколькими якутами проходил через это место две или три недели спустя, направляясь в Оймекон. Менкюле вздулась от дождей, и в том месте, где тропа идет несколько десятков метров по воде, поток подхватил одну

оступившуюся лошадь, а за ней и всю связку, и унес ее вниз. Лошадям удалось избавиться от вьюков, и они выплыли, кроме одной, которая погибла, — и весь груз был также потоплен. Бухгалтер лишился таким образом всего имущества, которое он вез на время своего контрактного двухлетнего сиденья в Оймеконской фактории.

На следующий день решаю сделать дневку в Ойегос-оттук, хотя это и «боковой корм» второго сорта. Надо дать отдохнуть лошадям и сделать экскурсию в окрестные горы; здесь ось большой синклинальной складки, и интересно изучить самые молодые свиты хребта.

С утра все настроены празднично — стирают белье, чинятся, пекут лепешки, идут на реку купаться. В экспедиции это всё удовольствия, которым с удобством можно предаваться на дневках. Я записываю вчерашние наблюдения. В полдень снаряжаемся для экскурсии — молоток, компас, книжка на поясе, сетки для камней, анероид, бинокль. Взбираться на высокую гору не стоит — кроме столбов дыма в верховьях Харыялаха, с юга несет большие тучи дыма: и там кто-то зажег пожар. Все затянуто мглой и с горы ничего не будет видно.

Выходим из палатки — и видим два столба дыма совсем близко, в полукилометре к северу и востоку. Петр спокоен: «Это я разложил дымокур на рёлке,[1] кони очень бьются, комаров много. Никуда огонь не пойдет — кругом болото. А другой дымокур Михаил на острове разложил». Иду проверить и невдалеке от палаток нахожу новый центр пожара в лесу — ветер перебросил огонь уже сюда. А два дымокура превратились уже в громадные ревущие пожарища, которые ветер гонит в нашу сторону. Проводник показывает нам, как ветками забивать огонь, но нам не удается ликвидировать даже самый маленький новый очаг пожара. Надо бежать, — если ветер рванет сильнее, через десять минут лагерь будет в огне. Протопопов предлагает самые энергичные меры — немедленно сбросить весь груз в соседнее болото. Но это мы успеем сделать и позже, пока же надо попытаться найти лошадей и вывезти все. Поиски лошадей иногда затягиваются на 2-3 часа, но сегодня лошади близко, и их вскоре удается привести; только у Александра три лошади забились между двумя огнями, и он долго ищет их в дыму и возвращается прокопченный.

---

[1] Сухой гребень на болоте.

Поспешно свертываемся, упихивая все кое-как, котел с тестом, приготовленным для лепешек, опрокинут на мох, и тесто вытекает серой лавой. Последние минуты огонь начинает перекидывать через узкое болотце в нескольких шагах от лагеря, мы долго боремся с ним, забивая пламя ветвями, наконец, он побеждает, но все уже завьючено, и караван уходит. Якуты злорадно издеваются над русскими рабочими, те отмалчиваются.

Мы идем еще два дня вверх по Менкюле. На второй день долина приобретает характерный ледниковый вид. Широкое дно ее покрыто рядами узких параллельных валов, частью состоящих

Моренное озеро на Менкюле.

из коренных пород, частью из обломочного материала. Между ними — длинные узкие озера, иногда в 5 параллельных рядов: это дно древнего ледника, которое избороздил лед при своем движении. На левом склоне еще более интересное и оригинальное образование — боковой высокий вал, высотой до 400 *м* над дном долины, за узким гребнем которого — узкая долинка, параллельная главной. Эти валы нам удалось изучить позже, и я буду еще говорить о них.

Все это показывает, что сравнительно недавно громадные ледники спускались с Верхоянского хребта. Мы еще в 100 *км* от главного водораздела на высоте всего около 600 *м*, а следы оледенения уже так свежи!

Через Менкюле бродим всего один раз и, на наше счастье, по малой воде. На правом берегу, в урочище Бахсы-аттыга останавливаемся рано, чтобы сделать астрономические наблюдения — это приметное место для астрономического пункта. В лесу на полянке маленький амбар, на нем на шесте воткнуто игрушечное, сделанное из дерева, ружье: значит предлагается не трогать; на шесте несколько насечек — по числу спрятанных предметов. Амбар сложен плотно, снаружи ничего не видно, и наши рабочие с усердной любознательностью вытаскивают два бревна из нижнего настила, — в самом деле, счет верен: там лежат пять кулей муки.

Как мы узнаем позже, зимой везли муку для фактории Якторга в Оймеконе, дорога начала портиться, и часть муки сложили здесь, с тем чтобы увезти летом или будущей зимой. В сибирской тайге очень принято оставлять вещи на долгое время без призора: вы можете даже повесить на дерево ружье, и притти за ним через несколько месяцев!

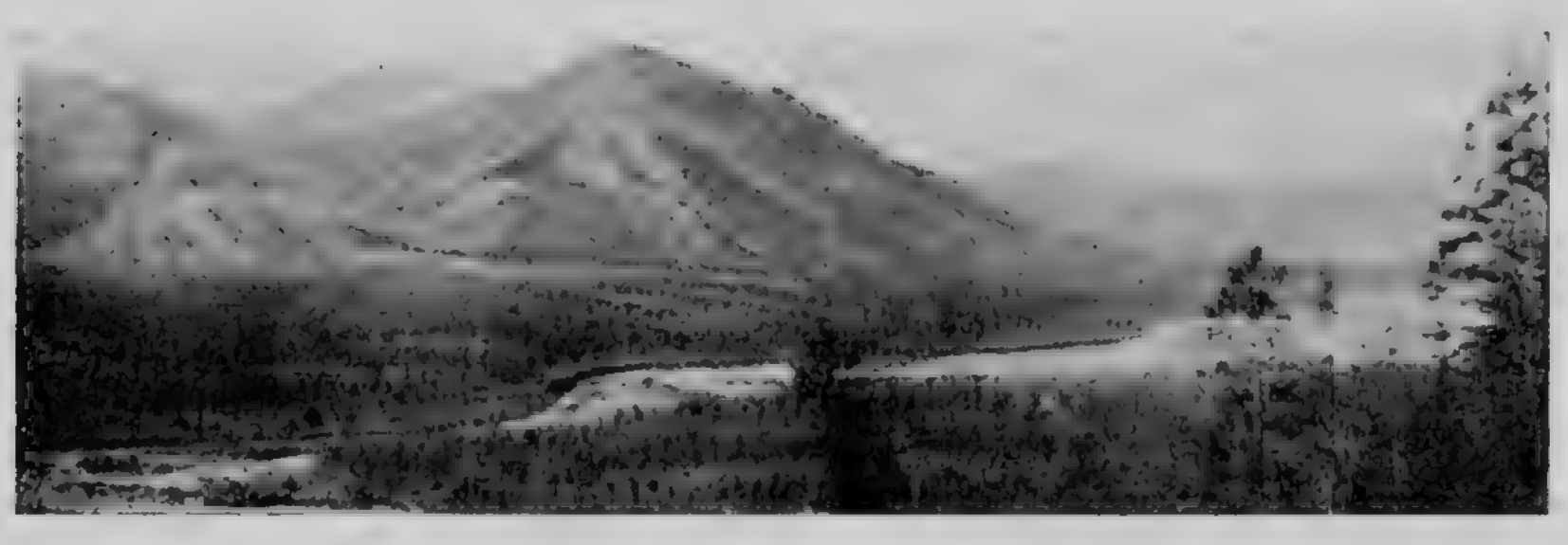
Это, конечно, в тайге, населенной инородцами, — русские крестьяне иногда нарушают старинные правила, в особенности если имущество принадлежит инородцам. На Средней Тунгуске мне пришлось, по просьбе тунгусов, писать жалобу на русских, ограбивших могилу их отца, шамана.

Наши русские рабочие, уроженцы Илима, вынесли оттуда это презрение к туземцам, как к низшей расе. Для них тунгусы, якуты, все это «орда», «азия». Из-за этого в экспедиции у рабочих два враждебных лагеря, и каждая партия смотрит с некоторым злорадством на неудачи другой.

На следующее утро, 18 июля, очередное исчезновение лошадей у якутов — они жалеют лошадей и многих не путают на ночь. Сегодня несколько более предприимчивых коней, недовольных кормом, отправились на поиски лучшего по собственным соображениям, и до 11 часов дня их ищут. Порядок всегда одинаков — сначала ищет тот, в чьей связке пропала лошадь, затем, после моих настойчивых вопросов, лениво поднимаются еще один-двое из якутов, и, наконец, если времени прошло много, после прямого приказания, об'единяются уже обе партии. Заставить их искать сразу одну лошадь показалось бы несправедливым: каждый сам заботится о своей связке. Несмотря на эти задержки, мы идем хорошо — все равно, если проходить больше 25 километров в день, мы изнурим слишком рано лошадей.

Сегодня мы переваливаем с Менкюле через седловину, когда-то заполненную ледником с моренным озерком на ней, в долину его притока Теберденя. Истоки этой реки — в Главной цепи, и мы уже видим ее снеговые вершины вдали. Пока идем еще в горах пониженной области между Скалистой цепью и Главной, но они быстро повышаются, и уже к концу первого дня мы достигаем гор, возвышающихся на 1 000 — 1 200 *м* над уровнем моря. Подножие их, так же как и горы по Менкюле, состоит из черных докембрийских сланцев, смятых в сложные складки, но вершины венчаются горизонтально лежащими слоями триасовых песчаников и конгломератов, которые слагают Главную цепь.

Три дня идем мы вверх по Теберденю до главного перевала. Долина становится все мрачнее, и горы высятся уже на километр



Тебердень у тарынов.

и больше над плоским дном ее. Долина — ясно ледникового происхождения: бывший ледниковый трог, с крутыми склонами, а дно плоское, покрытое галечником послеледниковых рек, с остатками террас. Теперь я понимаю, чем вызвано противоречие в описаниях Черского. По его отчету Верхоянский хребет — с альпийскими формами, с пиками, с утесами даже у дна долины, но вместе с тем долины его имеют старческий характер, широки, с пологим наклоном, заполняют дно галечником. Черский, никогда не работавший в современных ледниковых областях, не узнал в Верхоянском хребте ледниковых форм, а они настолько резко выражены, что весь хребет кажется только на днях избавившимся от ледников, особенно вблизи самой Главной цепи, где морены свежи. Долины Верхоянского хребта действительно своеобразны: уходящие к облакам темные крутые склоны, внизу с осыпями, вверху сплошные утесы, и плоское широкое дно, покрытое частью тополевыми зарослями, частью большими безотрадными галечниками,

по которым так трудно итти лошадям, и нередко белыми пятнами тарынов.

Тарын — это характерное явление сибирского севера в областях вечной мерзлоты, нечто подобное наледям. Зимой, во время сильных холодов, многие горные реки промерзают до дна, и вода прокладывает себе проход через галечники берегов. Многочисленными струйками она поступает на поверхность льда, разливается по нему тонким слоем, который вскоре замерзает. Таким образом за зиму намерзает слой льда толщиной в 2 — 3 и даже до 8 *м*, который покрывает не только реку, но и всю долину ее, иногда шириной до 2 — 3 *км*; длина тарына также разнообразна — от нескольких сот метров до десятка километров.

Тарын представляет странный парадокс: зимой, при 60-градусных морозах он всегда покрыт водой, а летом, в июльские жары, — это мощные толщи льда среди зелени, не тающие до самой осени. Тарын захватывает и прибрежные леса, если они лежат на низкой террасе, деревья от этого постепенно гибнут, и летом в долинах рек на местах, где тарын стаял, образуются огромные площади галечников с засохшими серыми рощами.

Зимой тарын представляет большие препятствия для передвижения — с ними мы ознакомимся позже, — а летом это излюбленная дорога; на тарыне лошадям итти мягко, они не сбивают себе копыт, как на галечниках, и не вязнут, как на болотах. Некоторые из наших лошадей ни за что не хотят итти по тарыну, но скоро привыкают. Первые тарыны мы встретили уже на Куранахе, но там не приходилось итти по ним.

На одном из тарынов показывается олень, дикий или домашний, неизвестно, но наши охотники выпускают в него обойму. До оленя далеко, километр или полтора, и он благополучно скрывается. Нет ли где-либо поблизости тунгусов? Мы не видали людей уже полмесяца.

На третий день мы поднимаемся наконец на Главную цепь, пройдя около 380 *км* от Алдана и 190 *км* от подножья хребта. Постепенно исчезают деревья, и мы идем по развалу крупного щебня и глыб песчаника — здесь вода еще не успела окатать их и превратить в гальку. Долина сохраняет еще ледниковый характер — широкая, с крутыми склонами, но выше в нее врезано узкое ущельице современного потока, по которому лошади тяжело идут, осторожно переступая между камнями. Мы выползаем на широкую седловину-перевал, на высоте около 1 600 *м*. По обе

стороны округлые горы, еще на 500 *м* выше, с небольшими пятнами снега, но на западе вниз по Теберденю видны острые хребты до 2 500 *м* высоты с обильными снегами, с характерными цирками недавних ледников, рассеченными радиальными каррами.

На восток видна плоская долина, с округлыми горами за ней в мрачной завесе грозовой тучи. Все голо, безлесно, покрыто травой, утесов почти нет. Это — знаменитый «Чыстай», который лежит по гребню Верхоянского хребта, безлесное пространство

Верховья Теберденя в Главной цепи.

(от русского слова «чистый»), вблизи которого летуют тунгусы со своими стадами. Здесь много корма, но нет леса, и нам нужно миновать Чыстай сегодня же.

Мы спускаемся в широкую долину какой-то неизвестной реки (проводник уехал вперед с караваном), в ее верховьях — снеговые горы. Все покрыто травой, после тесноты и лесов алданского склона хребта здесь тучные пастбища земли Ханаанской. Правда, нередко большие пространства заняты неизбежными болотами и каменистыми россыпями древних морен, но все же здесь есть где накормить скот. И в 15 *км* от перевала, у первых деревьев, жмущихся еще к горам, мы находим чумы тунгусов и стада оленей.

В Крес-хальджае нам говорили, что в 500 верстах мы встретим людей, мы же прошли всего только 400 километров. Это разногласие об'ясняется тем, что якуты имеют свою меру длины — к ö с, днище, когда-то, в кочевые времена, — длина дневной перекочевки со стадами, приблизительно 7 или 8 *км*. Они очень точно указывают расстояние в кöсах, опытные проводники иногда изумительно верно определяют расстояния, не имея ни часов, ни компаса; но в переводе на русский язык укоренилось приравнивание кöса десяти верстам. В новых учебниках кöс называется милей; якуты его обычно делят на 10 верст, и эти версты смешиваются с русскими. Неопытных путешественников вначале пугают эти якутские версты, они не знают, что все расстояния надо уменьшать на 20%. Иногда это очень приятно: например 750 верст до Тарын-юряха, о которых нам говорили в Крес-Хальджае, сократились в действительности до 600.

Неудивительно, что мы прошли такое большое расстояние — 400 километров — не встретив ни единого человека. Якуты в количестве около 2 000 живут главным образом по долине Индигирки и на нескольких притоках вблизи нее, а тунгусов во всем бассейне верхней Индигирки и в прилегающей части Верхоянского хребта не более 350 человек. Таким образом, население этого района, площадью в 200 — 250 тысяч *кв. км*, не более 2 500 человек, т. е. в среднем на человека приходится 100 *кв. км*, а в горах действительная населенность в 10 раз меньше, т. е. 1 000 *кв. км* на человека!

Тунгусы, которых мы встретили, были зажиточны и имели большое стадо оленей, в 300 или 400 голов. Возможно, впрочем, что оно им не принадлежало: теперь большинство тунгусских стад за долги перешло к их кредиторам якутам, и тунгусы являются только пастухами чужих оленей, получая по 2 рубля с головы в год за пастьбу. Своих оленей у них остается 10 — 20 штук, что едва хватает на перекочевку.

Якуты в Индигирском районе почти все ездят к тунгусам торговать, привозя им в долг товар втридорога, конечно (кирпич, чаю, например, при цене в 2 р. 40 к. в Якутске и 3 р. 60 к. в Оймеконе, доходит у тунгусов до 10 руб.), а потом получают в обмен по дешевым ценам пушнину. Эта система — кредитования товаром и эксплуатации — сотни лет уже установилась на нашем севере и теперь исчезает очень медленно.

Понятно, что Иннокентий Сыромятников хотел иметь право

раз'езжать, куда угодно, во время пути: ему хотелось заодно об'ехать своих должников!

Даже наш Николай, на что уж захудалый и скромный якут, и тот имел здесь должников, и за долги взял у тунгусов оленя, заколол его, продал нам часть, а остальное мясо отдал обратно тем же тунгусам в счет каких-то будущих поступлений!

У тунгусов большой чум и палатка. Теперь тунгусы и якуты во время переездов охотно пользуются палатками, как более легким и подвижным кровом. Утром мимо нас прогоняют оленей,

Главная цепь Верхоянского хребта. Вид на юго-запад.

они бегут со странным хрюканием, вытянув морды, и потом тесной кучей ложатся у чума; их рога совершенно подобны зарослям кустарников: когда северный олень лежит тихо в лесу на мху, вы часто его не сможете сразу отличить между кустами.

От палаток чудесный вид вниз на долину реки с лугами, где пасутся наши кони и олени тунгусов. Широкая долина уходит верст на 70 на север и потом круто поворачивает на юго-запад в Главную цепь. Оказывается, мы в верховьях той же реки Томпо и хотя перевалили через Главную цепь, все еще не достигли бассейна Индигирки. Томпо, как одна из рек алданского склона хребта, где размывание происходит очень быстро из-за крутизны склона и низкого базиса эрозии, прорезала Главную цепь и похитила часть бассейна Индигирки с совершенно иным ландшафтом.

Назавтра дневка, и мы с Салищевым совершаем восхождение на одну из гор у перевала, высотой до 2 100 *м*. Оттуда мы можем вполне оценить резкую разницу между двумя склонами. К Алдану — узкие скалистые гривы, гребни, пики, покрытые вечными снегами, ущелья, глубиной в километр, на дне которых сереют галечники. За Теберденем видна палаткообразная гора, похожая на «Южный зуб» (дан дю миди) Женевского озера,

Главная цепь Верхоянского хребта. Вид на северо-запад.

а далеко на юго-западе, за верховьями Менкюле, — вершины со сплошным покровом снега.

Совсем другое в сторону Индигирки, на восток и север. Здесь — плоские долины, закругленные горы, все покрыто зеленой травой или красноватыми осыпями. Нет ясных цепей — сложная сеть мелкосопочника. Древнее оледенение здесь носило другой характер: в то время как на алданском склоне мощные ледники альпийского типа спускались по узким долинам, северный и восточный склон Верхоянского хребта был покрыт сплошным покровом льда, из которого выступали, может быть, более высокие гривы в виде так называемых нунатаков. Это было оледенение скандинавского типа или даже типа материкового.

Долина Томпо носит на себе черты ледникового происхожде-

ния: вся очень широкая, она в верховьях распадается сразу на несколько коротких и широких отвершков, по бокам — остатки морен.

Вечером я пытаюсь расспросить у тунгусов о прямой дороге на Чыбагалах, но никто из них не ездил туда и не слыхал, есть ли такая прямая дорога (а Харитонов еще в Москве говорил нам, что через верховья Томпо мы прямо пройдем в Чыбагалах!). О том, провезено ли туда наше продовольствие, никто ничего не слыхал. Приходится покориться судьбе и ехать на Индигирку. Мы решаем, что в Тарын-юряхе, где есть фактория Якторга, мы с доверенным

Чумы тунгусов в верховьях Томпо.

фактории договоримся о зимнем нашем возвращении, о найме оленей, ибо ясно, что ни к какому пароходу в Якутск мы не попадем. Сегодня 21 июля, больше месяца со дня выхода, мы прошли уже около 750 *км*, максимум того, что по расчетам отделяло нас от Чыбагалаха, а между тем мы только-только перевалили через Верхоянский хребет. Если в Тарын-юряхе нам обеспечат обратный проезд, можно будет рискнуть двинуться дальше, в Чыбагалах.

Здешние тунгусы хорошо знают только район своих летовок — верховья реки Томпо, и зимовок — реки Брюнгаде и Селерикан. Остальная вселенная для них сливается в смутное пространство, и Якутск (Джокускай) — сказочный город. Они обращаются

к нам с настойчивой просьбой остаться еще на день, чтобы разделить между ними мануфактуру, которую они получили в обмен на пушнину — всего что-то на две тысячи рублей. Мне жаль им отказать, но грозным призраком стоит впереди зима, и терять целый день нельзя; обещаю, что завтра вечером, если наша стоянка совпадет с их сборным пунктом, мы им поможем.

Николаю, повидимому, необходимо закончить какие-то дела с тунгусами: назавтра он сообщает, что до их стана как раз

Тунгусские олени на Томпо.

3 кöса — наш нормальный дневной переход. Но, к его конфузу, мы приходим туда через 3 часа, сделав всего 12 *км.* В приятной долине у границы леса в чуме и нескольких крохотных палатках собрались человек 15 тунгусов — они доверчиво высыпают нам навстречу, Николай демонстрирует всю свежесть окрестной травы, но я все же отдаю приказ ехать дальше, тем более что никто из моих помощников не чувствует себя в силах, не зная языка, разобраться в сложных взаимных долговых обязательствах.

В этот день мы проходим истинный водораздел — незаметный перевал среди плоских грив, на 100 метров ниже перевала через Главную цепь. На перевале — неизбежное в этих ледниковых долинах озерко.

23 июля, после двух дней пути по широким долинам верховьев р. Брюнгаде, мы входим по этой реке в большую горную цепь, параллельную Главной, которую я назвал Брюнгадинской. Цепь эта, хотя и крутая, не более 2 000 *м* высоты, и на ней только редкие пятна снега. Долина Брюнгаде, пересекающая цепь под прямым углом, в ней суживается, загромождена моренами древнего ледника, то справа, то слева подступают крутые обрывы. На следующий день с утра нам приходится переходить несколько раз реку в брод. Два дня шел дождь, и Брюнгаде, и так значительная речка, сильно вздулась. На втором броду последних лошадей

Река Брюнгаде в Брюнгадинской цепи.

в связках, и в особенности Богородицу, сдергивает вниз течением, и они едва выползают. Третий брод страшен — мутная, серая масса воды мчит бешеным потоком, поверхность которого выпукла и стоит выше берегов. Николай уже не решается искать брод, и вперед едет тунгус, который вместе с другим тунгусом, якутом и якуткой вчера присоединились к нам. Тунгус храбро гонит лошадь, вскоре она вся скрывается под водой и плывет, высунув голову и пофыркивая; всадник на своем высоком седле поднимает колени к подбородку. Доплыв до того берега, он возвращается обратно, но менее благополучно: поток срывает с седла переметные сумы, и они, как пара огромных пузырей, мчатся вниз по течению. Вся компания тунгусов и якутов уезжает вниз вдоль реки в надежде, не прибьет ли сумы к берегу, а мы останавливаемся у брода. Я посы-

лаю проводника вперед узнать, нельзя ли пройти этим берегом, а пока с Протопоповым совершаем экскурсию на горы левого берега.

Отсюда открывается обширный вид на долину Брюнгаде и Брюнгадинскую цепь. Брюнгаде, долина которой выше цепи достигала 10 *км*, здесь стеснена до $1^1/_2$ — 2 *км*, и древние ледники, спускавшиеся с Чыстого, принуждены были, сливаясь, громоздиться в этом узком жерле, заполняя его. Кроме обычных многочисленных морен на дне долины, здесь образовались еще ледниковые валы, подобные тем, которые мы видели на Менкюле. Мы сидим как раз над одним из таких валов. Его высота до 400 *м* над дном долины, за ним узкое ущелье в 100 *м* глубины. Вал состоит из коренных пород, сверху прикрытых остатками галечников, а в ущелье — красивое озеро среди утесов. Дальше к северу это ущелье не выходит к Брюнгаде, а переходит в долинку, параллельную реке, и только в 20 *км* ниже впадает в речку Сейкимьян, приток Брюнгаде. Такой вал — очень редкая ледниковая форма, но в бассейне Индигирки мы встречали ее очень часто и в гигантском развитии; ущелья эти образовались во время существования ледника, когда воды, стекавшие с соседних гор, встретив у ледника боковую морену, должны были течь вдоль нее, пробивая себе узкую долинку в коренных породах. Образованию этих боковых долин повидимому способствовало обилие обломочного материала, который давали триасовые песчаники и сланцы; громадные морены, нагроможденные вдоль ледников, преграждали воде путь к леднику, и было легче размыть склон соседней горы, чем морену.

Таким образом, долина Брюнгаде в ледниковое время была наполнена больше чем до 400 *м* высоты льдом! А. Григорьев отмечает на старом Верхоянском тракте такую же мощность древнего ледяного покрова — оледенение Верхоянского хребта было грандиозно по своим размерам.

Утром 25 июля нас задерживает забавное происшествие. Ночью Богородица оборвалась с ярка, где она паслась, в Брюнгаде, и мутный поток унес ее. Несчастной удалось задержаться на маленьком галечном островке, и сейчас она стоит, понурив голову, между двумя ревущими протоками, донельзя испуганная, не решаясь плыть. Надо ее достать, и это придется сделать переводчику Конону; хотя он ведет теперь лошадь с хронометрами, но попрежнему на его попечении 5 лошадей. Он немного трусоват и выбрал себе лошадей посмирнее, в том числе и Богородицу. Он долго ездит вдоль реки, выбирая место для брода, но везде река

рычит одинаково страшно, и воды ее мутны. Наконец, Николай, приглашенный как эксперт, указывает ему место, где по его мнению мельче. Конон делает попытку — лошадь боится заходить глубоко, сам Конон еще больше боится — и они возвращаются обратно. Якуты иронически поглядывают, и Конон со вздохом

Ледниковый вал с параллельной долиной и озером на р. Брюнгаде.

берет мою лошадь — самую надежную на броду — и решается бродить. Я становлюсь рядом с аппаратом, чтобы снять его плавание; он сбросил пиджак и шапку, но вот горе: в протоке вода не доходить даже до брюха лошади! Богородицу благополучно возвращают к ее вьюку.

Проводник нашел дорогу по левому берегу Брюнгаде, и мы идем еще день по ней. Дальше нужно перевалить на север, в бас-

сейн реки Эльги, — по Брюнгаде уходит дорога в Оймекон. Местность становится мало интересной — горы хотя еще значительны, но плоски. Селерикан, большой приток Эльги, течет в унылой долине, сильно болотистой. Николай дороги дальше не помнит, в Тарын-юрях он ездил очень давно и поэтому он блуждает по болотам и в чаще молодых лиственниц в поисках троп. К тому же Селерикан вздулся от дождя, и те места, где Николай когда-то проходил, сейчас недоступны.

Для геолога такая плоская долина без утесов — мучительна. Чтобы найти обнажение, приходится рыскать по лесу вдоль склонов, бродить по болотам, переезжать на другой берег Селерикана. Сначала это легко, но на второй день Селерикан уже напоминает Брюнгаде по своей силе, и у последнего обнажения которое удалось осмотреть, пегая лошадь Протопопова, меньшая ростом, чем моя, по грудь в воде, с трудом борется против течения. У меня лошадь большого роста и бестрепетная на броду, это не та, которая была у меня вначале: уже на Менкюле лошадь, которую я выбрал сперва, начала хромать. На камнях перевала через Главную цепь она совсем сбила себе ноги, так что по долине Томпо мне пришлось итти пешком. Перепробовав несколько белых коней, я остановился на одной из верхоянских горных лошадей. Она стара, ей больше 15 лет, умна и осторожна, в болоте сама умеет выбрать дорогу и не боится брода. Вероятно, ею очень дорожили ее владельцы — оба уха искромсаны разными знаками.

28 июля проводник окончательно не знает, куда итти. Неясные следы ведут от долины Селерикана, и он уводит нас за ними. К вечеру взбираемся на перевал через правую цепь и видим на востоке большую долину, до 14 *км* шириной, с большими лугами, и по дальнему ее краю — плесы большой реки. Эти Индигирка. Не без волнения смотрю я на нее. Река, по которой никто не проплывал, знаменитая своими страшными порогами. Совершенно неисследованная область, куда действительно не ступала нога исследователя. Таинственная Индигирка, которую я вот уже пять лет включаю в разные пятилетние и иные программы. Индигирка, которую я должен был увидеть в лучшем случае через 2 — 3 года, вдруг превратилась из географического названия в действительность, из тонкой черной полоски на карте — в большую полноводную реку!

За Индигиркой к востоку — какие-то большие горы с тремя острыми вершинами.

---

*

V. ПО БОЛЬШОЙ РЕКЕ

По соседству там есть река Идитирия, широкая как Рейн.

Витсен. Северная и Восточная Тартария.
(Конец XVII в.)

29 июля мы спустились в райские пастбища — долину Индигирки. Слева в нее впадает р. Эльги, с долиной в 10 *км* шириной, вся эта широкая равнина покрыта пышными лугами, разделенными лесами. Но даже лиственница, дерево мрачное и неуютное, кажется на фоне лугов более нежным. Лошади жадно зарывают морды в траву, на сегодняшней стоянке в лесу под перевалом им не пришлось особенно много пировать.

Идем наугад на север, направляясь к устью Эльги. Через несколько километров пустая юрта, повидимому зимник. Все повеселели, действительно «Мы Верхоянский хребет миновали» и мрачные предсказания крес-хальджайцев не оправдались: у нас только одна лошадь хромает!

Вскоре находим обитаемую юрту, из нее выскакивают три якутки, со страхом и недоумением глядящие на наш караван: столько вьючных лошадей зараз здесь никогда не видали, и наше внезапное появление здесь страннее, чем стадо оленей на улице Москвы.

Наши якуты быстро устанавливают нежный контакт с бойкими туземками, те тают: еще бы, сразу столько кавалеров. Всё оказывается очень хорошо — мы вышли из гор по самой короткой тропе, и к Эльги есть торная дорога.

Мы торопимся, и якуткам не удается узнать всю подноготную о нас. Вообще, порция «капсеканья», уделяемая женщинам, гораздо меньше — им отвечают как-то нехотя и снисходительно.

Мы идем дальше по лугам. Встречаются табунки необыкновенно жирных лошадей; поглядев издали на наш караван и поржав немного, они испуганно убегают, поспешно вскидывая толстым задом. До Эльги проходим еще две юрты — Петра Слепцова

(Буотюр Силепсиеп — по-якутски) и Петра Атласова, с которыми нам придется иметь еще много дела.

Первого нет дома, а Петр Атласов провожает нас к берегу Эльги, к месту переправы. К устью, где нам хотелось определить астрономический пункт, подойти нельзя — там протоки и острова, поросшие лесом, и придется стать здесь. Атласов имеет вид простоватый и несколько дефективный и ничего не знает про дороги. И это немудрено: он бедняк, у него всего три коровы и ни одной лошади. Бедные якуты далеко не ездят — не на чем (разве наймутся в работники гонять оленей с грузом), и Атласов ездил только в Тарын-юрях, — это еще 50 *км* вниз по Индигирке.

Он рассказывает, что в Тарын-юряхской фактории два приказчика, но сейчас оба уехали в Оймекон, и фактория закрыта. Новое крушение планов, значит нельзя будет сговориться с приказчиками о зимнем возвращении. Выдвигается новый проект — с'ездить мне с Протопоповым в Оймекон (в Крес-хальджае говорили, что до него всего 100 *км)* и там переговорить с исполкомом. Но Атласов говорит, что вверх по Индигирке нельзя ехать, надо через Тарын-юрях. Новое недоумение: не говоря уже о том, что по картам Тарын-юрях лежит выше по реке, чем Эльги, непонятно, если он лежит ниже, как здесь утверждают, зачем ехать через него в Оймекон и делать крюк, да еще два раза переправляться через Индигирку.

Вечером приходит Петр Слепцов, человек более богатый и самоуверенный. У него широкое, плосконосое, грубое лицо с особенно жесткими волосами. Приносит нам «кэси», гостинец, который всякий гостеприимный хозяин должен дать гостю; но при этом всегда рассчитывают, что в обмен получат что-нибудь, и очень бывают обижены, если обменный дар менее ценен. У Слепцова — это туясок молока и утки, за которые я потом даю ему яркий бумажный платок.

Слепцов нам сообщает, что наше продовольствие месяц тому назад провезли в Тюбелях — местность, населенную якутами, в 250 *км* ниже по Индигирке. По слухам, дальше груз не повезли, и нам придется ехать за ним в Тюбелях. Там было 70 пудов муки и 6 п. масла, но есть ли крупа, он не знает. Дорога в Тюбелях идет далеко от реки, по левому берегу, и не заходит в Тарын-юрях, который остается в 50 *км* в стороне. Слепцов берется провести караван в Тюбелях за 6 пудов муки — 100 рублей по здешним ценам. Дорога тяжела — через высокие горы.

В Оймекон Слепцов дорогу также знает — и через Тарынюрях и прямо. Туда не меньше 18-20 кёсов — около 150 километров. Индигирский, председатель исполкома, должен на-днях уехать оттуда в Якутск, а Богатырев, народный судья (второй, к кому у нас есть письма от предсовнаркома) также вскоре уезжает.

Снова мы стоим перед трудной задачей: чтобы обеспечить зимнее возвращение экспедиции, нужно с'ездить в Оймекон, а это займет не меньше 10 дней. Десять дней, когда уже конец июля и в горах можно передвигаться только до середины сентября. Ехать в Оймекон — значит не попасть в Чыбагалах и не сделать там разведки. Не ехать в Оймекон — значит рисковать застрять на зиму в горах. Но в воздухе Индигирки есть вероятно что-то бодрящее, и я решаю выступать немедленно в Тюбелях. Наша цель — Чыбагалах — оказывается все еще очень далеко; сколько до него от Тюбеляха, здесь не знают, и прямой дороги отсюда туда нет.

Ночью Салищев опять мучается возле инструмента — нужно определить астрономический пункт, и хотя на Индигирке земной рай, но комаров здесь хватило бы и для ада или по крайней мере для чистилища: их все-таки гораздо меньше, чем на Ангаре или Тунгуске.

Утром отправляю Михаила посмотреть, нет ли где сухостойного леса возле реки, чтобы сделать плот. Мне очень хочется исследовать Индигирку и проплыть по ней — то, о чем я мечтал много лет, — и вместе с тем дать отдых лошадям. Если мы весь груз отправим на плоту, лошади, идя порожняком в Тюбелях, немного отдохнут, а то у многих начали показываться ребра, и два дня отдыха на здешних травах не восстановят их силы. Но сухой лес расположен как-то глупо — далеко от реки или на непроходимых протоках и доставлять его к Индигирке слишком долго. Михаил возвращается весь распаренный, из'еденный комарами, клянет, как водится, протоки, Индигирку, лес, который не сохнет там, где надо.

Снова приходится менять план. Но Индигирку я хочу исследовать во что бы то ни стало: сначала думаю плыть на маленьком плоту — для него лес достать не трудно, но удается уговорить Петра Слепцова продать маленькую ветку и дать в наем другую побольше. Со мной поедут Салищев и Конон; для багажа возьмем еще брезентовую лодку, она пойдет на буксире.

Большая ветка спрятана у Слепцова в кустах, и ее нам привозят на санях, запряженных быком. На Индигирке не знают колесных экипажей, да они и непригодны на болотах; и летом и зимой здесь возят на санях сено, дрова, воду. Запрягают только быков, считая, что они сильнее. Некоторые выходцы из Баягантайского улуса (Лено-Алданский район) начали запрягать лошадей, но эта запряжка повергает местных якутов в изумление. Санный выезд на быке — обычен во всей Якутии, и только в центральных частях начинают переходить летом к телеге.

Летний выезд — лодка на санях, запряженных быком. (На Индигирке у устья Эльги.)

На Эльги впервые повезло нашей разведочной партии. До этого времени никаких полезных ископаемых мы не находим, и прелестный лоток для промывания песков, сделанный Михаилом на Томпо, пропадает зря. Здесь, в песках реки, в каждом промытом лотке несколько мельчайших золотинок — так называемые следы золота. Это, конечно, не месторождение, но указание на то, что в верховьях Эльги где-то есть золото. И наши разведчики забывают все, глаза у них горят, и весь день проходит в рассматривании песков и шлихов (темные тяжелые минералы, главным образом железо, скопляющиеся на дне лотка или ковша).

Николая я отправляю обратно в Крес-хальджай; ясно, что к 20 сентября мы сюда не успеем вернуться, и ждать ему нас нечего. Николай едет сначала в Оймекон искать попутчиков — один

он боится ехать, слишком стар; я даю ему письмо для Индигирского — насчет зимнего нашего транспорта. Посылаю также телеграмму в Москву, она будет ждать в Оймеконе, потом полежит до оказии в Крес-хальджае и попадет в Москву в конце октября — недурная скорость для этих мест!

Чтобы отправить караван в Тюбелях, надо переправить его на левый берег Эльги. Это не так просто — Эльги не меньше Томпо, и бродов через нее нет. Снова на сцене появляется складная лодка

Столб на астрономическом пункте. Устье реки Эльги.

и две ветки. Мы уже научились перевозить груз и лошадей — их теперь привязывают к лодке не веером, а туськом, так они плывут свободнее. Все же на переправу уходят сутки.

Вечером, накануне от'езда в ознаменование счастливого события — достижения Индигирки — рабочие берут полторы бутылки спирта в счет следующего им пайка, и в первый раз в одной палатке об'единяются и якуты и русские. Поют песни то русские, то якутские. У нас два спеца по этой части — Александр и Иннокентий. В пути они нередко передразнивают друг друга, и Александру хорошо удается монотонная пародия на якутскую песнь, а Иннокентию — разухабистая частушка.

1 августа — день разделения партий — сплошь дождь. К полудню кончается переправа, и я отправляюсь на меньшей ветке попрощаться с караваном и его начальником Протопоповым. Сцена прощанья на отмели проходит просто — под моросящим дождем трудно быть торжественным. Мои спутники уже готовы и трогаются. Они сидят в большой ветке, к бортам которой привязаны два бревна, иначе она не подняла бы двоих людей. На буксире складная брезентовая лодка с палаткой, постелями, хронометрами, репсольдом. Я устроился в еще более миниатюрной

Переправа через Эльги.

лодочке, — могу подложить под себя только плащ и взять еще маленькие сумки. Гребем мы двулопастными веслами — себе я заказал сделать русское из цельного ствола, а у Конона якутское весло, у которого к палке лозой привязаны дощечки лопастей. Конон чувствует себя плохо — голова трещит после вчерашних росстаней, и я немного боюсь за судьбу лодок. И в самом деле, не успели от'ехать и двух километров, как быстрое течение наносит обе лодки на мель, и полчаса Конон и Салищев бродят в воде, стаскивая лодки.

Конечно, был бы полезен лоцман. Километрах в 15 вверх по Эльги, говорят, живет какой-то старик, который плавал с пло-

тами, но лоцман нам не по карману. Вода и так донесет, а в Тюбеляхе, как нам сказали, юрты видны с реки, и мы их найдем. Если нашу муку сплавили на плоту, то пройдем и мы.

Предстоящий путь по Индигирке представлялся гораздо более интересным, чем через Верхоянский хребет. Для хребта имелось все же более южное пересечение Черского, об Индигирке мы знали только по нескольким строкам расспросных данных, помещенных в сводке Майделя. Мы знали, что у Тарын-юряха справа впадает Нелькан (Джулкан Сарычева), по Черскому — небольшая речка, по Майделю — большая, даже принимающая в себя реку Тарын-юрях. Далее, Майдель пишет: «В то время как до впадения Нелькана верховье Индигирки с его многочисленными притоками течет по широкой, лишь местами прорезанной горными цепями равнине, с этого места прибрежный ландшафт совершенно изменяется. Левый берег горист почти до места впадения Селегняха, а правый низмен и болотист». И Майдель приводит рассказы купцов об «ужасных» болотах правого берега Индигирки. Так и на картах — низменность по правому берегу Индигирки заходит с севера почти до самой Оймеконской впадины, а по левому берегу вдоль Индигирки тянется дикий хребет Кех-тас, правда, отделенный еще большой рекой Сюрыктах-Арга.

Пускаясь вниз по Индигирке, я не надеялся встретить даже плохие обнажения, не говоря уже об утесах: где уж тут, когда берег низмен и болотист, и завидовал Протопопову, который сделает интересное пересечение отрогов Кех-таса.

Но плавание по Индигирке сулило много неожиданностей. Прежде всего, она оказалась рекой гораздо более мощной и быстрой, чем мы предполагали.

Как только мы выплыли из лабиринта островов, лежащих у устья Эльги, мы увидели реку шириной до 800 — 900 *м*, которая с островами, здесь обильными, достигала нередко 3 — 4 *км* ширины. И несмотря на такую ширину, вода мчалась со скоростью горной реки: в самых тихих местах не меньше 6 *км* в час, а на быстринах — до 12. Мне с моей легкой лодочкой было нетрудно переходить из протоки в протоку и приставать к утесам, но мои спутники скоро оказались в тяжелом положении: ветка с двумя бревнами — и так уже неуклюжее сооружение, а брезентовая лодка на буксире делала ее совершенно неповоротливой. И чтобы прегрести от одного берега к другому, им приходилось работать час или два, а за это время их уносило на много кило-

метров вниз. Поэтому нам сразу пришлось разделиться — я приставал к утесам, а грузовые суда (если так можно назвать лодочки в 10 ф. длины) ждали меня через каждые 10 — 20 *км*. На второй день, против Тарын-юряха, тяжелые лодки не успели попасть в ту протоку, куда я направился для осмотра утесов, — их унесло по одной из средних проток. Проехав километров 6 — 7, я выехал в сеть средних проток (всего в этом месте до 6 — 7 проток и прихотливая вязь островов) и не нашел никого. Пустынные

Лодки экспедиции на Индигирке у Нелькана.

острова, то голые, то покрытые тополями или лиственницей, и мутные серые протоки, торопливо стремящиеся мимо. Я начал останавливаться у нижнего конца островов и обходить их до изголовья, чтобы заглянуть в соседние протоки: подниматься в лодке по этой быстрине слишком долго. После часа бесплодных поисков, пускаюсь вниз с мрачной перспективой проблуждать в этом лабиринте несколько дней. А у меня только банка консервов и нет ни топора, ни ружья — лодка слишком мала, чтобы брать в нее лишний груз. Она вообще так мала, что, когда я лежу, мое тело ее заполняет, и так неустойчива, что обернуться назад в ней нельзя, можно только слегка повернуть голову. Чтобы посмотреть назад, надо повернуть всю лодку. Одиноко в такой скор-

лупе на большой реке, одному, повиснув между небом и землей; все время слышен шорох песка, которым поток бьет о лодку, и она жутко вздымается на плоских волнах стремнины и вертится в многочисленных водоворотах. Из всех рек, которые мне приходилось проплывать, Индигирка самая мрачная и жуткая по своей мощи и стремительности.

Проплыв еще несколько километров, вижу слабый дымок — моим спутникам удалось пристать в том месте, где сходятся, чтобы разойтись сейчас же снова, две самых больших протоки.

До Тарын-юряха мы плывем по долине в 4 — 5 *км* шириной среди плоско-волнистых гор в 500 — 600 *м* над рекой. У Тарын-юряха мы видим, что прав Черский, — Нелькан впадает отдельно и из маленькой долины, а долина Тарын-юряха велика. Майдель просто не понял Сарычева, которого он часто и неверно цитирует. И ошибочность его данных выявляется сейчас же еще более эффектно — у самого Нелькана на правом берегу вместо низменности, появляются громадные горы, с пятнами снега, высотой не менее, чем на 2 000 *м*. Мы изумлены, но Индигирка не оставляет времени на изумление и мчит все дальше и дальше.

Река все время идет на восток — от устья Эльги, вопреки карте, мы прошли уже больше 50 *км* к востоку, и понятно, почему через Тарын-юрях ездят в Оймекон; может быть, поэтому Черский поместил его выше по течению, чем Эльги.

Следующий день горы не становятся ниже; высокий хребет появляется и на левом берегу. У устья Неры направо — черные голые горы, не менее 2 500 *м* высоты с обильными снегами и сетью жил гранита, выступающих в виде зубчатых стен по гребням и вершинам. Это придает горам мрачный и фантастический вид.

Нера — в большой долине, не меньше Индигирки, в глубине которой, километрах в 50 на восток, также большие горы. За Нерой Индигирка сразу суживается, течение все более и более ускоряется. С обеих сторон большие утесы и горы, покрытые облаками (несколько дней идет дождь). Я нахожу интересные и разнообразные гранитные жилы и отстаю надолго. Темнеет — и все еще не видно лагеря. Наконец, в самом неподходящем месте, у крутого склона террасы, вижу свой грузовой транспорт — раньше не могли зацепиться, так несет река; на тот берег, где видно низкое место, нельзя и мечтать перебраться. Ставим палатку на узкой полосе галечника. К вечеру с ужасом убеждаемся,

что река необыкновенно быстро поднимается, вздуваясь от дождя. За час под'ем около 10 *см*, а до нашей палатки всего 75 *см*. Если пойдет не скорее, то мы успеем выспаться — перетаскивать палатку вверх, на откос, тяжело и не хочется. Но ночь проходит тревожно, я много раз выглядываю из палатки и вижу, что вода подымается с суровой точностью. В 6 часов утра приходится сняться, вся площадка залита и вода уже лижет вход в палатку.

Позже мы выяснили, что это не исключительный случай: в течение следующих 10 дней Индигирка еще раз поднялась за два дня на 2 метра и в три дня снова упала до прежнего уровня. Чудовищный под'ем при таких размерах реки.

Еще день бешеной скачки по реке — теперь на быстринах скорость доходит до 15 *км* в час — это без порогов и шивер, в свободном фарватере. Возле утесов уже плыть опасно — вода с силой бьет в них, от выступов идут гребни валов. Но мне надо держаться возле самых утесов, чтобы их осмотреть. Работа эта требует большого напряжения — нужно одновременно править лодкой, глядеть на утес, зарисовывать складки пластов, записывать, фотографировать. Как на зло, много интересных складок, а чуть положишь весло — ветку в водовороте поворачивает и наносит боком на вал под утесом. А если захлеснет — в этой скорлупе мне крышка. При этом стремительном движении вдоль утесов надо еще уловить момент, чтобы пристать — нельзя же проезжать мимо утеса, не осмотрев его. И вот, смотришь нет ли у подножья утеса камня, за которым тихо, и на всем скаку круто подворачиваешь к берегу: надо, чтобы нос лодки попал как раз за камень, иначе снесет, и на этот раз уже задом наперед. Однажды, завернув так «с самого боя» (как говорят на сибирских реках) в тихий затон, я не рассчитал движений — в ветке нужно быть эквилибристом, как на канате, — и лодка сразу легла на бок, зачерпнув воды до половины.

Со стороны такое плавание страшнее, чем на деле,—все время находишься в возбужденном и приподнятом состоянии, это увлекательная борьба. Особенно приятна быстрота передвижения: за день, осматривая все утесы и не гребя, я успеваю сделать 50 *км*.

К вечеру проплываем устье Ольчана, за ним утесы еще учащаются. Одна за другой три воющих и шипящих стены проносятся мимо, и вот четвертая — река в крутом повороте прямо мчит на отвесный утес, который острыми зубцами разрезает воду, ревущую и пенящуюся в больших валах. Работая изо всех сил, едва

ухожу от этого утеса, и не успевает мелькнуть мысль: «А что случилось здесь с грузовыми лодками» — как вижу их у берега.

Оказывается, опасаясь утеса, они свернули в протоку у берега между галечными отмелями, которая начиналась хорошо, а кончилась перекатом. Брезентовую лодку долго тащили по камням, и дно ее внушает опасение.

Становимся на ночлег, перевертываем лодку — действительно во внешнем брезенте дыра и надо наложить заплатку.

Утром, пока Конон латает лодку, решаем сходить на соседнюю гору, она кажется не больше 600 — 700 *м* над рекой, и с нее мы, может быть, увидим эту знаменитую низменность Майделя.

Ползем несколько часов, наконец, анероид показывает уже около 660 *м* над лагерем, а до вершины осталось больше половины. Сама вершина все время закрыта тучами, а склон, казавшийся нам снизу ровным, состоит из больших глыб песчаника, которые дальше превращаются в гигантские ступени. Очевидно, до обеда, как мы хотели, «сбегать» на эту гору не удастся. Грандиозный масштаб реки заставил нас преуменьшить высоту горы — на северном склоне ее видны пятна снега, и ясно, что высота ее не меньше 2 000 *м* абс. высоты или 1 500 *м* над рекой. Позже, издали, мы могли оценить относительную высоту отрога, на который мы взобрались, и проверить расчет высоты горы.

С высоты, на которой мы были, открывался достаточно обширный вид, чтобы можно было сказать, что низменностей и болот здесь никаких нет. Несколько цепей, из которых самая большая была скрыта в облаках к югу от Ольчана, пересекали реку. Все они шли в широтном или запад-северо-западном направлении, и Индигирка разрезала их по узкой долине, местами превращавшейся в настоящее ущелье. Особенно интересны были громадные террасы в долине Индигирки; я отметил не меньше 5 — 6, на высоте 10, 35, 100, 200, 300 и 350 метров. Эти террасы — ровные поверхности, указывают на то, что не так давно, в послетретичное время, вся эта горная страна была гораздо ниже, затем довольно быстро поднималась, а Индигирка в это время энергично прорезала свое ущелье. Остановки в этом размывании и отмечены террасами.

К полудню лодка починена и можно ехать дальше. Погода начинает проясняться, и мы спешим в Тюбелях, чтобы успеть сделать там астрономические определения до прихода каравана. Но вот беда, мы не знаем, где мы, может быть, мы уже незаметно

проплыли Тюбелях и скоро попадем в знаменитые пороги, которые где-то ниже? По карте Тюбелях на правом берегу, немного выше Ольчана, а большая река, которая впадала слева, ничем иным кроме Ольчана не может быть.

Вчера в лесу я увидал дымок и несколько пасущихся лошадей. Конон находит юрту, здесь живет семья якутов, но взрослые были на отдаленном покосе, и дома оставались дети, которые могли только рассказать, что до Тюбеляха еще далеко, и назвать впадающую рядом речку Тиряхтях. Повидимому, карта и здесь совершенно не верна.

Индигирка выше Тюбеляха. Терраса в 350 *м*.

На шестой день плавания река становится еще стремительнее. Пересечены еще несколько широтных цепей, несколько извилистых ущелий с отвесными стенами, и мы входим в небольшое расширение. Очевидно, сейчас будет Тюбелях. Вот еще утес — возле него река уже вся покрыта валами. Мне удается проскочить, разрезая волны, но неуклюжая ветка Салищева попадает в волну, и ее заливает до половины. Легкое предупреждение о близких порогах.

В просвете протоки левого берега мелькнули две юрты. Мы успеваем пристать только к островку и, перейдя его, видим за

протокой обширный луг, выбитый скотом, стадо черных с белыми пятнами коров и две юрты — зимнюю и летнюю, а вдали у гор маленькая часовня чернеет своим простым срубом. Возле юрт две женщины и ребятишки. С острова на берег не попасть, и Конон начинает кричать. Но за шумом ближайшей шиверы ничего не слышно. Приходится сплыть ниже острова, я плыву на ветке впереди и выбираю место для причала. У берега ветка задевает дном о скрытый в воде камень и резко наклоняется, но, привыкнув постоянно балансировать, я удерживаюсь. Не успеваю предупредить спутников, как десятикилометровым течением их наносит на тот же камень. Сцена, которая последовала, была чисто кинематографическая: лодка остановилась, и оба пассажира мгновенно и дружно вылетели в воду. Только на экране, в американских фильмах, я видел такую быстроту и отчетливость падений.

Оставляем Салищева сушиться и идем с Кононом к юртам. Нас встречают старуха и молодая якутка, красивая и на русский вкус. Она в длинной рубахе (типа сарафана), с талией на груди, яркие краски — блестящие черные глаза и волосы, яркие щеки, также блестящие: якутские женщины смазывают их маслом, и лицо приобретает отблеск фарфора, особенно если есть румянец.

Узнаем, что это юрта того самого якута, который привез для нас продукты — Дмитрия Старкова (до конца лета мы думали, что его зовут Пестряков — фамилию в местном произношении понять не так легко). Сейчас он уехал на лодке в Оймекон узнать, что делать дальше с нашим продовольствием — везти ли его в Чыбагалах или нет. Масло лежит у них в погребе, а мука сплавлена на 3 кöса вниз и лежит на правом берегу у дальнего Егора. Женщины не слыхали, чтобы была дорога в Чыбагалах по этому берегу. Ездят в Мому, — для этого переправляются на правый берег; можно ли попасть из Момы в Чыбагалах — также неизвестно. Женщины живут в этой узкой щели, между высокими хребтами, загораживающими солнце, и вне ее ничего не знают. Даже весь Тюбелях они не видали: старуха ездила однажды зимой за 3 кöса вниз, а дальше не знает ничего. Есть где-то внизу, в конце Тюбеляхской долины, в 5 кöсах, дальний Иван, который все знает и, может быть, расскажет про дороги.

Положение скверное — неужели нам совсем нельзя будет выбраться из этой дыры? А пока, где стать? Масло здесь, наш караван выйдет к Индигирке в одном кöсе ниже, по реке Иньяли, а мука в 3 кöсах ниже, да еще на том берегу. Хочу забрать масло

с собой; но если мы положим 6 пудов в наши лодки, они потонут на быстринах, которые становятся все грознее. Предлагаю старухе доставить масло на устье Иньяли к приходу каравана, но и здесь ряд препятствий: во-первых, из 6 пудов они полтора с'ели, и своего столько у них сейчас нет, надо собрать по другим юртам. Затем масло завернуто в шкуру, и если отвезти его на устье Иньяли, где нет погреба, оно потечет. Наконец, не на чем везти — лодку Мичика (Дмитрий) увел в Оймекон, лошадей нет дома, они бродят на Иньяли, а к тому же через Иньяли в брод не перейдешь — вздулась.

У меня прямо опускаются руки от такого обилия препятствий, но я строго-на-строго велю старухе изыскать средства для доставки масла через три дня на Иньяли. Нам готовят чай, но мы уходим на берег, где Салищев в одиночестве сушит брюки. Пока мы разводим костер, дочь Старкова — Тюбеляхская роза, как мы ее назвали, — приходит на берег, чтобы закончить переговоры о масле. Не вполне корректный вид Салищева не производит на нее большого впечатления, а ему приходится сделать вид, что его костюм самый принятый в Москве, и продолжать сушить брюки.

Через час приплываем к устью р. Иньяли. Против нее на правом берегу долина другой реки, Еченка, — обе мрачные, с громадными галечниками, заполняющими почти все дно долины. Крутые склоны, острые вершины, а вверх по Еченке снежный пик, повидимому, на 2 800 — 3 000 *м* высоты, судя по количеству снега. И на той и на другой речке — тарыны. Индигирка перед ними делает снова петлю между утесами.

У Иньяли на стрелке пришвартовываемся и идем в лес искать юрты: якуты редко ставят их на берег у реки. Опять находим только женщин — мужчины на покосе, на том берегу. В одной юрте нас угощают сливками — питье для почетных гостей. Но сведения еще сумбурнее: мука наша не у дальнего, а у ближнего Егора, и не на том берегу, а на этом. А дорог на Чыбагалах никаких нет.

Необходимо решить вопрос о месте для лагеря сейчас же, чтобы успеть сегодня начать астрономические наблюдения, и я выбираю Иньяли: здесь выйдет из гор караван и кроме того, если есть дорога на Чыбагалах левым берегом, то она, по-моему, должна отойти в сторону по большой долине Иньяли. Да и все равно, — мне сейчас никак не об'единить в одном месте муку от

дальнего Егора, масло, которому надо погреб, и Салищева, которому для наблюдений надо стать сейчас же: небо ясно, и он боится потерять ночь.

Выбираем уютное место на берегу, где прозрачная вода Иньяли оттесняет от берега мутную индигирскую. Мигом Конон срубает несколько деревьев, и площадка для наблюдений готова. Тяжелый двухпудовый штатив мы оставили в караване, чтобы не отягчать лодку, и для установки инструмента надо срубить дерево.

Как всегда, якутские ребятишки стоят кругом, разинув рты. Мы даем им сухарей, и они в восторге: мука здесь чрезвычайная редкость и стоит наверно больше 20 руб. пуд — едят ее только богачи.

Три следующих дня мы посвящаем приведению в порядок материалов — передвижение по Индигирке было столь стремительно, что некогда было перечерчивать и переписывать. Появляются наконец мужчины — хозяева ближних юрт и гости из более далеких. Несколько раз навещает нас богач Николай, очень вежливый и тонный человек: он в люстриновом пиджачке, аккуратных мягких сапогах — сарах, и белый платок, вместо того чтобы повязывать на голову от комаров, обвязывает вокруг шеи, как галстух. От него я узнаю много о дорогах, и он даже рисует и приносит мне две схематические карты местности. Сначала нас очень боятся — Тюбелях место удаленное на 400 — 500 километров даже от улусных (волостных) центров — Оймекона и Абыя, и здесь не твердо знают: что может и что не может себе позволить русский «улахан тойон» — большой начальник. Но после того как Конон несколько раз сходил в юрты попить чаю и покапсекать и все узнали, что мы даже платим мукой и прочими ценностями за работу, настроение изменилось. Здесь, в самом глухом и самом некультурном углу мира, отнеслись к нам с наибольшей сердечностью.

Сначала уверяли, что дороги по левому берегу в Чыбагалах нет. Надо переправиться на правый берег Индигирки, затем горами обойти страшные пороги в Момском хребте, выйти по Тиэхянюряху к Индигирке у устья Момы, снова переправиться через Индигирку и итти на Чыбагалах, к юрте трех братьев-якутов, которые там живут. Прямо вниз по Индигирке до устья Чыбагалаха — кёсов 14 (около 110 *км*), но пройти к нему никак невозможно: после тюбеляхского расширения, тянущегося еще на 5 кёсов, река вступает в ущелье до 9 кёсов длиной, которое никто

не проходил на лодках. Зимой только, когда замерзнет река, можно на оленях ездить прямо к устью Чыбагалаха.

Вместо остающихся до Чыбагалаха 110 верст надо в обход через Мому сделать до 350 и при этом дважды переправиться через Индигирку. Вот она — мчится перед палаткой, в лесу на том берегу едва различаешь деревья, — как тут, на ветках, мы будем перевозить 150 пудов и переправлять в быстрине наших измученных лошадей?

К счастью, Николай вспоминает, что есть дорога и по левому берегу, также в обход, также не то на 30, не то на 40 кёсов, без переправы через Индигирку, но зато с тяжелыми бродами, с перевалами, болотами. Он сам ездил по ней, но так давно, что не сможет провести. Вот через Мому — охотно.

Наконец приводят лохматого старца. Плоское лицо в морщинах — точь-в-точь оранг-утанг. И все ухватки обезьяньи. Когда он ходит, руки висят ниже колен. Бродит вокруг нашей палатки и длинной рукой берет топор, ружье, подносит к полуслепым от трахомы глазам-щелкам. Прилаживает к плечу, машет, совершенно как обезьяна в зоопарке, когда ей дадут палочку и она с каррикатурно-человеческими жестами рассматривает ее.

Этот старик Алексей, оказывается, 30 лет назад ездил в Чыбагалах, по другой дороге, чем Николай, немного восточнее, через реки Иньяли и Юрынью. Он берется провести нас. С трудом он вспоминает, как идет дорога, и с трудом отвечает. Но лучше такой проводник, чем переправа через Индигирку.

9 августа приезжает Мичика Старков. Это — человек из совсем другого теста. На вид невзрачный — треугольное сморщенное лицо, редкие черные волосы на подбородке (якуты выщипывают бороду), сгорблен. Но он — бесстрашный пионер, Колумб Индигирки. Он в два дня приехал из Оймекона — 400 километров в ветке, узнав, что мы проехали вниз. Он один из немногих гоняет плоты по Индигирке, он дальше всех проникал на лодке в страшное ущелье Момской цепи. Он первый в этом году поднялся на лодке от Тюбеляха до Оймекона — до сих пор плавали только вниз, или в пределах 30 — 50 километров. Надо видеть, как передвигаются якуты в лодках, и видеть Индигирку, чтобы оценить этот рекорд. Индигирская ветка, у которой для скорости хода дно закруглено, слишком вертка, чтобы можно было пихаться к ней стоя, шестом, как делают русские; и якуты пихаются двумя палочками, сидя, быстро-быстро перебирая ими.

*

Мичика сразу приводит в порядок все дела. Муку он перевезет на своей ветке на левый берег, верстах в 20 ниже, где ее возьмут наши лошади. Масло уже привезено в мохнатой черной коровьей шкуре. Обезьяноподобный старик получает отставку — он признается местным общественным мнением негодным как проводник: никто, кроме него, по Юрынье в Чыбагалах не ездит, и дорога эта чересчур тяжела. В утешенье он получает от Мичики несколько аршин ситца. Мичика ведет нас сам — сначала вверх по Иньяли

Стан в Тюбеляхе. Палатка русских рабочих.

18 кöсов, потом перевал на Мюреле, приток Чыбагалаха. Всего, к сожаленью, кöсов 45. Мичика обещает, пока мы будем вести разведку в Чыбагалахе, с'ездить к тунгусам и расспросить про дорогу: может быть, ему удастся обратно с верховьев Иньяли провести прямо на юг, на Эльги.

Мы расспрашиваем всех про знаменитое коровье вымя Николаева, но никто таких гор не видел, и Мичика насмешливо улыбается, несмотря на все почтение ко мне. Про якута Ивана, живущего на Чыбагалахе, они не знают — там есть три брата, но зовут их иначе.

10 августа около полудня появляется караван. Уже накануне я получил письмо от Протопопова и в общих чертах знаю

события. Лошади имеют очень унылый вид, хотя семь или восемь штук идут порожние. Особенно жалостно смотреть на коня № 16, он, вытянув шею, спотыкаясь, тянется за другой лошадью. Вчера этот конь выбился совершенно из сил и не мог встать. Сегодня утром его насильно подняли и протащили 15 *км* до Индигирки. Как только останавливается караван, он немедленно падает.

Я внимательно осматриваю лошадей при встрече — у многих торчат ребра и таз; необходим отдых, иначе мы не дойдем.

Стан в Тюбеляхе. Палатка якутов.

Есть и серьезный ущерб в людском составе: в первый же день Петр, нагибаясь к ручью зачерпнуть воды, вывихнул или вытянул себе ногу. Вот уже девять дней его поднимают на лошадь. Тяжелый удар для разведочной партии — из четырех русских рабочих, которые в нее входили, Алексей сразу вышел из строя, теперь Петр, остаются два. Якуты как горнорабочие в счет не идут, они слишком слабосильны.

Все наперерыв рассказывают о пройденном пути, о приключениях. Те многочисленные горные цепи, мимо которых мы пролетели по Индигирке со скоростью товарного поезда — караван должен был одолеть собственными ногами. Снова каменистые под'емы, перевалы до 1 600 *м*, а по рекам галечники, на которых

лошади сбивают ноги, болота, тяжелые броды, особенно последний, через Иньяли. Зато путешественники были вознаграждены обширными панорамами хребтов — Протопопов также намечает ряд параллельных цепей, тянувшихся на ЗСЗ. Им удалось увидать где-то на СЗ громадную вершину, покрытую мощным покровом снегов, может быть, превышающую 3 000 *м*.

Геология не так интересна — таких разрезов, как на Индигирке, там нет. Но ясные следы оледенения обнаружены по Артык-юряху вблизи Эльги и вблизи Иньяли.

На устьи Иньяли мне удалось найти морены, следовательно, здесь ледники еще ниже, чем в Верхоянском хребте, всего 400 *м* над уровнем моря.

Особенно много рассказов о проводнике, Петре Слепцове, который держал себя так важно на Эльги. Вначале, пока шли несколько кёсов по долине Эльги, каравану пришлось ночевать дважды в этой долине — дальше, по уверению Петра, не было ни кормов ни, о ужас, даже воды (это — среди болот). Зато по соседству с лагерем всегда оказывалась юрта дяди или брата проводника, куда он уезжал пить чай. Дальше, где кончились дяди и тети, пошло хуже — Петр не знал ни кормов, ни тропы. К счастью, нагнали попутчики — несколько якутов, и прежде чем ответить на расспросы, Петр всегда удалялся для консультации. Но коммерческий дух в нем от этого конфуза ни капли не умалился — по приезде в Тюбелях он пред'явил мне требование: заплатить 30 рублей за лошадь, которую он нанял для себя у попутчиков, потому-де, что наши лошади сильно устали. Но в караване семь порожних лошадей, и начальнику каравана Протопопову никто даже не заикнулся об этой операции, и я непреклонен. Ясно, что это новый гениальный способ эксплуатации. Петр наконец просит хотя бы десять рублей, «чтобы не было стыдно перед товарищами», но не получает и этого. С мрачным видом он начинает конопатить свою ветку — он выехал на нашей лошади, чтобы обратно, по примеру Мичики, пойти в лодке, забрав свой гонорар — муку. Но то, что делает Мичика, не всякий может, и, поглядев на воющую Индигирку, Петр, в конце концов, бросает лодку, нанимает лошадь и едет обратно через горы.

После однодневного отдыха — легкая экспедиция за мукой вниз по Индигирке. Отряжается 5 рабочих и 20 более крепких лошадей. Одновременно мы с Протопоповым поедем по реке. Надо посмотреть утесы, насколько возможно дальше, и увидать хотя

бы начало знаменитых порогов. По рассказам Мичики, ущелье Индигирки в порогах узко и извилисто, так что вода должна с громадной силой ударять в утесы. Берегов, к которым можно было бы пристать, там совсем нет — горы обрываются утесами или крутыми каменными скатами. Никто из якутов не решался пускаться в ущелье, но есть предание, что 200 лет назад партия из семи казаков и якутов пыталась спуститься по порогам. Лодка была разбита, и из всех спасся только один, который

Индигирка ниже Тюбеляха.

выплыл на обломках. В его честь правый приток Индигирки выше Момы назван Тиэхян-юрях.

Сам Мичика доходил до начала ущелья, а зимой проезжал его на оленях. Ветер в ущельи так силен, что сдувает снег со льда, а оленей с нартой по гладкому льду наносит на утесы.

У нас только моя ветка, поднимающая одного человека. Мы привязываем к ее бортам два бревна; они под лодкой соединены для прочности поперечинами. Так лодка годится для двоих, но тяжела при управлении: на ветке можно легко и быстро пересекать реку, итти вверх, вниз, куда угодно, а теперь, отяжеленная, она похожа на плот.

Результат нашей поездки сомнителен — кто знает, может быть нас утащит в пороги, и тогда в лучшем случае мы про-

мчимся до Момы. И я оставляю приказ по экспедиции, в котором, на случай исчезновения нас обоих, назначаю Салищева начальником экспедиции и предлагаю караван вести обратно в Якутск, заботясь, главным образом, о сохранности людей и коллекций.

Несмотря на такие мрачные письменные упражнения, выезжаем в самом лучшем настроении. Индигирка снова мчит нас, первое расширение Тюбеляха быстро кончается — налево остаются юрты Николая и Порфирия, бывшего момского священника, а теперь торговца и предпринимателя. Ущелье, в нем ширина реки не более 300 *м*. Направо узкая долина реки Хатыс-юрях, по ней в перспективе вдали снежные пики и к югу и к северу — этак на 2 000 — 3 000 *м*. Некоторые вз'ерошены скалами — это наверно граниты.

Вылетаем во второе расширение. Впереди серо-розовая гранитная цепь, голой спиной своей преграждающая путь. Индигирка бросается влево и 25 километров обходит на запад; здесь, как будто собравшись с силами, прорезает цепь. Но сейчас мы ущелья не видим, цепь кажется монолитной, тянется на запад до горизонта. На ее хребте — пики и зубцы, в их седловины с северной стороны забирается снег.

Снова начинаются острова. Первая петля — река подходит к правому берегу. Внезапно между галечниками мы видим ряды высоких скачущих гребней. Они в соседней протоке, мы отделены узким галечным островком, но протоки сейчас сойдутся. Тщетно стараемся отгрестись, течение мчит нас как поезд, а под островом валы занимают всю реку. Первый же вал наполняет нашу лодку до половины, второй превращает ее в подводную. Благодаря бревнам она нас держит, мы сидим по пояс в воде, но от лодки видны только кончики кормы и носа. Первое ощущение — холода и изумления. Нас продолжают обдавать встречные валы. Гребем к правому берегу — слева все еще валы, но подлая лодка под водой двигается как черепаха. Между тем нас тащит вниз, ко второй части порога, где от утеса идет ряд новых валов.

Напряженно гребя, нам удается за несколько метров до нижних валов пристать к утесу. Выливаем воду из лодки — для этого у нас складное брезентовое ведро, — из сапог, из штанов, из карманов, — всюду полно. Считаем потери — компас вымыло водой со дна лодки, куда его клали для удобства с'емки. Больше ничего серьезного.

Осматриваю утес — обнажение № 216, и готовимся к пла-

ванию: снимаем сапоги, вешаем пояса с записными книжками, аппаратом и пр. на шею. Теперь можно тонуть! Со слабой надеждой выгрести влево, за валы, пускаемся в путь. Но, конечно, посудина наша слишком тяжела. Первая гряда валов, несмотря на то, что лодка направлена по всем правилам, в разрез вала, для нас губительна.

Снова по грудь под водой, и на этот раз хуже: здесь водовороты, и лодку под водой так накреняет, что мы вот-вот вывалимся.

У порогов Индигирки после крушения. (С. Обручев.)

Опять к берегу — опять отливать воду. Второй раз это совсем забавно, тем более что у нас две плавательные подушки с брезентовой лодки.

Но это происшествие показывает, что пускаться с таким судном в большие пороги бессмысленно. Потерпеть крушение на пороге, вернее на шивере, которую в настоящей лодке можно проехать шутя, просто обидно.

Садимся в лодку и гребем к левому берегу — надо найти место, куда перевезли муку. В ветке ползет вдоль берега навстречу якут и машет нам рукой, это он возил муку; штабели ее на берегу. Как приятно видеть эти кучи — пятнадцать мешков ржаной, пшеничной, крупчатки. Это — обеспеченная осень и часть зимы. Теперь во всяком случае не умрем с голода, даже если застрянем.

У муки на яру вывешен головной платок Мичики — приметный знак для каравана. Вскоре приходит и сам хозяин. Узнав, что мы едем дальше к порогам, Мичика хочет ехать с нами, повидимому, считая своим долгом уберечь нас от опасностей. Я ему показываю, что лодка его не поднимет, тогда он берет сухое дерево и подсовывает под середину лодки — получается нечто вроде водяных качелей: настолько неустойчива лодка. Но Мичика неумолим, и садится в лодку, с ним не сговоришься при моем мизерном запасе якутских слов. Мы принуждены ехать с ним, но, к счастью, приезжают лошади, посланные за мукой, и через Конона удается умолить Мичику пустить нас одних.

До ущелья река течет в расширении и имеет с островами до 3 — 4 *км* ширины. Много проток, самые большие до километра. Индигирка, несмотря на острова, не теряет своей силы, все время течение 10 — 15 *км* в час. Она даже, как будто предчувствуя тесноту ущелья, тяжко дышит — есть места на быстринах, где вздымаются плоские волны, нечто вроде мертвой зыби, в полметра вышиной. Жуткая река, в особенности жутко на ней в хрупкой ветке. Колоссальные размеры реки и окружающих гор, бешеный бег воды, грозное шуршание под лодкой — все это подавляет. Никогда ни на каких порогах Ангары или Средней Тунгуски не было у меня такого ощущения, что я стою лицом к лицу с неизбежным, с роком.

Только к вечеру достигаем конца расширения. Направо мелькнула юрта дальнего Ивана, «который все знает», налево две пустые юрты. Останавливаемся у последней. Дальше река делает петлю в высокой террасе, слева непрерывная стена утесов, поверхность реки бурлит — это еще не порог, но вероятно нам не удастся задержаться там в нашей лодке. Километрах в 5 начинается ущелье. Это действительно узкая, извилистая щель, мы видим только ее начало. Гранитная цепь достигает не меньше 2 500 *м*, высота Индигирки над уровнем моря — около 400 *м*, значит стенки ущелья около двух километров вышины. От юрты видно, что они круты и совершенно голы — красно-серые гранитные скаты.

Пороги, которые я видел на сибирских реках, всегда можно было предварительно осмотреть. Остановишь перед незнакомым порогом лодку, проберешься по берегу, осмотришь, где «бережные ворота», где «главное жерло», где «переборы» камней, где ходят в «подпорожице» большие «толкачи», которых надо избегать, и потом уже смело пускаешься в путь. Пороги Индигирки по опас-

ности несравнимы — где тут, в этой узкой трубе, где мчится огромная масса воды, останавливаться и ходить вперед по утесам. Раз попав в ущелье, исследователь обречен пролететь в несколько часов все 75 *км* до Чыбагалаха со скоростью не меньше 15 *км*, а может быть и больше. Возможно, что в ущельи нет даже камней, преграждающих фарватер, но одни удары этой массы воды на поворотах должна разбить о скалы всякую лодку. Во всяком случае исследование ущелья Индигирки дело очень сложное. Начать его надо зимой, на оленях, потом уже перейти к лодкам.

Надо думать, что пороги всегда останутся препятствием для судоходства и разделят Индигирку на два плеса с разным режимом. В 1926 г. Дальгосторг завез, еще зимнем путем на оленях, 2 400 п. товара из Охотска через Оймекон до Момы и построил там два павозка. Весной они отплыли вниз и благополучно дошли до селенья Русское Устье, расположенного в дельте Индигирки. Один только павозок, попавший в глухую протоку, вынужден был выгрузить 500 пудов из 1 200, которые на нем были, чтобы затянуться обратно. Выйдя в реку, павозок из-за быстроты течения не мог уже остановиться, и 500 пудов остались лежать до зимы. Этот первый опыт плавания по Индигирке показывает, что можно будет установить правильное судоходство в нижнем ее течении. Академия наук в ближайшие годы предполагает провести гидрографическое обследование реки.

Нам очень хотелось осмотреть начало ущелья, но приходилось быть благоразумными. Был поздний вечер, и экскурсию в ущелье можно было выполнить только завтра и затратить на это целый день. А потеря дня, когда сегодня уже 12 августа, и до Чыбагалаха еще 350 километров, недопустима: разведка важнее туристических прогулок. К тому же, я велел Якову с верховыми лошадьми ждать нас у мучного склада только до полудня завтрашнего дня, а туда еще 25 километров пешком.

С тяжелым сердцем решаем ночевать в последней юрте. Это зимняя юрта, сейчас в ней никого нет. Находим медный сломанный чайник и устраиваем его над камином (с собой мы ничего не брали, кроме брезентового ведра, чтобы не потопить). Только что мы с наслаждением начинаем сушиться перед огнем, как приходит молодой якут. Я об'ясняю ему, что мы приехали осмотреть ущелье, ночуем в его юрте, и как гостинец «кэси» я отдаю ему лодку. Он, радостно сияя, об'ясняет нам, что в юрте ночевать нельзя — много блох, «былахы», — и показывает, как они скачут.

Действительно, я вглядываюсь и вижу, как по земляному полу со всех сторон скачут блохи, взбираются по сапогам, по одежде, в таком количестве, что становится страшно. После выезда якутов в летнюю юрту, блохи развились в пыли из яиц и теперь жаждут в первый раз в жизни закусить.

Опрометью выскакиваем из юрты и раскладываем костер во дворе. Прежде всего надо очиститься от блох, «поискаться». Якут уходит, и мы производим ревизию своих владений. В погребе находим туяс сметаны, превосходное дополнение к нашим сухарям. В амбарчике — кучу оленьих шкур и две оленьих парки (тулупа). Прямо счастье — после дневного купанья августовский вечер на 65 параллели прохладен, и приятно понежиться у костра в мягкой парке. Солнце зашло, и причудливый гребень гранитной цепи вырезывается черной массой на светлом небе.

На ночь залезаем в амбарчик и зарываемся в шкуры. Завтра нам предстоит неприятная прогулка — без дороги по тайге. Выходим рано по мокрой траве. Навстречу попадает якут с двумя мальчиками, идущие на покос. Изумление на их лицах, несмотря на все восточное спокойствие, неописуемо. Если бы они встретили привидение, они не были бы больше изумлены. Традиционное «капсе»; спрашиваю их о дороге, затем они, в свою очередь, хотят узнать все подробности. Но в ответ холодное «толкуй сох» (не понимаю), и мы уходим. От обиды они не в силах ничего сказать. Подумайте сами — встретить у порогов Индигирки русских и не поговорить с ними толком. О чем же потом рассказывать в продолжение 20 лет? Ведь все летоисчисление Тюбеляха будет теперь вестись от нашей экспедиции: «Это было через год после экспедиции!»

Путь до наших лошадей дается нам тяжело. Всякий, кто ходил в тайге, знает, что пройти 25 километров без дороги не весело. Или вы идете по мху — и нога вязнет в нем, или по болоту — и тоже вязнет. Или, наконец, идете по горелому месту — и тогда еще хуже: ежеминутно надо перелезать через упавшие деревья. К концу дня штаны у вас висят в клочьях, а правую ногу невозможно поднять. По берегу Индигирки итти нельзя — утесы, и вот мы ползем вверх, переваливаем несколько долин, снова взбираемся. К концу дня трудно сделать лишний шаг и, встретив каньон ручья в галечниках, глубиной метров в 15, мы уже не в силах обойти его, выбираем рытвину поотложе и спускаемся по ней на спине, в облаке пыли и в лавине гальки. Затем вползаем

по крутому обрыву, едва держась на руках, лишь бы не обходить кругом.

К вечеру только достигаем юрт и покосов. Как приятно итти по тропинке, где не надо поднимать ноги!

Яков (или Якóп по-якутски), к счастью, догадался ждать нас до темноты. С ним лошади, и в сумах — консервы и сухари (у нас давно все с'едено). Устраиваем пир — в брезентовом ведре грязная вода из Индигирки, в ковше сухарные крошки с консервами.

Темнеет, но надо ехать к лагерю: если я не приеду сегодня, то потеряется еще день. До темноты проезжаем несколько юрт нижнего расширения Тюбеляха; в них оживление, женщины и девушки доят коров; Яков вытаскивает желтый бумажный головной платок («плат») с гроздями винограда, который он выпросил у меня, и повязывает голову: кокетливый убор для молодого джентльмена. Девицы с восхищением глядят на него: здесь он совсем не выглядит таким увальнем, как в Якутске, он строен и ловок.

Тут же бродит табун лошадей, и жеребец, жирный, с хвостом до земли, подбегает к нам и следит, раздув ноздри, не будет ли какого ущерба его кобылам.

От юрт дорога поднимается сразу на 400 метров, на древнюю террасу; внизу вдоль Индигирки утесы. Темно. Глубоко внизу блестят плеса Индигирки, за ними гряды гор, еще более высокие ночью. Мы пересекаем несколько крутых лощин, приходится спешиваться на спуске и под'еме. Моя нога, разбитая на Томпо, дает себя знать после дня ходьбы, и я снова прыгаю, как кенгуру. За юртой Николая дорога опять лезет на террасу, в обход обрывов, и спускается по рытвине в утесе. Спуск почти винтовой, нехватает только другой поверхности, лошади с'езжают на заду. Интересно, как здесь спустился сегодня наш караван с мукой?

Дальше — по низу, по лугам, рысью. Ночи уже темные и хорошо вызвездило. Приятная прохлада; завернувшись в бурки, которые привез Яков, мы наслаждаемся отдыхом после утомительного дня. Около часу ночи приезжаем в лагерь. Густая похлебка и радостное изумление спутников служат нам наградой.

VI. ЧЕРЕЗ АЛЬПИЙСКИЕ ХРЕБТЫ

Мы так спешили,
Что на Иньяли
Коней и камни —
Всё побросали.

(„Песнь о платине".)

Еще два дня мы проводим в Тюбеляхе — никак не успеют починить сенные потники (бото), и Мичика не готов. Опять целые стога сена, и из них Афанасий шьет новые бото — старые, после двух месяцев пути, висят лохмотьями. Старого сена нет, есть только свежее — и в пути кони об'едят потники; Афанасию приходится исхищряться: он кладет начинку из свежего сена, а кругом обшивает остатками старых бото. Еще незадача — нет шпагата для шитья бото: я не рассчитывал, что они потребуют столько перешивок, и взял шпагата, по-моему, столько, чтобы хватило на две нормальных экспедиции. Но мы, как Робинзоны, обстригаем хвосты и гривы у лошадей и даем якуткам сучить волосяные нитки. Они делают это очень забавно: задирают юбку и, хладнокровно обнажив ногу, сучат веревочку руками на голом колене.

Лагерь наш эти два дня являет оживление необыкновенное: надо перевешать и затюковать муку, проверить все тюки и перераспределить их — иначе всю дорогу будут ссоры, чей вьюк тяжелее. На фотографиях видна отчасти эта картина лагеря — в духе Теньера: в середине развешали и аккуратно перевязали боковики с мукой, левее русские рабочие куют лошадей; последние подковы, которые у нас остались, надо распределить так, чтобы наибольшее число коней дошло до Чыбагалаха.

За палаткой лежит конь № 16, он не вставал с того дня, как пришел. Рядом с ним поставили котел с водой и положили сено, но он так устал, что с трудом поднимает голову, чтобы есть, и сено вываливается у него изо рта. Чтобы не пропадало даром

добро, с него ободрали подковы. Он так и пролежал до нашего от'езда, и пришлось поручить его заботам местных якутов, с тем что, если он выздоровеет, они выгонят его к устью Эльги. Лишь за полчаса до выступления, увидав как вьючат коней, он собрал все силы и убрался в кусты, и придя его сфотографировать (поучительный документ для актовой книги), я нашел только загаженное сено.

Якуты у своего костра расправляются с бычком. Мы сменяли его на муку; бычок привязан к дереву, и сейчас его убьют по-якутскому способу ударом обуха в лоб. Александр, которому, как первому силачу, поручено это дело, с грубой грацией размахивается топором, и вдруг бычок, вместо того чтобы умереть, обрывает ремень и убегает. Погоня по кустам, крики — в конце концов бычку не избежать своей участи.

Петр сидит у костра и что-то чинит, он не может принять участия в общем оживлении из-за больной ноги. Я предлагаю ему остаться в Тюбеляхе, с тем что на обратном пути мы пришлем за ним, но он ни за что не хочет: «Я здесь умру от тоски среди азиатов». В особенности пугает его судьба коня № 16 — ведь в начале экспедиции погиб один конь и отстал один человек (Алексея русские считают умершим, и Михаил все время видит мрачные сны); и теперь гибнет еще конь: лучше перехитрить судьбу и уехать. Приходится согласиться — это по крайней мере избавит от заезда в Тюбелях и развязывает руки в отношении маршрута.

Чтобы не возвращаться в Тюбелях, я стараюсь уничтожить часть вьюков — это позволит нам увезти побольше муки. Прежде всего жертвой падает брезентовая лодка — она вряд ли больше понадобится, а это целый большой несуразный вьюк. Кроме того, в ней столько полезного для нас, в особенности брезенты и веревки. И при радостном участии всего лагеря я уничтожаю лодку. Все получают по кусочку — Александр делает из толстой смоленой веревки семерню (подбрюшник для вьюка), из капковой обшивки — подушку на седло; такие же подушки получают Афанасий и Яков. Из той же обшивки делают мягкие потники для тяжелых ящиков. Из внутреннего брезента шьют мешки для сухарей и коллекций, внешние просмоленные брезенты идут на вьюки; плавательные подушки, которые мы брали с собой в пороги и которые я тащил на себе целый день — не пропадать же добру, — потрошим, из чехлов Чернов делает капюшон, а капкой (из набивки) перекладываем в сумах консервы, чтобы выбросить

тяжелые консервные ящики. Крючки прячем для зимней одежды, от деревянной решетки отдираем брезентовые полосы — на подбрюшники; обдираем даже кожу с весельных ручек — если прибавить консервную банку, то выходят превосходные футляры для ножей. Кажется, нет человека и лошади в караване, которые не получили бы кусочка лодки, — и целый вьюк исчезает. Остаются только металлические части, но их Конон хочет сменять у якутов.

Конон сияет — он когда-то был торговцем, торговал по Верхоянскому тракту, — и сейчас чувствует себя как рыба в воде. Он меняет все, что можно ликвидировать, — испорченный чайник, запасные стремена, остатки подковных гвоздей. В обмен мы получаем шкуры оленей (для подкладки под потники — спины многих лошадей в ужасном состоянии, и мягкая шкурка оленя убережет от дальнейшего стирания). За чайник приносят чашку сливок — Тюбелях по сравнению с Оймеконом богат молоком, сливки здесь не редкость, и Мичика легко собирает с'еденные его семьей полтора пуда масла.

Трудно с ремнями — их много уничтожено: постоянно какая-нибудь лошадь в связке обрывает повод — затянется за лесину или испугается, или упадет в болоте, — слышны яростные ругательства, и ремень рвется. Иногда в опасном месте приходится даже разрезать повод или подбрюшник. Мы имели около километра веревок и ремней, но сейчас нужно еще и еще. В Тюбеляхе удается купить только 30 аршин, да и то по рублю за аршин. Поэтому страшная коровья шкура, в которой привезли масло (оно перелито в бидоны), разрезается на черные мохнатые ремни — они послужат короткое время, пока не засохнут.

В нашей части лагеря, у реки, кроме научной работы, — практические уроки стирки. Делятся своими достижениями — кто белье вываривает в ведре (потом в нем сварят суп, но это ничего), кто просто полощет в Индигирке. Деревья украшены рубахами и кальсонами. Проветриваются постели, просушиваются и смазываются сапоги.

Из Тюбеляха я отправляю еще одно письмо в Оймекон нарсудье Богатыреву. Можно почти наверно сказать, что в Якутск мы не выберемся, и я прошу заготовить нам оленей и теплое платье. Обещаю быть к Покрову. Два молодых якута, очень чисто и складно одетых, увозят письмо.

16 августа приезжает Мичика. Он на жирном, толстопузом коне. Якуты отличают семь степеней жирности коней — высшая

степень, когда на спине слой жира в два пальца. Конь Мичики относится к этой степени. Якуты пускают лошадей на долгие сроки в луга, чтобы потом на такой жирной лошади сделать короткий и быстрый переезд с тяжелым вьюком, доведя лошадь почти до истощения к концу четырех-пяти недель. Дольшего срока не выдержат и копыта — собьются. Чтобы такая жирная лошадь не опилась и не задохлась, ее перед поездкой выдерживают день-два-три без корма. Мичика держит своего коня на привязи, первые

Тарын в низовьях Иньяли.

три дня «кормит у столба», как смеются русские, и отпускает лишь под утро на два часа пощипать травы.

У якутов есть даже правило — прежде чем пробовать молодого коня, выдерживать его у столба столько суток, сколько ему трав (лет).

Такая система очень ценна для мест со скудным кормом, или для зимних перегонов. Сарычев описывает, как перед верховым переходом от Алдана в Оймекон его коней выдерживали 4 дня без корма и в дороге первое время почти не пускали выкапывать траву из-под снега.

Якуты очень удивлены, как наши кони идут два месяца, — при их системе за это время кони давно бы погибли. Особенно поражают их подковы; это первый раз, что на Индигирке видят кован-

ных коней. Но я удовлетворен — только благодаря подковам мы дошли так далеко; с насмешливой улыбкой гляжу, как даже якутские рабочие — непримиримые противники подков — сами подтягивают ослабевший гвоздь. Каждый начинает дрожать за своего коня — запас подков кончился, ибо из-за всеобщего противоподковного хора я не решился взять больше одного вьюка подков.

Перед от'ездом я пытаюсь нанять нескольких лошадей, или обменять нескольких более слабых из наших. Но все тюбеляхцы в один голос говорят: «У меня нет коня». «А чьи же табуны бродят по Иньяли?» — «Это не кони — жеребята, кобылы, жеребцы!» На них в Якутии не ездят, чтобы не портить породы. Жеребцы к тому же скорее истощаются, а кобыл берегут на мясо — любимое лакомство.

16 августа уходим вверх по долине Иньяли прямо на запад. Долина — с широким плоским дном, покрытым то галечниками, то обширными тарынами, то лесами или лугами с обильной голубикой. Склоны круты — это опять ледниковая долина с заполненным речными отложениями дном, но горы гораздо острее, чем в Верхоянском хребте. Они напоминают гнезда термитов — группы острых конусов. Кое-где проглядывают гранитные массивы.

С первого же дня выясняется, что лошади далеко не те, что прежде. Карька и Пегашка Александра падают во всех бадаранах. На второй день бродим несколько раз через Иньяли, и на первом же броду Пегашка падает. Груз (мука) — в воде. К счастью, коню удается встать. 3-й брод глубокий — Мичика переезжает его туда и обратно, но ясно, что вьюки подмочим. Поэтому лезем на гранитные осыпи левого берега. Лошади скользят на глыбах гранита и падают.

Каждый день я отмечаю в журнале: «Лошадь № 1 сильно захромала и с трудом дошла до стоянки». «Лошадь № 5 сильно захромала и освобождена от груза». Что-то будет! Подков нет и «заводных» (запасных) лошадей также.

18 августа долина Иньяли делится на две — с юга большой приток Силяп. За ним, южнее, громадная гранитная Силяпская цепь, метров до 3 000 высоты со снегами. Между Силяпом и Иньяли на стрелке — огромная изолированная вершина со сплошной шапкой снега — та, которую Протопопов видел еще с юга. Отсюда она кажется конусом. Это гора Чён.

19 августа стоим против горы Чён. Утром не могут доискаться трех лошадей. К 11 часам двух находим за тарыном, куда они убе-

жали назад по пройденной дороге в поисках за более вкусным кормом. Но все еще нет Карьки Александра — лошади угрюмого нрава, которая прячется всегда одна в кусты. Я начинаю уже подумывать, не бросить ли ее совсем — ценность ее, похожего на скелет, тела со сбитыми копытами, при вредных отшельнических привычках становится сомнительной. Только к 4 часам, после того как все окрестности исхожены, все углы осмотрены с крепкой руганью по адресу «лешевой скотины» — Яков с торжеством выводит ее из сухого русла, куда она, вопреки всякому здравому смыслу и собственным сбитым копытам, запряталась под кусты.

Тарын на Иньяли выше Силяпа.

Драгоценный день потерян. Выступать сегодня нельзя — следующий корм в 3 кёсах. Лошади простояли весь день привязанные, а мы — без дела, в ожидании, что вот-вот найдется Карька. А напротив за рекой — Чён, можно было исследовать его подножье. Отсюда видно, что он состоит из гранита, кругом красный контактовый пояс, дальше черные сланцевые горы. С Чёна длинные языки снега спускаются в узкие ущелья, загроможденные моренами. Мичика рассказывает, что раз он, в погоне за горными баранами, поднимался на Чён — шел туда целые сутки, дошел до снега. Видел в ущельях ледники — поэтому гора и названа Чён (чён — лед в углах юрты, скопляющийся зимой под нарами). Новый соблазн — пойти убедиться в существовании ледников, но приходится отказаться от этой, важной для географии экскурсии, — кто знает, сколько еще препятствий впереди.

*

20 августа из узкой долины нижней Иньяли переходим в громадное расширение ее верховьев. Горы отступают, на севере серый гранитный массив Такыньи с зубчатым гребнем, на восток уходит обширная равнина Иньяли и ее притока Нянкачана, с юга — все тот же Чён. Отсюда он совсем другой — целый снежный гребень, с главной вершиной на западе. По склону к нам идет

Гора Чён с северо-востока.

свежая ледниковая впадина — как будто висячий ледник, ее создавший, вчера только растаял. Всю равнину, в которой мы стоим, наполняли когда-то ледники — одни спускались с Чёна, другие — с массива Такыньи и, сливаясь, они стеснялись в узкую долину Иньяли. У входа в нее — срединный гребень, нунатак.

Салищев со стоянки определяет высоту Чёна (при помощи круга Репсольда) — около 3 100 *м*. Мы в восторге — никто из географов не предполагал, что в Северной Сибири есть такие высокие горы.

Два следующих дня идем на восток по моренам северного края долины, все время в виду Чёна — от него никак не уйдешь. Морены бесконечными холмами заливают все подножие массива Такыньи и поднимаются до высоты 400 *м* над дном долины — настолько она

была заполнена льдом. Сам массив, голый и розово-серый, высится гладкими склонами над этим кудрявым полем. Вокруг утесов — бурокрасное кольцо контактовых пород — огненный пояс.

Каждый день я отстаю на обнажениях и потом нахожу дорогу по следам. Теперь тропа через Верхоянский хребет кажется мне трактом — здешняя тропа не более чем след. На моренах еще хуже — камни, сухой мох, и копыто не оставляет следа, но я приобрел большой опыт; кроме того, мой конь — настоящий профес-

Гранитный массив Такыныи и морены.

сор-следопыт. Когда мне нужно следить за обнажениями и некогда высматривать следы, конь сам находит дорогу, даже на моренах. Почти всегда безошибочно решает, куда итти, и редко приходится его направлять; в этих случаях он очень конфузится. Зато как он торжествует, если я ошибся и приходится возвращаться туда, куда он тянул. Он насмешливо косит глазом и двигает обрезанным ухом. Наверно для него я — самонадеянный мальчишка. Ведь его возраст — 15 лет — возраст седовласого старца.

22 августа достигаем прекрасных зеленых лугов в верховьях Иньяли. Лес уже только по краю долины, редкий и кривой; недалеко граница леса. Мы подошли к Чыстому Типкер-молота (молота̀ по-тунгусски — то же, что Чыстай). Здесь пройдем еще раз, если пойдем обратно прямым путем на устье Эльги.

Несколько лошадей в ужасном состоянии: они ходят на трех ногах, задрав заднюю, сбитую. Ясно, что не только до Чыбагалаха, но даже через перевал, который предстоит нам завтра, они не пройдут. И сколько еще охромеет завтра, послезавтра? Единственное средство — оставить здесь часть груза и наиболее слабых лошадей. К нашему возвращению они могут поправиться.

Караван у моренного озера в верховьях Иньяли. Моренные валы.

На каменной россыпи (чтоб не захватил лесной пожар) у леса строим маленький амбар — сруб в 2 *м* длины и ширины. Снизу — пол, чтобы не пролезли хищники, сверху — брезент от дождя, накат и камни — от медведей. От людей охранять не надо — здесь не принято воровать. Отбираем все, что не понадобится в течение месяца: часть муки и масла, крупы и консервов. А также все тюки с коллекциями. Страшно бросить их среди гор, но кто не рискует — тот не выигрывает.

Немного дальше оставляем на лугах трех лошадей — Карьку Александра, милиционного коня (вот судьба!) и злую белоглазую лошадь. Они имеют забавный вид, пасясь на трех ногах.

По Иньяли мы видим опять эти оригинальные ледниковые валы вдоль долины — они иногда идут в два ряда, а за их грядой маленькая речка. К югу от Иньяли, между ней и Нянкачаном, большая снежная группа с острыми вершинами. В верховьях Иньяли рельеф меняется — поверхность гор ровная; повидимому, мы подошли к западному краю Кех-таса, где сохранилась почти равнина, поднятая взбросами на высоту в 2 000 — 3 000 *м*.

Под'ем на перевал в бассейн Мюреле (приток Чыбагалаха) тяжел и каменист. Снова лошади сбивают ноги. Теперь каждый

Постройка амбара в верховьях Иньяли.

жадно смотрит на мох, не найдется ли потерянная подкова, чтобы можно было отсрочить гибель своего коня, — а как вначале смеялись якуты, когда я соскакивал с седла в болотах Томпо, чтобы подобрать подкову. Когда мимо проходит караван, я с трепетом смотрю на ноги — у кого еще свалились подковы и кто начинает хромать. Яков всегда с радостным лицом первый сообщает: «начальник боккот нет!»

Перевал на высоте более 1 400 *м* — болотистые луга на седловине. Снова снежные цепи — на востоке и западе, на юге панорама мрачной группы Нянкачана. На севере, в дымке, какой-то новый хребет. Когда же они кончатся? Впрочем, виноват, на северо-западе видна если не равнина, то ровный край плато, высо-

кого, лежащего выше линии леса, но совершенно ровного, — это, очевидно, начало огромной Верхоянской впадины. Значит, цепи, открытые нами, упираются на западе в это плато, и водораздел между Яной и Индигиркой лежит значительно ниже, чем гребни цепей по Индигирке и вблизи нее, — знаменательное открытие, к которому мы еще вернемся.

Спуск по Буркату мрачен. Слева скат гранитного массива, покрытый лишаями, с нависшей волной снега вверху, справа — буро-красные утесы контактовой зоны. По речке итти нельзя — несколько ущелий, тропка карабкается на склоны. Круто спускается долина Бурката со свежими следами ледника. Но вот поворот и за ущельем видны палатки. Все лошади прошли благополучно.

Еще день спуска по Буркату, еще конь, скачущий на трех ногах, на этот раз верховой конь Чернова (его можно видеть на фотографии). Это превосходный городской конь, купленный у скопцов, который в Якутске возбуждал восхищение: «до того жирный, что на спине жолоб», но сейчас он отощал невероятно.

По Буркату выходим на Мюреле. Это самый крупный приток Чыбагалаха, берущий начало на краю Верхоянской впадины, следовательно выходящий верховьями за западные концы цепей.

При спуске встречаем первого человека, после 200 километров пути: на Буркате стоит чум тунгуса. У него всего только семь оленей и столько же членов семьи. Кроме того, две или три собаки. Он с сыном приезжает к нам в гости в долину Мюреле, где мы стали.

Они верхом на оленях, согнувшись в комок, на передних лопатках; у оленя маленькое седло, в виде двух подушечек, лежит прямо на лопатках, и стремян нет. С жадным любопытством рассматривают они все кругом: наш приезд для них как паденье метеорита: они в первый раз видят русских. Тунгус-отец только раз в жизни ездил зимой в Оймекон и кроме маленького кусочка верховьев Мюреле ничего не знает. Чтобы назвать соседнюю речку, ему нужно долго и напряженно думать, — видимо разговор на такие сложные темы для него тяжел. У него к тому же «язык в роте не помещается», и только при помощи Мичики мне удается установить список верхних притоков Мюреле, носящих странные имена Дитя, Дядя и пр. Мичика уже привык, что я настойчиво расспрашиваю обо всех притоках по порядку — и даже без побу-

дительного вопроса «онтон хас кöге» (оттуда сколько кöсов) — перечисляет притоки и расстояния.

Я не оставляю надежды узнать о прямой дороге с верховьев Чыбагалаха на Томпо, по которой нам рекомендовал итти Харитонов, но очевидно она принадлежит к мифам: по мере того как мы идем, Чыбагалах все дальше отодвигается на север. Тунгус даже не слыхал про Чыбагалах, и на вопрос «куда же впадает Мюреле» — растерянно моргает глазами. Мичика насмешливо

Р. Буркат и хребет за Мюреле. Хромающая лошадь на трех ногах.

улыбается — действительно, его географические познания для здешних мест колоссальны — Индигирка от Оймекона до Абыя, и на запад до Верхоянска и реки Нельгехе, куда он ездил зимой.

Но в познаниях Мичики неожиданно оказывается пробел — он дальше дороги не знает. В Чыбагалах он заезжал снизу от Момы, и на Мюреле никогда не был. Но это его не смущает: как не доехать, если есть след — «суол»! От его храбрости мне делается немного жутко: итти с караваном из сорока истощенных и хромых лошадей — это не то, что проехать налегке на свежей и жирной лошади. Конь Чернова уже лежит в кустах, не в силах встать.

«Сколько до Чыбагалаха?» — «Кösов 20, может и больше». — «Пройдем ли по Мюреле — говорят, очень тяжелые броды?» — «Что же, обойдем как-нибудь». Вообще, ничего страшного нет.

А страшное все-таки видно. Ущелье Мюреле — самое суровое из всех виденных нами до сих пор. За рекой высится новая цепь — гранитная, с рядами страшных башен и зубьев. Я стараюсь между ними узнать «коровье вымя», дойдем же мы до него наконец? Но формы слишком остры — это не вымя, а по крайней мере рога.

Долина Хадбадала.

В десятке километров ниже, Мюреле принимает справа не менее мрачный приток Хадбадал: галечники между утесами, в глубине видны черные пики. А дальше поворот влево, и река врезается в гранитную цепь. Поверхность ее повидимому почти ровна, это остатки почти-равнины, превращенной в высокое плато, и лишь у долины реки граниты изрезаны эрозией в мрачные зубы, напоминающие доломиты Тироля. Плато это, вышиной больше полутора километров над рекой, обрывается отвесными стенами — сейчас идут дожди и с них скатываются узкие водопады. Ниже — осыпи гранита, кое-где покрытые лесом. Река с обширными галечниками и тарынами. Над этой глубокой и мрачной щелью нависли тучи, иногда открываются сквозь них зубцы утесов.

Внизу ползет наш измученный караван — по гранитным осыпям лошади итти не могут, и тропа то-и-дело выходит на галечники, по которым то одна, то другая лошадь скачет на трех ногах. Тропы собственно нет, просто Мичика ведет нас по вдохновению. Чтоб избежать утесов, приходится бродить много раз. Река становится все многоводнее и бурнее. С гранитного плато спускаются крутые потоки, состоящие больше из светлых глыб гра-

Пики на р. Мюреле ниже Хадбадала.

нита, чем из воды. Один поток особенно хорош — он идет в узкой щели, засыпанной глыбами гранита величиной в дом. Мутно-зеленая вода его бурлит между гранитами, и с трудом можно заставить лошадь итти в брод. Прямо из его устья Мичика ведет караван в брод через пенящуюся Мюреле — по левому берегу пути нет.

В ночь на 25 августа в горах выпал снег. У нас начинаются дожди. 26 августа находим в долине большой луг и оставляем на нем еще двух хромых лошадей. Едва освобожденные от седел, они начинают жадно есть траву, стоя на трех ногах. Седла и потники вешаем рядом на дерево, на манер надгробных памятников.

Проходим большой тарын в устьи Оньола — каньон этой реки выходит из гранитов слева. Я доказываю Мичике, что по карте,

которую мне дал в Тюбеляхе Николай, дорога уходит с Мюреле именно по Оньолу, и что пора уходить — броды становятся слишком глубоки. Но Мичика улыбается: «Здесь самые большие горы», и ведет нас бродить еще два раза через Мюреле. На втором броду последних лошадей в связках уже сносит.

Но сегодня нам не суждено уйти далеко — конь № 23, «Старый Серко» Петра, начинает ложиться под вьюком где попало. Наконец, он больше не может встать — у него распух живот, и

Тяжелый брод через Мюреле.

он катается по земле. Стоим кружком возле него, глядя с унынием — третий потерянный конь за сегодняшний день. Снимаем с него вьюк, седло опять вешаем на дерево и оставляем пока. Вечером за ним едут, и я наказываю: если сдох, отодрать подковы. Петр возмущен: «Неужели он себе подков не заслужил своей работой». Приходится прочесть лекцию об общественной пользе. Но покойник, как оказалось, воскрес и даже убежал в горы.

27 августа — последний день по Мюреле. С утра, для начала, захромали еще два коня. Мы вступаем в область моренных валов — узкая долина занята гребнями морен с глыбами гранита. Между ними болота, довольно скверные. Ослабевшие кони исправно в них тонут. Подходим к месту, где по мнению Мичики должен быть брод; но здесь пасует и Мичика и даже не пробует брода —

серозеленые валы широкой реки не обещают ничего хорошего. Пробираемся дальше по левому берегу у подножья осыпей, которые здесь спускаются в реку. За ними — опять морены и болота. Наконец, с перевала через морены видим, что дальше река идет в узком сером ущельи и по левому берегу не проберешься. Смотрю на Мичику — он спокойно поворачивает в горы: есть след. До об'яснений он редко снисходит в пути.

Действительно, гранитное плато, сквозь которое мы шли по каньону Мюреле целых 70 *км,* кончается. В понижающихся горах есть лазейка-седловина, через которую можно спастись из мрачной долины, настоящей долины смерти.

Но и спасение это стоит недешево — мы поднимается на перевал по древней морене, потоку гранитных глыб, покрытых мохом и жидким лесом. По обычаю этих мест — легкое болото поверх камней. Лошади проваливаются через мох и попадают ногами в щели между камнями. Теперь падают не только Пегашка Александра — тот прямо не встает, но и многие лошади, которые считались вполне надежными.

С трудом к темноте достигаем перевала. Далеко ли корм, — Мичика конечно не знает, приходится стать здесь же на перевале, на болоте, в котором свободны от воды только каменные плеши.

Семьдесят километров каньона Мюреле останутся долго памятны и людям и лошадям. Мрачная красота его почти не задержала внимания, оно все уделено было заботам о караване.

С перевала видны на севере снова гребни гор — до самого горизонта, но уже не снежные и не такие страшные, как пройденная цепь. Мичика показывает на самую дальнюю: «Вот эти горы за Чыбагалахом». Но как-то не верится: неужели Чыбагалах в самом деле существует?

28 августа утро начинается уже вошедшим в привычку развлечением: спуск по таким же покрытым мохом глыбам, как и вчера. Пегашка падает и не может больше встать, и когда его поднимают, падает снова. Измученный Александр хочет его бросить: «Зачем мучить скотину», но мне удается заставить его встать. С него снимают вьюк, дальше он пойдет порожнем. Скотина действительно имеет ужасный вид — по хребту совсем нет мускулов, впавшие щели между костями крестца и таза, на спине четыре раны.

Через два километра вступаем в долину Нокöна (как мы узнали

позже). Это небольшая, но веселая река, скачущая по гранитным глыбам и пенящаяся, — для городского жителя сравним с шампанским; классическое лермонтовское сравнение (несколько неверное с точки зрения зоологии): «Терек прыгает, как львица, с косматой гривой на хребте». Мичика храбро в'езжает в это шампанское — его конь все еще толст и крепок, — но нашим оно не

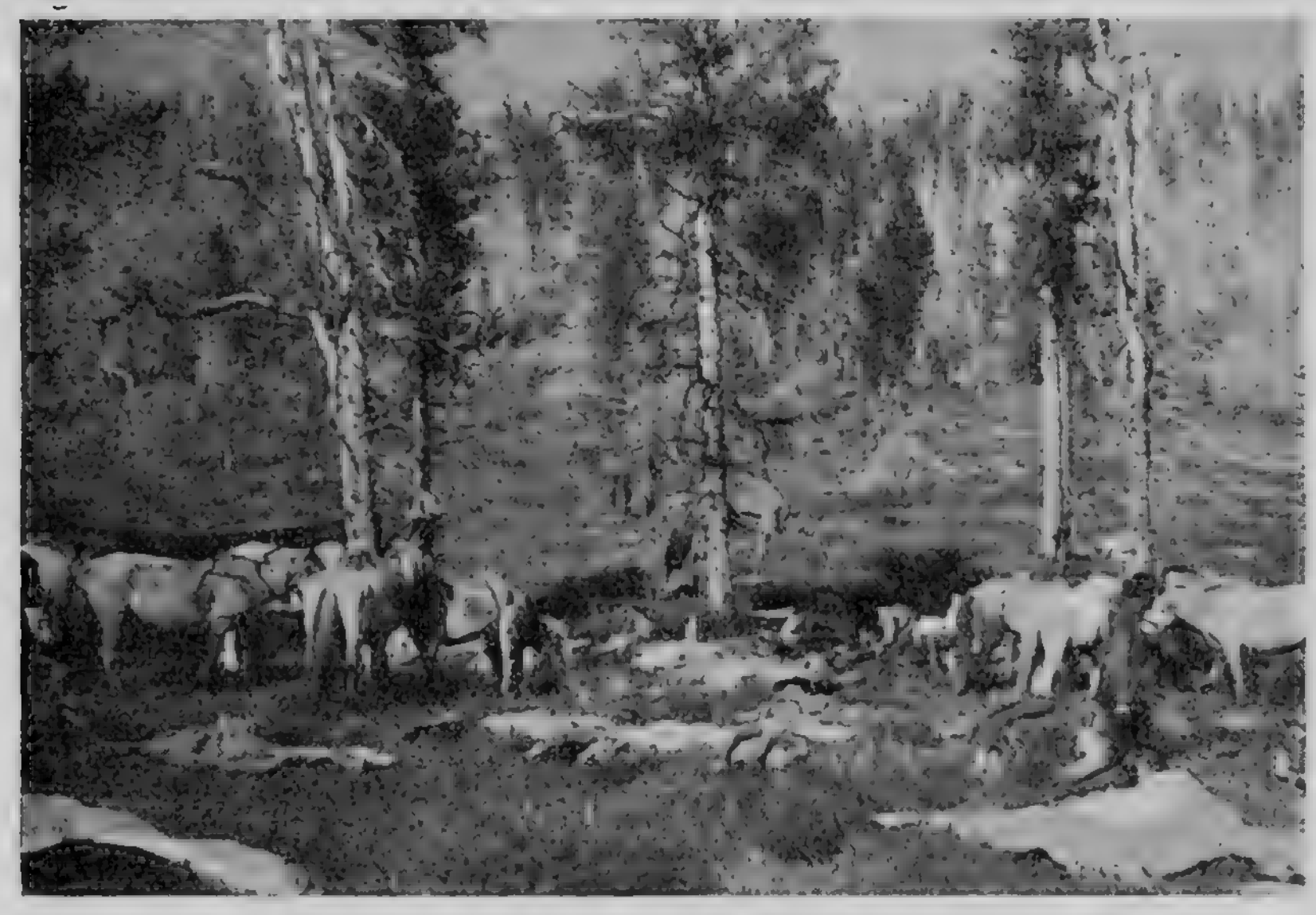
Брод через Нокён.

по вкусу. Злая Рыжка Иннокентия, давно забывшая, как она бросалась на людей, била их копытами в грудь и кусала, падает в потоке. На ней в привьючке пудовый мешок с коллекциями, вода подхватывает его и уносит (в двойном брезентовом мешке много воздуха). Чернов храбро бросается в воду и спасает драгоценный груз; мне остается лишь фотографировать, хотя несколько поздно.

Еще два брода через шампанское Нокёна, и опять перевал, через боковой отрог; затем вместе с мохом крутого склона мы сползаем снова в тот же Нокён. Чудесная лощина, вся покрытая густой травой, раскидистые лиственницы у потока, и мы останавливаемся кормить лошадей, хотя прошли только 12 километров: ночью на болоте они вряд ли много поели.

29 августа — опять прочь от Нёкона и сразу круто вверх

по голой сланцевой горе. Богородица не может подняться на перевал, все время ложится, в глазах у нее крупные слезы, она очень исхудала и сбила ногу. По ночам она боится отойти от палаток и с грустным видом щиплет траву между кострами. Чего ей страшно, непонятно: волки здесь редки, да и нападают только на оленей. Ее всем жалко, и легкий вьюк, который она несла, переходит на других лошадей.



Привал на Нокöне.

С утра идет без вьюка еще желтый с полосатыми ногами конь — у него в паху большая рана: вероятно напоролся ночью в болоте на сук.

С перевала видно низовье Мюреле и ее устье, — Чыбагалах делается осязаем. Горы низкие и плоские, широкая долина Мюреле окаймлена плоской грядой морен.

Еще десяток километров по болотам какой-то речки, впадающей в Мюреле, и лес пересекает самая настоящая тропинка, врезанная в траве. Тропинка в болоте, ее углубление наполнено водой, но все же по ней можно итти. Она сразу уводит нас влево от Мюреле наискось через горы. Эта тропа к юрте трех полумифических братьев, живущих на Чыбагалахе; по ней ездят на Мюреле ловить рыбу. Но до Чыбагалаха дойдем только завтра, — еще одна стоянка у болот.

Утром не терпится выступить, но некоторые лошади нашли в себе еще силы куда-то убежать. Долго по лесу слышны перекликающиеся голоса: «Конохо-о-ой! Нокенте-е-ей! Кону-у-ун!»

Около полудня с плато правого берега видим наконец Чыбагалах: в 250 метрах под нами он пересекает долину, подмывает утесы, бурлит; эта река не меньше Мюреле (в голове мысль: «каков-то брод»). Прямо под нами расширение, с лугами, и в нем у реки (это замечаешь прежде всего) — группа юрт, скот, изгороди.

За Чыбагалахом — горы, отличные от пройденных. Те были однообразны — или гранитные цепи, или серые острые группы. Здесь — острые, вз'ерошенные группы разноцветных и разно-

Стан на р. Чыбагалах.

форменных гор — конических и плоских, черных, зеленых, белых, розовых, яркокрасных. Уже издали опытный глаз может различить какие-то новые, незнакомые горные породы, и я радуюсь заранее интересной и обильной жатве. Последние три дня дали уже много нового после бесконечного однообразия триаса, тянувшегося начиная с Теберденя.

Направо, к Индигирке уходит в плоских горах долина Чыбагалаха — гранитная Момская цепь осталась южнее; можно различить край ущелья Индигирки в этой цепи. За Индигиркой к северо-востоку еще какой-то хребет, более низкий.

На западе мне, как всегда, чудится что-то похожее на коровье вымя!

Спускаемся к юртам, разбиваем палатки. Лошади привязаны все в ряд у изгороди; теперь их только 37, но ряд голов все еще внушителен. Чувствуют ли они, что теперь можно сказать «Ныне отпущаеши»?

Вечером рабочие получают полторы бутылки спирта. И стоит праздновать! Ведь сюда думали попасть через месяц — и шли два с половиной; предполагалось 700 — 800 *км*, а прошли 1 500; ожидали низменности, а пересекли столько хребтов, что им потерян счет. Что бы ни предстояло впереди, цель достигнута, и мы доказали, что до Чыбагалаха можно дойти, не меняя ни разу лошадей и потеряв только 18% их состава.

VII. В ПОИСКАХ КОРОВЬЕГО ВЫМЕНИ

Коровье вымя
Нам обещали...

(„Песнь о платине".)

Напрасно вчера я предлагал лошадям говорить «Ныне отпущаеши», — возможно, что, узнав сегодняшние новости, они начали бы выражаться далеко не библейскими словами.

Вчера братьев-якутов Сорокоумовых не было дома, сегодня два из них явились с рыбалки, и я устроил им и их женам, сестре и и матери подробный допрос. Первое сведение, которое они сообщили, было ошеломляюще: мы еще не дошли до места: в 1922 г. они жили не здесь, а в 12 кёсах (96 *км*) выше по Чыбагалаху. В той юрте и был у них Николаев.

Значит, еще несколько дней поисков, а сегодня уже 1-е сентября! Мичика заявил, что, если мы хотим выбраться из гор на наших лошадях, надо уходить отсюда не позже 15 сентября.

Все, что мы услышали дальше, совершенно отличалось от показаний Николаева: приехал он не в августе, а в сентябре; не втроем, а впятером, с небольшим отрядом. Юрты якута Ивана на Чыбагалахе нет — братьев зовут Сергей, Гаврила и Егор. С верховьев Чыбагалаха Николаеву привели не ламута Никульчана, а Афанасия, и вел тот их не до Момы, а всего лишь 2 — 3 кёса, потом вел ламут Осип, потом до Момы — ламут Григорий.

Это сразу разрушало живописный рассказ Николаева о том, как старый ламут возил его туда и обратно по горам. Все эти ламуты — не старики, и возвращались сразу домой, и одни.

Остальное все в том же роде. Кажется, нет ни одного слова в рассказе Николаева, которое соответствовало бы действительности. Особенно важно, что нет такой реки, которая бы текла параллельно Чыбагалаху в небольшом расстоянии от него и по которой на 60 *км* шла бы дорога в Мому по совершенно безлесной местности.

На вопросы о коровьем вымени якуты смеются — и мы также.

После долгих расспросов, выяснив все притоки Чыбагалаха, все пути с него в Мому, мы определяем, что на той дороге, где ехал Николаев, только речка Талынья может подходить, — она единственная, текущая некоторое время параллельно Чыбагалаху.

Решаем итти на Талынью и начинать разведку с нее, а там видно будет.

Сложная задача — отобрать коней для поездки. Нужно только 16 лошадей, у юрт останутся для наблюдений Салищев, всё еще хромой Петр, старик Афанасий, весь груз. Нужно взять только крепких коней, с целыми ногами, и каждый рабочий пытается доказать, что в его связке все кони нуждаются в отдыхе. Сразу решается судьба Пегашки и Богородицы — их я продаю, благо Сорокоумовы и Мичика дают хорошую цену: кони здесь дороги. Остальных пускаем на луга — до 15 сентября.

Выступление назначено на 12 часов дня 1 сентября, но Гаврила Сорокоумов, нанятый как проводник, не может поймать коня. Я нанял Гаврилу с двумя конями (это всё — цена Пегашки), — один ловится сразу, но другой, толщины необ'ятной, хитро ускользает. Его весь день ловят два брата, и двое наших, но он дико носится по лесам и иногда с развевающейся гривой и раздувающимися ноздрями вылетает к юртам. В ожидании делаем экскурсию по Чыбагалаху вниз и в красное ущелье, где какой-то момский житель поставил заявку не то на краску, не то на золото.

3 сентября снова ловят жирного коня; в 11 часов я теряю терпение и велю выступать: пускай его приведут потом. Но как только мы отходим от юрт, раздаются дикие крики: конь пойман. Раз под седлом, он оказывается смирным и послушным. Это старый конь с хорошим ходом; одышка у него как у заправского толстяка. Мичика едет с нами — он отправился пока что в верховья Чыбагалаха торговать с тунгусами и заодно расспросить о прямой дороге к верховьям Томпо.

Выступление веселое — цель близка, она совершенно реальна, тут, в 10 кёсах. Особенно довольны рабочие, у каждого вместо связки из пяти коней, цепляющейся за деревья, одна лошадь.

У Конона нет лошади с хронометрами, — на которые надо все время оглядываться, не задели ли за дерево. Яков избавился от ненавистных красных ящиков с научными инструментами, которые изводили его своим весом; даже белый конь, который «красный джасык таскай», остался на Мюреле.

Первая часть долины Чыбагалаха, до устья Талыньи, врезана в ложе древнего ледника. Маленькие ущелья, пороги, а выше юрт река врезается большим ущельем в горы левого берега, делая в них петлю. Красивые белые утесы блестящих на солнце слюдистых сланцев. К северу вдоль реки несколько групп черных крутых массивов.

Мы переваливаем через плато, в обход ущелья, и спускаемся к моренному озерку. Вокруг него багрянокрасный луг — это заросли полярной березки в осеннем ее уборе. Дальше лимонная оторочка леса — лиственницы тоже уже желтеют, а вдали острая снежная вершина, отражающаяся в холодной воде.

Вскоре брод через Чыбагалах, неприятный. Река вся в гранитных глыбах, надо пробираться между ними. Брод наискось, в очень широком месте. В конце, у левого берега, несколько лошадей — и моя в том числе — попадают в глубокие ямы и плывут. Все мокро — бр. . .! Сейчас не лето.

На второй день подходим к устью Талыньи. От нее долина Чыбагалаха становится широкой и плоской — такой же ледниковый резервуар, как в верховьях Иньяли. А на юг от нее — то самое гранитное плато, которое мы пересекали по Мюреле. Отсюда оно внушительно, а особенно величественно со склона северных гор. Плато тянется километров на 70 — 100 вдоль Чыбагалаха, до горизонта. Оно сплошь покрыто снегом — не только вершины, как в Силяпской цепи, но даже глубокие седловины. Ряд долин врезается в это плато мрачными ущельями, в их верховьях цирки с бороздами карров, глубокие снежные языки. Выдающихся вершин и пиков мало, это одна страшная снежная глыба на сотню верст.

Ледников не видно, и Гаврила не знает, есть ли они. Он менее любознателен, чем Мичика, и на мой вопрос: «Был ли он в этих горах» — отвечает: «Зачем туда ездить?».

По Талынье доходим почти до границы леса, и здесь становимся на террасе, на краю долины. Хорошее место для разведки и еще более для фотографий: вдали панорама снежной цепи, ближе, на Талынье, острый порфировый конус — остатки вулканических излияний, для первого плана — палатка или речка.

Поперек долины задается первая линия шурфов. Пробивать их трудно — много гранитных валунов, а вскоре показывается вечная мерзлота, которую надо разбивать клиньями. Из наших рабочих только Михаил — горнорабочий с большим стажем, но

он занят устройством бутары. Остальные новички в горном деле. Якуты с комическим страхом бьют балдой по клину, и тот, кто держит клин, старается, и не без основания, держаться подальше: неровен час, стукнут по руке или голове. Вскоре придумали даже особую держалку для клина. Александр ворочает как медведь, и если бы все были такие, за семь остающихся дней можно было бы сделать вдвое больше.

Я в это время занимаюсь звездными экскурсиями во все стороны, в обществе Гаврилы, на его толстом коне (чтобы дать отдых своим). Сначала вверх по Талынье — действительно, она дальше

Разведка на Талынье.

безлесна, но идет не на 60 *км*, а всего на 40. К тому же, как оказалось, момская дорога по Талынье идет всего 2 *км* — она приходит сюда по речке Таме и почти сейчас же уходит по Лянгчану. На устьи последнего — живописное ущелье, вернее щель, — Лянгчан отрезает склон горы, обегая морену. Не это ли и есть ущелье Николаева, ниже которого платина? Мы решаем вторую линию шурфов провести под этим ущельем, чтобы захватить выносы и Талыньи и Лянгчана. Сюда переносится стан, а я уезжаю с Гаврилой вверх по Лянгчану — исследовать всю момскую дорогу в пределах безлесной области (Чыстого).

Лянгчан вскоре также кончается, и с него переваливаем через низкие и узкие ворота, вырезанные в склоне долины, в Ольчан.

С перевала чудесный вид — на первом плане, конечно, озерко, дальше, за серозеленой долиной Ольчана, новая цепь: пестрая, вся бугроватая, в шишках и остриях, со снегами.

Ольчан впадает в Чималгу, последняя в Сюрюктях — вот где эта таинственная река, столько лет портившая карты. Она — не больше Чыбагалаха и течет широтно, а не меридионально. Река Арга — тоже есть, но это отдельная река, небольшая, и впадает в Индигирку против Момы (Арга — значит западная). Об Арге

Бутара.

слышали Врангель и Сарычев; о Сюрюктяхе — Майдель. Последний решил, что можно слить их вместе, — как он пишет: «возможно, что она идентична с Сюрыктахом».

Спускаемся в Ольчан — унылые, безлесные места. Дальше момская дорога уходит вверх по Ольчану, но Гаврила уговаривает меня поехать на юг: по момской дороге на 5 кёсов нет леса. Смотрю гальку — Ольчан выносит настолько новые и разнообразные породы, что я решаю итти вверх по нему. Гаврила едет с кислым лицом и время от времени стонет: «Ханна хонобыт» (где будем ночевать!).

Ольчан сходится своими верховьями с Чималгой, и дорога уводит туда. Места гнусные — плоская продольная долина перед пестрой цепью, сплошь покрытая кочковатым болотом, — таков перевал. Мой толстый конь тяжело проваливается, вздыхает, сопит. Впереди Чималга круто поворачивает в пеструю цепь и разрезает ее глубоким ущельем. За ним видна еще одна цепь — острая как пила, черная, со снегами. Кажется, не будет им конца — я уже на полярном круге, осталось всего 100 — 150 *км* до колымского тракта и пройдено горами больше 1 100 *км*.

Вечер, до леса еще 2 кöса. Надо ночевать. На счастье по речке есть кустики полярной ивы — талагà, — и между ними площадки травы. Хватит для двух чайников и двух коней. Мы собираем сучья ивы — горит она скверно, греет плохо, но чайник поспел. Я угощаю Гаврилу консервами, он меня маслом. Потом сидим у огня. Все мои разговорные ресурсы исчерпаны — я спросил о расстояниях и дорогах во все стороны. Остается последнее развлечение: Гаврила рассматривает этикетку от консервов, на ней изображены головы коровы и странных незнакомых животных — барана и свиньи (баран, сибинья). Он долго вертит красную бумажку. Консервы обернуты в листок из «Нивы»; на нем военная сцена — конная атака. Ее тоже долго можно рассматривать.

Ночь провожу по классическому способу — завернувшись в бурку. Под головой, конечно, седло.

Утром на рассвете ухожу в пеструю цепь. Идет снег, горы окутаны туманом. В черном ущелье скользко и холодно, но геологическое строение настолько интересно (юная вулканическая свита), что я увлекаюсь и возвращаюсь только через пять часов с двумя пудами камней.

Нужно возвращаться, а было бы интересно проехать вниз по Чималге. Здесь, неподалеку, было становище ламутов, в котором Николаев будто бы оставил переводчика, заметая следы к платине, а на самом деле лишь менял проводников, Осипа на Григория.

Обратно тем же путем, и к ночи на стан. Подводим итоги моей конной разведки: дорога на Мому идет действительно около 6 кöсов (45 *км*) по безлесному пространству, но не по одной реке, как говорил Николаев, а по пяти: 2 *км* по Талынье, 10 *км* вверх по Лянгчану, 3 *км* вниз к Ольчану, 1 *км* вниз по правой вершине Ольчана, 10 *км* вверх по его левой вершине, 4 *км* перевал к Чималге, 15 *км* вниз по Чималге до леса. От всех рассказов Николаева

остается только эта длина безлесного пространства. Если считать, что месторождения Николаева нужно искать ниже ущелья, то на Ольчане можно найти на обеих вершинах узкие места с утесами, а ниже река подмывает то правый, то левый берег.

Обстоятельство, говорящее в пользу перенесения разведки на Ольчан, — это породы пестрой цепи: там есть мощные жилы диабаза, которые могут содержать платину.

Неудивительно, что Николаеву запомнилось отсутствие леса

Михаил промывает на лотке.

на дороге. Егор Сорокоумов, третий брат, который только что приехал к нам, рассказывает, что Николаева от них везли на нарте (выпал уже снег). А когда спишь, завернувшись в шубу, на нарте, и олени бегут хорошо, то мало что запомнишь. Ехали они к тому же ночью, Николаев наверно проснулся у красных утесов на Ольчане — и запомнил их.

Егор, старший брат, на вид суровый. Он приехал с чрезвычайно срочным поручением от Мичики: тот на летовке тунгусов Табына, в верховьях Чыбагалаха, узнал, что в 17 кёсах отсюда в бассейне Яны есть необыкновенная красная земля. Он предла-

гает мне немедленно ехать туда, а Егору уплатить 25 руб. за доставку известия.

Новый трюк в стиле Петра Слепцова. А я считал Мичику благородным Колумбом! Егор ничуть не поражен моим холодным отказом, — что ж делать, сорвалось, — и едет дальше, куда-то об'егоривать тунгусов. Якутская пословица ведь говорит: «Якут не стыдится, собака не давится».

Днем у нас еще посетитель — сначала за горой слышится жалобное блеяние, потом к палаткам выбегает молодой горный баран и, глядя на нас, спрашивает о чем-то спешном. Он серо-коричневый, брюшко белое, рога только начинают отрастать. Протопопов поспешно хватает винтовку — и раз-раз — выпускает всю обойму. Баран с необыкновенным изяществом взлетает прямо по крутому склону. Протопопов, как рьяный охотник, не может себе простить промаха, тоскует, проверяет винтовку — действительно, за два месяца, что ее везли на седле, ей свернули прицел, и она бьет на аршин вбок.

Здесь не мало горных баранов (чубука), всюду в горах их следы, тропинки по откосам, и нередко в долинах черепа с рогами — трофеи тунгусов. Тунгусы подкарауливают баранов и стреляют их из ружья, а еще охотнее — настораживают лук на их тропинках, и неосторожный баран сам спускает в себя стрелу. Этим же способом здесь ловят и диких оленей, и зайцев.

Тунгусам нужно мясо и шкуры баранов, рога они бросают. Но в Европе рога горного барана — почетный трофей, и несколько знатных охотников ездили за ними в Монгольский Алтай. В Верхоянский хребет также забирался один предприимчивый лорд — он охотился где-то по Верхоянскому тракту.

10-го мы едем на один день к Ольчану — вести там продолжительную разведку трудно: нет корма и топлива. С собой берем насос и бутару. Бутара очень изящно сделана Михаилом из одного вьючного ящика и лиственничных досок. Песок и галька поступают в ящик, промываются здесь на грохоте — железный лист с дырами — затем мелкий материал сносится по корыту, где и оседает шлих и благородные металлы. Чтоб лучше удержать платину, в корыте положено сукно; остатки песков доводятся на лотке.

Бутара работает быстро — только успевают подавать ведра с песком. Весело качает насос — непрерывная струя сносит песок, скребет лопата по грохоту, выбрасывая гальку. Это не то что Николаев с его лотком, который он, как рассказывал, сделал на

Ольчане: это в безлесном-то месте! За эти дни промыли 3 тонны песков — и ни крупинки платины.

На Ольчане ставили разведку ниже слияния вершин, чтобы уловить все струи. Проводим канаву поперек русла, промываем полторы тонны гальки — ничего! А Николаев на лотке намывал из 100 пудов 7 золотников платины!

Дело ясно. На этом месторождении, которое на плане Николаева отмечено крестом, надо поставить крест. И мы действи-

Переезд разведочной партии на Ольчан.

тельно его ставим, закопав в могилу насос и кайлы и воткнув над ними, как надгробие, раму насоса. Насос — пять пудов, полный вьюк, где нам взять лошадь для него? Когда надо выбирать между железом и мукой, конечно, возьмешь муку.

После погребенья насоса разведочная партия в полном составе мчится во весь опор на Талынью — все чувствуют, что экспедиция действительно отсюда начала обратный путь.

В начале разведки мы имели в виду, если будут хоть какие-либо намеки на возможность находки платины, оставить здесь разведочную партию, выделить ей лошадей, которых она могла бы с'есть или променять у момских якутов на мясо и ездовых оленей. Проработав два-три месяца, партия вернулась бы через

Верхоянск, побираясь оттуда христовым именем: наличности у нас было всего 150 рублей.

Но к таким героическим мерам прибегать не пришлось. Действительность настолько отличается от описания Николаева, что нет сомнения в фантастичности его рассказа. И оставлять на авось половину людей не к чему. Вместе мы скорее выберемся.

К Николаеву тем не менее никто из нас не питал злых чувств. Не будь его, никогда экспедиция не зашла бы так далеко. Наверно ограничились бы южным районом и, пробродив месяц вблизи Оймекона, вернулись бы в Крес-хальджай по южной тропе. А теперь в нашем активе — исследование Индигирки до самых порогов и хребтов ее левого берега. Результат неожиданный и имеющий большое значение.

У лагеря на Талынье закапываем остальной разведочный инструмент — лопаты, клинья, балды, лом.

Пора спешно уходить — не только все лиственницы пожелтели, но горы уже покрыты свежим снегом.

11 сентября разведочная партия отправляется вниз. Я отделяюсь от нее и уезжаю с Гаврилой на запад, чтобы пройти насколько успею вверх по Чыбагалаху и осмотреть путь Николаева возможно дальше.

Сначала вверх по притоку Талыньи Таме — с нее переваливаем на Коэге, приток Чыбагалаха. С перевала снова вид на гранитную Чыбагалахскую цепь. Ее западный конец не менее грозен, чем восточный, и сквозь тучи можно различить множество мелких вершин, насаженных на плато. Видно узкое ущелье реки Каньялибин, большого правого притока Чыбагалаха, и за ним к востоку еще продолжение того же плато.

Судя по заснеженью, в долинах плато должны быть ледники. Еще недавно, в послетретичное время, ледники спускались сплошной массой с плато на север и заполняли всю долину Чыбагалаха до высоты 400 *м* — на этой высоте здесь, на левом склоне долины в горах, у верховьев Тамы, лежат гранитные ледниковые валуны. Мощными ледниками их принесло сюда с той стороны.

Спускаемся к Чыбагалаху по Коэге. Сначала, как водится, обширные болота, затем — по самой Коэге, речке, напоминающей Нокён: пенящиеся валы между гранитами, но река глубже и глыбы теснее. У Гаврилы свежие лошади, поэтому он не стесняется с бродами — чуть только дорога болотиста или надо взбираться на откос в обход утеса — мы бродим.

Поздно вечером выходим в долину Чыбагалаха; в последнем утесе по Коэге нахожу в большом количестве окаменелости — в первый раз за лето. Это та самая фауна верхнего или среднего девона, выносы которой Толмачев нашел в 1909 г. в галечнике р. Догдо на Верхоянско-Колымском тракте. Тогда он, к удивлению ямщиков, облазил на коленях берег, в надежде найти еще гальку с окаменелостями. Я счастливее — здесь брахиоподы и кораллы переполняют известняк. Но находка не ко времени: темнеет, а кроме того наши две лошади и так перегружены, и много взять нельзя.

При помощи Гаврилы, который вышел из своей апатии, увидав странную цель моих поисков, — я собираю пуда полтора окаменелостей. В темноте едем дальше — на луга у берега Чыбагалаха, где ночевка у принесенных водой коряг. Утром видна долина Чыбагалаха далеко к западу — все такая же широкая и плоская. В ней, 4 года назад, у границы леса стояла юрта Сорокоумовых. Им не понравились здесь луга, и они перешли на теперешнее место. Других жителей нет, и весь Чыбагалах в их распоряжении. Только внизу, у теперешних юрт пасутся кони некоторых момских якутов — хозяева приезжают раз-два в год их проведать, а в остальное время никто за ними не смотрит. Они ходят сытые и жирные круглый год и при виде всадника сбегаются со всех сторон поглядеть, что это такое.

От устья Коэге направляемся назад, вниз по Чыбагалаху. Направо все время снежное плато, но отсюда оно не так внушительно, как сверху: отдельные группы выдвинуты вперед и загораживают главный массив.

Еще одна ночевка на лугах у Чыбагалаха — снова рассматривание коровы, барана и себиньи.

13-го приезжаем к юртам. Лошадям надо дать отдохнуть еще дня два перед тяжелой дорогой. Здесь трава тоже начала желтеть, хотя мы на 400 *м* ниже, чем на Талынье. Полярная березка уже не красная, а черная, — опали листья, и пейзажи стали унылы.

Остававшиеся у юрт спутники провели время скучно, но спокойно, если не считать назойливости коров. Корова, как известно, глупый и любопытный зверь. Они повадились ходить к палаткам и таскать все, что попадется в зубы. Например, утащили и сжевали сумку с шпагатом, шилом, иголками. Петр в страшном возмущении, у него сделана даже особая палка, чтобы бить коров, и он

сидит, притаясь, в палатке, чтобы внезапно нападать на врагов. Все кругом загажено, истоптано.

Афанасий избрал себе лучшую долю — он поселился в юрте. Все его дразнят — у Сорокоумовых три молодых женщины, жены двух старших братьев и сестра, довольно миловидные. В противность обычным нравам якутских девушек, которые по этикету должны быть очень сдержаны с посторонними («молодые женщины должны говорить мало, вполголоса, не смеяться громко, не вмешиваться в разговор мужчин»), они чрезвычайно бойки. В самом деле, стоит ли быть королевами Чыбагалаха (площадь этак 200 × 200 *кв. км)* и стесняться, когда раз в столетие приезжает экспедиция?

Им особенно понравился Александр, крепкий, пышный, с курносым розовым лицом, к тому же певец, и из русской палатки часто слышен визг. Впрочем, они не оставляют и нас: у Чернова они утащили мешочек или веревочку, он их назвал «карапчи» (вор), и теперь два дня они ходят за ним по пятам и кричат: «Иван Николаич Карапчи».

В юртах сейчас гость — из Момы пришел древний старик. Он очень богат, у него до 150 лошадей, часть их ходит по Чыбагалаху, и вот он раза два в год приходит сюда. Фактически приходит: он настолько скуп, что жалеет верховую лошадь, и «в летний зной и зимнюю стужу», проходит 14 кёсов от Момы до Чыбагалаха через горы, болота и реки. Чтобы с'экономить, он почти не берет с собой продовольствия — люди накормят.

Это на вид почтенный патриарх, с приятным лицом, окаймленным сединою. Он зябко кутается в оленью парку, и странно думать, что он способен проходить по сотне километров, итти через глубокие броды. У него я, как водится, добываю сведения о реке Моме и момских поселениях. Там не меньше 150 юрт, растянувшихся вдоль Индигирки, вниз от устья Момы на 30 кёсов.

Возвращаясь с Гаврилой по Чыбагалаху, я встретил еще одного момского якута. Он ехал к тунгусам в верховья Чыбагалаха поторговать. С ним три лошади с тяжелым вьюком товара. Гаврила не упустил покапсекать, и оба выложили кучу новостей. В Моме уже известно, что тюбеляхский Николай, который должен был приехать на Чыбагалах и здесь купить у нас лошадь, выехал-было, но заболел и вернулся с дороги. Какова быстрота информации!

В ожидании от'езда я делаю еще экскурсии вниз по Чыбагалаху.

В 3 *км* на другом берегу находится летовка Сорокоумовых, интересная тем, что в ней есть урасы. Ураса — это древнее жилище якутов, о котором говорится во всех сказках и которое теперь почти вытеснено юртой. Настоящая ураса — конусообразный шалаш из жердей, покрытых изящно украшенными полосками бересты. На севере, где бересты мало, урасу кроют дерном, она называется калыман. Такой калыман стоит и у Сорокоумовых, он темен и грязен. Часть дерна заменена кусками лиственничной коры — это напоминает чум алтайцев.

Проезжая с Гаврилой по Коэге, я в лесу наткнулся еще на странную урасу из бревен. Это была охотничья избушка Сорокоумовых. В других районах урас я не видал — они исчезли совершенно.

15 сентября приехал сверху от тунгусов Мичика и привел громадного оленя на мясо, в уплату за Богородицу. Олень был ездовым — на нем заметны следы шлеи, но теперь наверно устарел, и Мичика получил его за долги.

Вместе с Мичикой приехал тунгус, когда-то ездивший в отряде Николаева. Я пытаюсь расспросить его о проспекторской работе Николаевна, но он никогда не видал у того лотка и не слыхал, чтобы когда-либо он мыл золото.

VIII. СКОРЕЙ НА ЮГ

> И выезжает в тихое, самое лучшее, богатое, роскошное место, на пуп земли, где длинная благодать никогда не изменяется, широкое богатство растянулось с неизменным счастьем. Это было место, где поставлено девять берестяных урас, натянут девятигранный господин ремень для привязывания жеребят; место, где собирались остроумные головы, где бодался четверотравный скот и сходились мягкогривые.
>
> *(Из якутских сказок.)*

В Чыбагалахе перед нами было распутье, как у богатыря в сказке: «Направо пойти — коня потерять, налево — самому погибнуть».

По программе следовало итти отсюда на запад, к старому Верхоянскому тракту, «по возможности несколько раз пересекая Верхоянский хребет». Но какое тут «несколько раз», когда на одно пересечение мы потратили целое лето. Итти прямо к Верхоянскому тракту? Но никто не мог нам сказать, есть ли такая дорога. Даже если мы ее найдем, то с нашими лошадьми мы не доберемся даже до тракта, зима захватит раньше.

Можно итти на Верхоянск по той дороге, по которой Харитонов пытался дойти до Чыбагалаха: но до Верхоянска километров 600, дорога трудна — по Догдо тяжелые галечники, и Харитонов там погубил лошадь. Дойдем ли? Наконец продадим ли мы лошадей в Верхоянске? Говорят, там лошади дешевы, а если не продадим, то как выедем оттуда?

Третья дорога — на Мому: пройти туда, обменять лошадей на оленей, и потом выехать в Верхоянск по зимнему пути. Но это уже путь отчаяния, отказываться от исследований еще рано.

Самый верный путь — к Оймекону. Во-первых, двигаясь на юг, мы уходим от зимы. Затем на этом пути у нас раскиданы лошади и коллекции: каждая лошадь — это два-три оленя, один олень на худой конец, и бросать их не след. Коллекции также лучше везти самим, чем поручать доставку их Мичике. В Оймеконе о нас знают,

там есть люди — Индигирский, Богатырев, которые должны о нас заботиться. Что особенно важно, цены на лошадей в Оймеконе очень высоки. Места нам отчасти знакомы, а пройдя 400 — 500 *км* горами, мы попадем на устье Эльги, где есть жители и где мы во всяком случае не пропадем.

К этим лошадиным расчетам присоединялись и научные. Пройдя на юг по более западному маршруту, можно будет изучить присоединение так-называемого Кех-таса к Верхоянскому хребту; будет исследован весь Кех-тас, а если мы пройдем от Эльги до Оймекона,

Назад по моренам и озам Мюреле.

то и вся верхняя Индигирка. Наконец, мы замкнем хронометрический рейс на устьи Эльги и выкинем из него 2 месяца, — это значительно повысит точность работы.

Но через Чыбагалахскую и Момскую цепи есть только одна дорога — по Мюреле (другой приток Чыбагалаха, Юрынья, проходим лишь для очень легкого каравана), и нам до Иньяли придется итти старой дорогой. От Иньяли Мичика обещает пройти прямо на Эльги.

16 сентября прощаемся с семьей Сорокоумовых. Иннокентий и Яков гарцуют перед юртами, бросая нежные взгляды на молодых якуток. Гарцует, но несколько буйно, и Чернов: у него склонность

пробовать всех лошадей каравана, и хотя он верхом первый раз, он не боится брать самых диких лошадей. Сегодня он выезжает на Рыжке, она отдохнула и начинает вспоминать боевые времена. Мышку Чернов уже пробовал, и на радость всему лагерю веселый конь выделывал с ним свои утренние курбеты.

С нами новые спутники — средний брат Сергей ведет нас до Мюреле по новой дороге, в обход Нокöна. Вода сильно спала, и

Долина Мюреле осенью. Тарын возле Оньола.

мы лучше попытаемся пройти ущельем Мюреле, чем снова испытать болота Нокöнских перевалов. Другой спутник — якутская лайка Ойюран, пушистый черный пес с белыми лапами, которого Протопопов купил у Сорокоумовых.

В низовьях Мюреле, где мы ночуем, — превосходные луга, но никто на них не живет. Только иногда сюда приходят с Чыбагалаха табуны. Вечером начинается снег, мокрый и густой. Снег идет весь следующий день, но в долине еще тает. Ущелье наполнено белесой мглой, сквозь которую иногда проглядывают пестрые от снега вершины. Внизу склоны черные и скользкие. Холодно, уныло и жутко.

Сегодня мы бродим через Мюреле шесть раз. Мичика, как настоящий Колумб, хочет узнать все достоинства нового пути, по которому он еще не ездил. Поэтому он проделывает все положенное количество бродов, хотя иногда можно пробраться и вдоль одного берега. На третьем броду глубоко — хватает вьюки. Иннокентий пробует новое направление, и его связка целиком плывет — видны только головы и спины.

18-го проходим тарын на устьи Оньола — фотография лучше

Первые морозы. Долина р. Мюреле.

слов передает суровый пейзаж. Добавьте к этому холод и полумрак от туч, которыми затянуто небо в ущельи.

На лугу за тарыном две брошенные нами лошади сами выходят к каравану — они соскучились в одиночестве. Конь Якова «красный джасык таскай» толст и крепок, городской конь Чернова поправился плохо, все еще видны ребра, но не хромает. Чтобы их поймать, на лугу, где они пасутся возле палаток, обводят их длинной связкой лошадей, и когда они попадают в кольцо, хватают за гривы. Затем, по якутскому обычаю, суточная выстойка.

Ночь дает себя знать. Утром 10° мороза — при умывании вода щиплется. Салищев начинает бояться за хронометры —они дадут от холода сильную разницу в ходе, а могут и совсем остановиться.

Внизу еще нет снега, но горы в белой пелене. Особенно хорош

гранитный «Тироль» против Хадбодала, хотя раньше без снега он был величественнее.

19 сентября входим на высоте 800 *м* в область, захваченную снегом. Это только пятна на мху, но выше уже сплошной покров снега в 15 *см*.

Первая ночевка на снегу пугает — мы не привыкли разгребать снег для палатки. Необычно и неудобно — всюду липкий снег, на

Первый снег на Мюреле.

палатке, на сапогах. Это неприятно, но гораздо страшнее судьба лошадей: корм в долине Мюреле и так скуден, а теперь они должны добывать его из-под снега. В тополевых зарослях на реке, где мы стали, трава растет отдельными пучками между деревьями — и мне жутко смотреть, как лошадь раскидывает ногой снег, потом жадно выщипывает этот желтый и жесткий пучок. Если на высоте 800 *м* уже снег, то почти до самой Эльги мы из него не выйдем: верховья Иньяли, которые мы пересечем, лежат выше. Мысли о лошадях мучают меня все время, и ночью я вижу сон — как мы спускаемся в луга, на которых нет снега, и как лошади с радостным ржанием мчатся по траве.

*

20 сентября — дальше по Мюреле. Покров снега все толще — ночью опять шел снег. Но этот страшный гость имеет одно ценное преимущество — закрыты все галечники, и копыта больше не сбиваются. Впервые за все лето мы охотно переходим на галечники, вместо того чтобы итти по мху и болотам.

Свернув к перевалу, вверх по Буркату, слышим лай — какая-то собака бросается к Ойюрану. За ней из лесу высыпает нестройный караван в десяток оленей — тунгус кочует с семьей. Это не тот

Лошади ищут траву под снегом.

дефективный житель Бурката, которого мы встретили месяц назад, тот уже откочевал, это новый, пришедший с Иньяли. Все спешиваются и окружают тунгуса. Он сообщает, что за хребтом на Иньяли снега нет. Трудно поверить: здесь мы стоим по колено в снегу. У меня невольно мелькает мысль — вот чудак: там нет снега, а он перекочевал сюда. Тунгус видел наших лошадей — все три пасутся там же, где их оставили. Амбар также цел.

Останавливаемся на Буркате неподалеку. Тунгус поворачивает оленей и идет за нами — такая встреча не повторится никогда и надо взять от нее все, что можно.

Тунгус и его жена — превосходная пара. Он — высокий, стройный, по своему красивый, ловкий и подвижный, воплощение всех

достоинств тунгусского народа, этих истинных индейцев сибирского севера. Его жена с треугольным миловидным личиком в своих ровдужных штанах похожа на мальчика. Легко и грациозно двигается она, сидит на олене, согнув ноги на маленьком седле. С ними четверо ребят; старший лет пяти, сам ведет в поводу оленя, следующие два сидят верхом, но оленей ведет мать. Последний, грудной, — в маленькой люльке в виде кибитки привязан к спине оленя, как один боковик вьюка. Вся компания мчится за нами, собака с рыжими лохмами впереди, высунув язык, за ней тунгуска с детьми и вьючным оленем. Ее внимание всецело занято нами — и ветви хлещут ребятишек по лицу, но те заняты интересным зрелищем и не обращают внимания на удары. Да они вероятно и привыкли ко всему: оба младшие без шапок несмотря на мороз.

Тунгусские дети рано привыкают к холоду — уже грудных их выносят на мороз. Их перевозят или в такой люльке на спине оленя, или переносят в кожаном мешке на спине матери. Вместо пеленок кладут мох или древесную труху — ребенку всегда сухо.

Снова стоянка в снегу, но на этот раз веселая — завтра уйдем от зимы. Тунгус приходит в гости, приносит «кэси» — куски мяса горного барана. Прежде чем допустить его в нашу палатку, Мичика учит, как надо кланяться и подносить подарок. Тунгус пьет чай — сначала у якутов, потом у нас, потом опять у якутов. Делает это он с большим достоинством, хотя наверно ему не часто приходится есть лепешки, масло, сахар. Жены его мы больше не видим — она остается в чуме с детьми: женщинам не полагается ходить в гости.

Мичика уже успел оплести тунгуса — после долгого разговора он вынимает из своих сум кирпич чаю. Сколько белок зимой придется отдать за этот кирпич!

21 августа — перевал. Все время идет снег, пурга, все кругом в белесом тумане. Караван уныло бредет гуськом по глубокому снегу. Может ли быть, что в десяти километрах за хребтом нет снега? Только Ойюран не унывает, снует всюду, пушистый хвост загнут кольцом влево — традиция якутских собак.

Едва мы начинаем спускаться с перевала, картина резко меняется — покров снега все тоньше и тоньше. Он лежит только на склонах гор, а внизу видны темные, свободные от снега луга Иньяли. Вот последние пятна снега — и мы идем по траве, хотя и желтой. Мой сон исполняется — лошади выбегают на луга, зарывая морду в траву.

Как рассказывает тунгус, по Мюреле зимой всегда много снега, а в долине Иньяли мало. Это и понятно: тучи, двигающиеся с севера, насыщенные влагой в Ледовитом океане, встречают высокие цепи, Чыбагалахскую и Момскую, и оставляют здесь большую часть осадков; перевалив к Иньяли, они могут дать уже очень мало дождя и снега. Поэтому область к югу от этих цепей чрезвычайно суха. Повидимому наибольшая часть снега выпадает в начале зимы — в октябре, когда океан еще свободен от льда и может дать

Подъем на перевал к Иньяли.

больше влаги. В прибрежной полосе всю зиму дуют муссоны в сторону материка.

На Иньяли сейчас снег начинается с высоты 1 300 *м*, в то время как по Мюреле мы встретили сплошной покров его на высоте 800 *м*. Интересно, что на Чыбагалахе, как говорят, снега меньше, чем на Мюреле, и лошади ходят там всю зиму на подножном корму. Вероятно, Мюреле, как узкая щель в высоком плато, принадлежит по своему климату к горам, в то время как Чыбагалах — междугорная долина.

На лугах Типкéр-мóлота вдали видны две черные точки и одна белая — это наши лошади, оставленные здесь месяц назад. Они одичали, и чтобы поймать их, караван выстраивается кольцом,

а их загоняют внутрь. Александр храбро хватает свою Карьку за хвост, но она поддает задом и прорывается сквозь сомкнувшееся кольцо. Крики, лай Ойюрана, ржание, лошади хлюпают в болоте, но наконец все пойманы.

У всех троих прекрасный вид, спины зажили, бока округлились; милиционный конь оброс густой шерстью и еще более похож на сатира. Он и другая белоглазка — темно-бурая, с белым лбом — имеют очень фальшивый взгляд, им совершенно нельзя довериться.

Наш амбар не сгорел и не разграблен.

Стоим на Иньяли еще следующий день, чтобы выкормить лошадей и дать Салищеву возможность отнаблюдать. Но солнце показывается лишь на минутку в завесе облаков. Карька пользуется свободным днем, чтобы опять спрятаться, — Александр, жалея ее, отпустил пастись, и она немедленно убралась подальше. Якуты, верные традициям, выдерживают обеих белоглазок у столба.

Два следующих дня мы идем по верховьям Иньяли и Нянкачана, широкую долину которого мы видели от Чёна, — с гирляндами морен по сторонам. Все время на границе леса, по болотам, но они уже почти совершенно замерзли. Иногда верхняя корка грязи и мха не выдерживает коня, и он проваливается, но это уже далеко от безысходного отчаяния летних бадаранов. Ручьи и мелкие речки замерзли, лошади боязливо ступают по льду.

Перевал с Нянкачана в бассейн Эльги — последний Чыстай, который мы проходим. Теперь мы будем итти все вниз, не считая перевалов через водоразделы между притоками Эльги. Перевал забавный — слабый под'ем, два моренных озерка в узкой и голой долине и затем — прямо вниз в миниатюрное ущелье какой-то речки. По ней до другой, большой реки. Становимся на ночь на стрелке, начинается густой снег — наше второе лето продолжалось три дня.

Где мы? Мичика не знает — его познания кончились на Нянкачане. Месяц назад он просил передать каким-то тунгусам, чтобы его ждали здесь, и отправляется их искать (как всегда пешком — якуты берегут своих коней). Но, пробродив часть ночи, он никого не находит, — очевидно его послание не достигло тунгусов.

Мичика, тем не менее, не унывает — я никогда не видал его унывающим. Что же беспокоиться: можно пойти на юг, вверх по реке — туда должна итти прямая дорога; можно пойти вниз по реке, на запад в сторону Эльги — там мы встретим дорогу из Верхоянска в Оймекон и пойдем по ней.

Найдет ли он эту дорогу? — «Как не найти, большая дорога». А по этой большой дороге раз в лето проезжает один всадник, сейчас она к тому же покрыта снегом.

Но меня это не удивляет: для меня теперь «суол», след одного человека в горах, — уже дорога, а тропа — целый тракт.

Выбираю прямую дорогу, на юг. Сколько до устья Эльги, неизвестно. Мичика говорит, что 15 кёсов, наши с'емки, что 25. Русские рабочие то в крайнем оптимизме — «Через три дня выедем», то в крайнем пессимизме. Петр бубнит: «Нарочно, азият, едет без дороги, заведет», — миф об измене очень популярен у русских крестьян. Якуты спокойны, торопиться некуда, а в лесу они дома. Ведь с нами лошади, хотя и отощавшие, но еще с'едобные, и опасности нет.

С нашей реки поднимаемся в небольшую вырезку в склоне и попадаем сразу в ущелье другой реки, которую Мичика на всякий случай называет Антах. По ней крутой и длинный спуск. Опять одна река подбирается к другой, чтобы отнять ее верховья; ей осталось прорезать только террасу.

Целый день спуска — сначала по Антаху до большой болотистой долины с двумя ледниковыми озерами. Со всех сторон горные группы, запорошенные снегом, но внизу снега опять нет. Долго бредем по кочковатому болоту, окружающему озера; оно здесь только начинает замерзать, и лошади опять невыносимо дергаются. Затем — непосредственный переход к верховьям другой речки, и по ее ущелью опять спуск. В ущельи находим окаменелости — крупных пластинчатожаберных Pseudomonotis, очень характерных для триаса. Мы с Черновым (мой постоянный ад'ютант) задерживаемся для сборов. Только к ночи достигаем какой-то большой реки, и на утомительных болотах ее левого берега находим след каравана.

В сумерках на болоте сереет лошадь, мы готовы обрадоваться: лагерь близко, — но встреча оказывается гораздо печальнее: это первая лошадь, брошенная из-за усталости. Ее долго тащили, без вьюка и седла, толкали, били, но наконец она отказалась итти и оставлена там, где люди отчаялись ее сдвинуть с места. Это — единственный у нас в караване жеребец, из партии горных лошадей. Мы убеждаемся в мудрости якутского правила — не ездить на жеребцах: даже жеребец лучшей верхоянской породы выбился из сил раньше городских лошадей.

Жеребец уныло щиплет сухую невкусную траву на болоте. Нам

с Черновым удается сдвинуть его и погнать по следу. Совсем стемнело, не знаю как дальше нам с моим профессором удастся находить следы. Но слышен навстречу топот — это Александр едет за своим жеребцом.

Стан — неподалеку, запрятан в заросли на том берегу большой реки. Мичика думает, что это река Арангас, но та была меньше. Может быть это сама Эльги? — нет, она должна быть больше, и до нее не так близко, хотя мы и прошли сегодня 37 километров.

Тобычан.

На завтра — маленький переход: надо выкормить лошадей, ночью корм был плох. За вчерашний день мы спустились на 200 *м*, и здесь снег только маленькими пятнами. Тепло — 3 градуса тепла. Можно даже не топить печки в палатке (уже на Иньяли, где было 10 градусов мороза, пришлось поставить печку, чтобы предохранить хронометры от замерзания). Сегодня сменили новую Богородицу — уже больше двух месяцев хронометры везла злая светло-серая лошадь, но вчера она стала падать в болотах, и ее пришлось переменить на одну из горных.

Два дня идем по псевдо-Арангасу (он потом оказался Тобычаном). Долина его все шире и шире. На второй день, после полудня, перейдя полосу морен, мы оказываемся на берегу большого черного озера. Оно занимает всю ширину долины и, по здешним местам,

очень значительно — до 8 *км* длины. Куда же девалась река? Мы не заметили, как она перед озером бросилась в узкое, извилистое ущелье, прорезанное в левом берегу, и направилась в горы, в обход своей прежней широкой долины, где среди морен разместилось озеро. Это — тоже обычное ледниковое явление: река, если не в состоянии промыть морены, уходит из большой долины в новое, так называемое эпигенетическое ущелье.

Мы долго идем вдоль озера. Оно мрачно чернеет в рамке голых

Озеро Черняй.

лиственниц. По обе стороны крутые склоны покрытых снегом гор. Дорога плоха — болота и узкие рытвины, щели между камнями.

К вечеру мы с Черновым опять находим жеребца № 43. Он весь день шел без вьюка, но 35 *км* для него много. Гоним его, но его хватает только на полкилометра. Дальше невозможно сдвинуть — сзади Чернов бьет его, я тяну, но жеребец только мотает головой, глаза у него мутные и остановившиеся. Только при виде травы он оживляется и жадно ее хватает. Приходится его бросить возле какого-то русла с маленькой площадкой травы.

Мы достигли уже конца озера и идем вдоль вытекающей из него реки. У ее истока заездка (перегородка) для ловли рыбы, значит где-то есть жители. Темнеет. Корма нет, караван ушел куда-то

дальше в поисках травы. В лесу вскоре слышны крики и крепкая ругань, и на берегу речки нам открывается печальная картина — Михаил и Александр вытаскивают из ямы лошадь. Речка очень скверная — в крутых оползающих земляных берегах, кругом болота. Почти перейдя речку, лошади проваливались между сползшими кусками берега в глубокие ямы под ними. Часть связок прошла благополучно по другому броду, но Михаил и Санька застряли. Пришлось одну из лошадей вытаскивать вагами, подсовывая под нее бревна. Михаил на чем свет клянет речку, болота, якутов, которые бегут вперед, хотя давно пора стать на ночлег, проводника, который вдруг бросился в горы искать тунгусов.

Но якуты ушли недалеко. Пришлось стать тут же в лесу, между двумя болотами — слишком темно, чтобы итти дальше. Корма, кроме скверной болотной травы, нет, в лесу только мох. Начинается снег, все сильнее и сильнее.

Часов в десять сквозь мягкий шелест снега слышен крик — это едет Мичика. С ним два всадника на оленях — Мичика нашел тунгусов. Их стан недалеко в горах. Пока они обогреваются у костра, где пекутся лепешки, я расспрашиваю их. Выясняется, что мы заблудились — дорога ушла из долины вместе с рекой; если мы пойдем дальше по долине озера, мы выйдем в 2 кöсах отсюда в долину Эльги, но по ней к ее устью пройти нельзя — там болота, леса, утесы, нет дороги и кормов. Необходимо вернуться обратно.

Утром я заявляю Мичике, что я не верю в его познания и найму тунгуса в проводники до Эльги. Мичика уверяет, что теперь уже недалеко до мест, в которых он бывал, — не больше пяти кöсов. А тунгусы как-то странно мнутся — повидимому Мичика вступил уже в какие-то финансовые отношения с ними. Наконец один из них, старик с мясистым лицом, соглашается вести нас 5 кöсов. Это — бывший князь (здесь тоже есть «бывшие»), а ныне старшина наслега, Семен Неуструев. Он принес нам кэси — мне две шкурки тарбаганов (сурков) и горностая, а всему каравану хариусов (их, впрочем, рабочие вчера сами поспешили вынуть из заездки, проезжая мимо; но это не считается воровством: голодных путников сам хозяин обязан накормить).

Мы едем обратно вдоль озера — оно называется Черняй, или Черное, — опять по той же гнусной дороге. Находим в лесу жеребца — он отдохнул и в состоянии продолжать путь. Останавливаемся в полдень, пройдя озеро, на чудесных лугах, занесенных снегом. Но теперь уже вошло в привычку разгребать снег

под палатки; сделаны лопаты, и палатки ставятся быстро. Внутри также не плохо — печка пока еще хорошо нагревает, настолько даже, что в верхней части конической палатки душно и тяжело писать за столом. У нас с Салищевым все время споры об этом — ему нужно тепло для хронометров, мне свежий воздух для работы, — и кончаем тем, что открываем дверь, и я пишу, сидя в полушубке и выставив спину в дверь.

Сегодня 28 сентября и природа хочет показать нам, что уже скоро зима (в Якутии почти нет весны и осени — зима захва-

Князь Семен и его олени.

тила себе 8 месяцев). Вечером 13° мороза, а утром 21°. Солнце ослепительно ярко, какой-то сияющий мороз.

Вечером приехал князь Семен, верхом на олене, в поводу другой, на нем постель, и олень заменяет портплед и лакея титулованного путешественника западных стран.

Князь ведет нас прямо через реку — рядом с непроходимым ущельем Тобычана надо взобраться на гору. Неудивительно, что мы сбились, здесь не только тропы, но даже следа не видно, — а это ведь и есть знаменитая Верхоянская большая дорога. Но все тунгусы убеждены, что она здесь проходит, и неприлично в этом сомневаться.

Сначала в брод через Тобычан — для этого надо разбить ко-

пытами забереги, достигающие уже нескольких метров ширины. Лошади пятятся, косят, и их трудно заставить вступить на лед.

За бродом — сразу под'ем на обрыв террасы. Первые связки взбираются, отряхаясь, и тропка сразу обледеневает. Лошади начинают скользить, и лошадь с драгоценными ящиками, в которых сохранилось еще много спирта, падает навзничь на спину, прямо в реку. Упаковка и лошадь выдерживают — к большой радости каравана.

Мы идем по высокой террасе — боковая висячая долина ледниковых времен. Тобычан извивается рядом в узкой щели и затем бросается на юго-запад, в горы, а рядом сзади осталась широкая долина озера Черняй. За озером в сторону Эльги видны низкие горы, понижение между Кех-тасом и Верхоянским хребтом.

Князь Семен знает дорогу не лучше Мичики — где есть корм для лошадей, он никак не может вспомнить. Становимся в долине Лянгчана со скудной травой.

Следующий день — еще 20 *км* по округлым горам, переваливаем на Арангас, где ночуем. Арангас замерз на половину, болота оделись прочной корой, но снега здесь опять почти нет, мы еще раз (в который?) ушли от него.

Вечером князь и Мичика уезжают вперед, к тунгусам, которые живут поблизости, узнать про дорогу, и, наверное, поторговать.

1 октября удается пройти лишь 1 кöс — до тунгусской стоянки. Следующий корм — в 4 кöсах, и я не решаюсь вести своих лошадей сразу за 40 *км*.

С 2-х часов дня опять густой снег. Семен и местный тунгус с странной фамилией Петр Вензель, другой старшина того же наслега, — сидят у нас. Они просят написать жалобу начальнику Оймеконской милиции. Некая старушка, Прасковья Вензель, когда-то очень богатая (у ее мужа было до 7 000 оленей), по смерти мужа роздала большую часть оленей членам своего рода. У нее остается сейчас только 70 оленей, но тем не менее один из одаренных ею, Егор Вензель, с'ев своих оленей, зарезал у старухи одного оленя и с'ел; потом требовал еще, угрожая отобрать всех. Старуха испугалась и отдала 10 оленей. Несмотря на уговоры старшин, Егор буйствует, требует еще 5 оленей, из них одного верхового, а пока с'ел еще одного.

Обычно такие дела решаются старшинами наслега (раньше они назывались князьями, хотя были также выборными), но Егор

Вензель представляет необычайное явление среди тунгусов, хулигана новейшей формации или может быть нигилиста типа гончаровского Марка Волохова? Тунгусы обычно прямодушны, честны, преданы, услужливы, все путешественники, которые вращались среди тунгусов, говорят о них с восторгом.

При широком, совершенно неограниченном гостеприимстве тунгусов, трудно ожидать, чтобы голодный человек встретил отказ. Тунгус отдаст последнее, чтобы накормить гостя, и останется сам голодным.

В Дыры-юряхе.

Петр Вензель оказался человеком с более широкими познаниями, чем встреченные за последний месяц тунгусы, и мог перечислить все притоки Эльги и назвать все речки, пройденные нами от Нянкачана. Судя по его рассказам, между Верхоянским хребтом и так называемым Кех-тасом лежит понижение вдоль Эльги, и, следовательно, нельзя рисовать Кех-Тас в виде гребня, отходящего от Верхоянского хребта, как это делали до сих пор.

У Петра Вензеля большое стадо оленей — штук 200 или 300, но из них только 20 его собственных, а остальные принадлежат какому-то богатому якуту из Тарын-юряха.

2 октября — тяжелый переход. Снег до 3 часов дня, и всё засыпано — деревья, люди, лошади. Лезем на довольно высокий перевал; при спуске с него Мичика теряет тропу — она ушла в обход по склону, и мы спускаемся прямо вниз, лошади скользят на задах по мху и снегу. Затем идем по реке Тонору, притоку Эльги; ночуем недалеко от его устья, при входе в долину Эльги, в лесу, на болоте. Бугры, ямы, упавшие деревья. Колья уже не идут в землю, и чтобы поставить палатки, привязываем их к камням и лежащим жердям.

3 октября — последний переход к жилым местам оказывается и переломным днем нашего передвижения. Ночью одна из лошадей попала в яму с водой и просидела там до утра при морозе градусов в 15. Сегодня, не пройдя и 10 *км,* она начала падать, и у первых юрт ее пришлось бросить. Дальше быстро одна за другой стали «приставать» (как говорят в Сибири) другие лошади в «русских» связках — всего на протяжении 20 *км* пять лошадей, которые оказались настолько истощенными, что не могли итти и порожняком. Часть вьюков и седла раскиданы в разных местах, люди идут пешком.

А в это время Мичика с двумя вьючными лошадьми умчался вперед — ему необходимо, чтобы сегодня заночевали у юрты его родственника. За ним поневоле идут якутские связки, и таким образом караван растягивается на десяток километров. Протопопов приходит пешком — его желтый Пегашка, такой бойкий недавно, совсем истощен, и втроем с Ойюраном они идут по снегу — Ойюран задрав хвост, Пегашка опустив голову.

Затемно приходит Михаил с девятью лошадьми — это часть связок Петра и Александра; затем слышны выстрелы в лесу — это Чернов дает знать, что он не может больше тащить Рыжку. Она сегодня уже на полдороге совсем выбилась из сил, и ее трудно сдвинуть с места. Последние дни пути она нежно и благодарно ржала, каждый раз как Чернов слезал с седла.

В 8 часов вечера приходит последний отряд отступающей армии — Петр и Александр с остатками лошадей.

4 октября стоим. Ясно, что мы здесь засели: с такими лошадьми, которые после 35 *км* на следующий день сразу выбиваются из сил, можно ли пройти еще 150 *км* до Оймекона? К тому же из этого пути до 70 *км* надо пройти по горам — по Индигирке утесы, и пока она не станет, внизу дороги нет. В горах, где нет жителей и корма, мы совсем загубим весь караван.

К вечеру посланные обратно рабочие приводят четырех лошадей. Пятая, простудившаяся, лежит на лугу и не хочет есть — по-видимому, ее дни сочтены.

Целые сутки идет снег и покрывает толстым слоем палатки, вьюки, седла, засыпает нас в этой дыре, как в могиле. И милое же название у этого места — Дыры-юрях!

IX. ПО ЛЬДУ ИНДИГИРКИ

Мышь потащила его. Двадцать один день путешествовали. Двадцать когтей изломали, четыре подошвы изорвали, порвали кожу на желудке, добрались до красного мяса, добрались до белых костей. Таким образом вползли на вершину горы...

Сквозь восемьдесят пропастей, через девяносто промоин, по семидесяти кочкам, потащила мышь крысу; ползя на брюхе, крыса совсем изранилась, изошло мясо, пленка лопнула, остался невредимым только траву поглощающий желудок.

(Из якутских сказок.)

Возле Дыры-юряха нам оставаться не к чему, надо пройти к нашему астрономическому пункту, на устьи Эльги, еще 15 *км*. Обдумав положение, я решаю, что не стоит вести с собой в Оймекон всех людей и груз — они могут оставаться на устьи Эльги, и затем, когда я найму оленей, прямо отсюда поехать в Кресхальджай. Это даст мне возможность, оставив слабых лошадей на Эльги, уехать на сильных в Оймекон, не нанимая новых у здешних якутов.

Прощаемся с Мичикой — он едет домой через горы. Он покупает у меня вторую лошадь — одного из горных коней — и дает обязательство не позже Дмитриева дня (7 ноября) приехать на устье Эльги и уплатить пушниной и деньгами. Ему очень хочется купить еще одного коня, но он не надеется за месяц собрать столько пушнины. К расписке Мичика прикладывает свою печать, на которой вырезана фамилия, и на ней скачущий олень или соболь, и впервые мы узнаем, что его зовут не Пестряков, а Старков.

5 октября переходим на устье Эльги. В Дыры-юряхе оставляю пять самых слабых лошадей — боюсь, что они сегодня еще не дойдут, — и 5 вьюков коллекций, чтобы облегчить остальных.

Идем по широкой долине Эльги. Лёса, луга, где желтая высокая трава своими метелками еще подымается над снегом. На полпути встречаем Карьку — «лешева скотина» опять убежала, и ее не могли найти. Александр рад — по крайней мере хоть одна

лошадь из связки есть, а то всех растерял на дороге, начиная от коня № 18, в самом начале экспедиции. Теперь видно, кто лучше выбирал лошадей — те связки, в которых были смирные лошади, понесли наибольшие потери, а буйные лошади Иннокентия все бодры, сдает только Рыжка.

В зарослях у Эльги много заячьих следов. Мы несколько раз встречаем якутов, несущих удавленных зайцев, — их здесь ловят петлей, укрепленной на треноге над заячьей тропой. Чернов все время всматривается в следы и спрашивает меня: «Как вы думаете, здесь их легко стрелять?», а я в это время в сотый раз перебираю в уме, сколько лошадей у меня дойдет до Оймекона, сколько сдохнет, и где лучше их продать.

После вчерашнего снега сегодня опять ясно и холодно — 26° мороза. Но Эльги все же еще не стала. У нее большие забереги, метров по 5 — 6, река темнеет широкой полосой среди снегов. Против летнего, она очень сильно спала, и говорят, что можно бродить. На том берегу, ослепительно блестящем, какая-то черная фигура предупредительно прорубает проход в забереге — это Петр Атласов, у юрты которого мы стояли, в качестве хозяина расчищает путь. С этой стороны заберег также прорублен, лошади боязливо заходят в воду, но брод очень мелок, и все проходит благополучно.

Здешние реки имеют наименьший уровень в конце сентября и в октябре, когда промерзли болота и ручьи и поступление воды ничтожно.

Со следующего дня начинаем устраивать остающихся. Протопопов и Михаил обязательно хотят срубить зимовье. Михаил во время своих скитаний — он переменил много карьер — всегда ставил избу, даже на месяц-два; в якутской юрте им кажется грязно, много блох, надо заготавливать для камина много дров. Остальные относятся к постройке прохладно, в особенности якуты, для которых всякая лишняя работа кажется ужасной.

Выбирают место для зимовья — в густом лесу вблизи астрономического пункта. За день русские спилили 47 больших лиственниц. Завтра начнут класть венцы.

Якуты пока устраивают свою судьбу иначе — отказываются от своей комнаты в зимовьи и переезжают к Петру Слепцову. Тот совсем не обижен тем, что его финансовая комбинация в прошлый раз не удалась, и приходит с приветливой улыбкой, чуя грядущие доходы.

Вместе с Петром приходит местный богач с Дыры-юряха — Федор Кривошапкин. Он одет элегантно, прямо как принц. Новые, хорошо подобранные меховые оленьи сапоги-унты,[1] рукавицы с отворотами из лисьих лапок, тарбаганья шапка, суконная куртка на меху, с оторочкой из бурундука — и все новое и чистое. Краснощекий и наглый, он держится очень самоуверенно. Как же, приемный сын богача, сам человек предприимчивый, несмотря на свою молодость имеет сотню оленей; по примеру Мичики (он его племянник) гоняет плоты по Индигирке.

Сено для лошадей на устьи Эльги.

Федор предлагает себя в проводники до Оймекона. Цена — очень сходная, но обязательно в придачу бутылку, или хотя бы полбутылки спирта.

Спирт здесь — большая сила. Ввоз его и продажа в Якутии и в Туруханском крае запрещены, только для городов сделано исключение. Конечно, из городов спирт быстро рассасывается по стране, но при этом страшно возрастает в цене — в Оймеконе, например, бутылка спирта при нас котировалась от 20 до 40 руб-

[1] Унты — тунгусское слово, но перешедшее уже в русский язык; по-якутски — этэрбэс, которое употребляется иногда русскими в руссифицированной форме — торбаса.

*

лей. А тяга к спирту огромная: чтобы принять участие в попойке, здесь поедут за двести верст. Я думаю, нет надобности подробно останавливаться на этом — картины спаивания северных инородцев давно описаны.

Федор не советует ехать летней дорогой, через горы, — там очень крутые спуски и под'емы, и сейчас по снегу их не одолеть. Кроме того, корма там плохие, а если пойдем Индигиркой, то не реже чем через 4 кёса найдем жителей, у которых в крайнем случае можно купить сена. Индигирка должна скоро стать — уже Эльги начинает становиться.

Действительно, на Эльги образовалась ниже переката густая каша сала, которая быстро твердеет. Уже две каких-то личности

Брод через Эльги.

с той стороны пытаются перейти, кладя бревна на сало — но бревна вертятся, опускаются в воду, и якуты что-то кричат. Можно разобрать только: «дагор, пасалыста» (товарищ, пожалуйста).

Федору я продаю одну из лошадей, оставшихся в Дыры-юряхе, в обмен на корову. Корову сейчас же приводят — она на выпаске у Петра Атласова. Повидимому, долговые обязательства связывают Федора со многими жителями этого района.

Всего на устьи Эльги до 20 юрт, но среди них Петр Атласов наверно самый бедный. У него три коровы и ни одной лошади. Коровы дают летом по бутылке молока, зимой наверно втроем одну

бутылку. Семья Атласова — человек 5 или 6 — питается этим молоком да зайцами, которых они ловят. Он сам нередко заходит к нам в своей истертой оленьей парке, на которой почти не осталось волос, и сгорбившись курит трубку у костра. С ним лопатка для выравнивания снега: после того как поставлена петля на зайца, надо заравнять следы. На лопате накручены волосяные петли.

В ожидании постройки избы мы живем еще в палатках у астрономического пункта. Сегодня Салищев наблюдает ночью и не

Постройка зимовья — второй венец.

знает, чему отдать предпочтение: комарам ли, которые его здесь мучили два месяца назад, или морозу. В самом деле, 30 градусов, хотя бы по Цельсию, тяжелое испытание для наблюдателя. К винтам инструмента нельзя прикоснуться, окуляр покрывается льдом. К тому же, кроме полушубков, у нас нет теплой одежды, и в сапогах стоять несколько часов мучительно.

Печки наши для 30 градусов уже малы — они всего 8 вершков длины. Палатка внизу начинает выстывать. Мы узнаем также, что наши спальные мешки не слишком теплы. Они — из чесаной овчины, легки и приятны, в них при 15° мороза хорошо спать совсем раздевшись, но в 30° приходится ложиться одетым, тем более

что раздеваться и одеваться при такой температуре хотя и возможно, но уже неприятно.

С 8 октября начинают класть зимовье. Главный архитектор — Михаил. Он ловко владеет топором, и всякое творчество доставляет ему удовольствие. Якуты работают через силу, неохотно, — тяжелая физическая работа для них действительно тяжела. Когда велишь кому-нибудь из наших якутов сделать что-то лишнее (по его мнению), например еще раз развязать суму, — он досадливо говорит «наказание»: это русское слово вошло в якутский язык и произносится с особенным смаком.

Избу строим 4 × 6 метров, с двумя комнатами. На второй день положили все семь венцов, накат из тонких бревен, и начали заваливать землей крышу. Михаил выстругал доски и сбил дверь, поставили две железных печки, в окнах натянута бязь. Стены проконопачены осокой, которую привез Атласов.

10 октября почти все закончено, и русские рабочие переселяются. На следующий день переезжаем и мы. Очень приятно после холодной и тесной палатки сидеть в тепле, спать раздевшись. Изба сложена так хорошо, что, хотя ночью не топим, к утру температура + 10°. Чтобы не так выдувало, на ночь окна вместо ставен закрываются сенными потниками, которые отслужили свою прямую службу.

Внутренность избушки имеет несколько мрачный вид, как и все зимовья северного полушария и в России, и в Америке. Чтобы запахло настоящим Джеком Лондоном, надо только поставить на печку бобы со свининой. А так есть всё — и нары, и ружья по стенам, развешанная одежда, раскаленная докрасна печка, свет свечей, тонущий в темных бревнах стен.

Над входом сделан навес для защиты от снега. Рядом с избой, вместо амбара, — палатка, где сложен груз, остатки муки, стегна мяса, масло.

10-го привели оставшихся в Дыры-юряхе лошадей. Пятидневный отдых им нисколько не помог — наоборот, они на вид еще более тощи, чем раньше. Очевидно, сухая трава совершенно не может восстановить силы лошадей, непривыкших к суровым условиям. Лошадь № 28, оставшаяся у юрты, сдохла.

Приходится покупать для них сено, оно здесь есть только у Федора, но накошено для него опять-таки Петром Атласовым. Сено продается на кубические сажени, считающиеся равными одному большому возу, или 4 — 6 бычьим возам.

В течение нескольких дней, остающихся до от'езда, я распродаю наиболее слабых лошадей в обмен на мясо, масло, теплые шапки, рукавицы, заячьи одеяла. Петр Слепцов покупает трех коней, конечно, по низким ценам, и ставит нам все пушное барахло, которое он должен заготовить, на 50% дороже нормального.

В зимовьи — постоянное оживление: мы готовимся к от'езду, а остающиеся всячески усовершенствуют свое жилище: забивают

Зимовье в ноябре.

гвозди, прибивают полочки, ручку к двери и т. п. Нам пекут лепешки — вот уже больше двух месяцев, как кончились сухари, и мы живем на лепешках. Заводят пресное тесто, иногда прибавляя для пышности соду, и пекут на сковородках. Горячие они еще хороши, но холодные отвратительны: снаружи подгорелые, внутри сырые. Чтобы заготовить дневной запас на четверых, нужно печь часа два, и занятие это всем нашим пекарям страшно надоело. Больше всего, конечно, страдают младшие члены экспедиции — Яков и Александр. Михаил и Петр мечтают о том, как бы наладить выпечку хлеба.

Предстоящая поездка при все увеличивающихся морозах нас немного пугает, но теплых вещей здесь нельзя купить, и самое

большее, что можно сейчас достать, это теплую шапку. «Принц» Федор, правда, принес-было свои шикарные унты — ему нужна была бутылка спирта, чтобы достойно закончить празднество, начатое с полубутылкой, полученной в счет предстоящего пути, но эта цена для нас чересчур велика: нам ведь нужно купить 11 пар унтов, не считая комплектов всего прочего. Достанем ли даже в Оймекене такую кучу?

Больше, чем за свои ноги, мы боимся за хронометры. Уже последние ночи в палатке, при температурах ниже 30°, они дали очень плохой ход. Поэтому мы берем два больших вьючных ящика, и Михаил обивает их снутри кошмой от потников, снаружи — шкурами оленей. На дне будет помещаться ящичек с тремя хронометрами, а на нем — бидон с горячей водой. Один бидон изготовляет Протопопов из старого масляного, а другой берем из-под спирта. Получается сооружение очень громоздкое, занимающее целую лошадь, но уютное на вид, — так и хочется самому лечь в это теплое гнездо.

Близок день от'езда. Лошади с'ели полтора куба сена, и, как оказывается, во всем урочище Сербее (так называется устье Эльги) есть еще только полтора куба свободного сена, также принадлежащего Федору (нынче недород). Но Федор не хочет его продавать, потому что я отказался продать ему одного из лучших коней, отложив его ликвидацию до Оймекона.

Опять расстроен мой последний план (который по счету?) оставить слабых коней в Сербее и вести в Оймекон только сильных. К тому же, по ходу продажи коней, я вижу, что рынок здесь слишком мал, — всего 20 юрт, — и разместить много «товара» не удастся.

Поэтому на Покров, когда получается, наконец, известие о том, что стала Индигирка, к отправлению в Оймекон назначаются все лошади. С ними я беру трех якутов, кроме Афанасия, который остается на Эльги как переводчик — он немного знает по-русски. Русские рабочие все остаются в зимовьи, для кочевания по якутским юртам они менее удобны, чем якуты, для которых это будет сплошной праздник. Как же, каждый день новая юрта, новый рассказ о путешествии, новые девицы, которые с нежным сочувствием внимают героям!

Остающимся мы оставляем почти все продукты — муку, табак, сахар. В общем им хватит на месяц, а за это время я надеюсь прислать на оленях новые запасы. Масло и мясо они достанут

здесь, а за спичками и солью отправят Афанасия в Тарын-юрях-скую факторию. Его повезет Петр Слепцов; остальные рабочие уже подтрунивают над Афанасием: «начальник экспедиции».

15 октября выступаем. Под вьюки — их всего 6 — и под верх выбираются лучшие лошади. Это кони привычные к горам, и за десять дней отдыха на сухой траве они поправились. На них выросла густая зимняя шерсть, она распушилась, и лошади приобрели вид пухлых детских игрушек.

Конон и хронометры.

Нас провожают с несколько сжавшимся сердцем. И нам жалко покидать эту приземистую избушку в густом лесу — в ней так домовито. Игра в робинзонов прельстительна даже для взрослых.

В юрте Петра Слепцова — прощальный чай. Нам подают лепешки (наверное из нашей же муки) и хаяк. Хаяк — это смесь масла с молоком и водой, сбитая и замороженная. Хаяк подается расколотый на куски, и превосходен на вкус, когда в нем примесь воды незначительна. Он в комнате не скоро тает, если заморожен при температуре ниже 30°, и контраст с горячим чаем особенно приятен. На днях Слепцов прислал нам в качестве кэси по кругу хаяка и мороженых сливок — последние еще вкуснее.

У юрты Слепцова нас встречает Федор. Одна из наших лучших лошадей под его седлом. Богатое якутское седло с серебряными инкрустациями и с черным черпаком, покрывающим зад лошади и спускающимся двумя углами на ляжки. Это — от комаров и мороза.

Лошади собраны, их всего 33 штуки. Мои глаза останавливаются на Карьке — эта «лешева скотина» опять нас будет задерживать своими хитростями! Но Федор смотрит на нее восторженными глазами — в Якутии очень редки темные лошади (заели комары), вороных совсем нет, а карие, которых называют вороными, считаются первоклассными. И Федор с дрожью спрашивает — сколько я хочу за Карьку? Я отвечаю: «Бир мэхак» («один мешок» — сто рублей: сто по-якутски «сюс», но для денег употребляется слово «мешок»), и Карька переходит к Федору, к обоюдной радости.

Мы запоздали и поэтому идем марш-маршем вперед. Иннокентий гонит табун в 20 голов — лошади все время отбегают в сторону, в луга, и Иннокентий гоняется за ними с криками. Он умеет, как никто, дико взвизгнуть, гоняя лошадь, так что жутко становится в лесу. Эти крики вошли уже в утренний ритуал, вместе с курбетами Мышки.

Сегодня мы доходим до конца Эльгинского расширения уже в темноте. Ноги в сапогах деревенеют от холода, несмотря на солнце, все же — 26°. Издалека видны искры, снопом выбивающиеся из трубы юрты, где мы должны ночевать, — кажется, мы никогда не доедем. Наконец вот и изгородь, гостеприимно распахнутые ворота, с трудом слезаешь с седла, привязываешь коня к сергэ — точеному столбу во дворе. Нагнувшись, входишь в юрту, — она вся забита якутами, стоящими у камина. Но все они стоят спиной к огню — у якутов не принято греться, глядя мечтательно в струящееся пламя. Не думаю, чтобы это было от недостатка мечтательности — якуты очень склонны к бездействию и размышлению, — скорее оттого, что огонь в камине силен и на него больно смотреть. К тому же от 30 до 40% якутов больны трахомой и другими глазными болезнями.

Трудно передать, как приятно после мороза погреться у камина, при этом зная, что лошади стоят в загоне, им дано сено и не надо заботиться об их ближайшей судьбе.

Начиная с этого дня, Федор в счет Карьки доставал нам на каждом ночлеге сена. Финансовая основа этих комбинаций оста-

лась для меня неясной, но повидимому в Оймеконском районе все друг другу должны.

Обычно, путешествующий якут не покупает сена — летом лошадь его пасется на подножном корму, а зимой во всякой юрте не только накормят его, но и его лошадь. Для юрт, стоящих на оживленных дорогах, — это тяжелая повинность. Не желая, чтобы проезд экспедиции остался в памяти населения, как бедствие — легко ли накормить шесть человек и 32 лошади — я никогда не прибегал к принудительному гостеприимству, и даже обед мы готовили себе из своих продуктов.

Индигирка в сужении выше Тыэллаха.

Этим ночлегом в Тыэллахе я воспользовался, чтобы сбыть еще одну слабую лошадь — в обмен на оленью парку, пару унтов, оленью шкуру и масло. Все это должны отослать в наше зимовье на Эльги.

Выше Тыэллаха долина Индигирки сразу суживается — с востока подступает склон Верхоянского хребта, с запада — высокая группа с гранитным ядром. Мы вдоль утесов выходим на лед Индигирки. Она стала очень неровной — вся поверхность в маленьких торосах. Река занимает почти всю долину, и лишь на правом берегу остается небольшая кайма леса; по нему мы проходим больше 30 *км*.

Мы с Яковом задерживаемся у обнажений и, как всегда, отстаем. К концу дня — встреча, которой я никак не ожидал: в лесу стоит одна из наших слабых лошадей, Чалка Александра. Два длинных перехода подряд — и силы ее исчерпаны. Мы пытаемся гнать ее дальше, но ее хватает только на какие-нибудь полкилометра. Дальше можно бить ее нещадно, но она не двигается ни шагу.

За соседним холмом другой сюрприз: в такой же унылой позе щиплет траву Рыжка. Теперь мы пытаемся вести ее — я тяну спереди, Яков бьет сзади. Сначала дело идет на лад, но при переходе через сухое русло Рыжка падает на камни. Когда мы вдвоем ее поднимаем, у ней подгибаются ноги, мускулы дрожат — они мягки, как тряпочки, — и лошадь снова падает. У нее к тому же болит спина — начала нарывать уже на отдыхе, в Сербее, и когда мы возим ее по камням, у нее отваливается большой кусок кожи. Если оставить лежать, она замерзнет или сдохнет от голода, и после получасовой возни нам удается поднять ее и отвести на жалкую траву рядом.

Ночью достигаем расширения Юддех. Здесь пышные луга и одна юрта, бедная и грязная, но, как всегда, с ярким огнем. Когда под'езжаем к ней, ее силуэт со снопом искр рисуется на иссиня-черном небе; ярко-желтая луна и серебряные горы — варварский, невероятный пейзаж, комбинация красок маскарадного костюма «Ночь».

В Юддехе проводим весь следующий день — надо привести отставших лошадей и выкормить их. Сена на вторую ночь нехватает, поэтому кормят только наиболее слабых, а остальных пускают в луга. Они иногда возвращаются к юрте, бродя вокруг загородки, и щиплют остатки сена среди навоза. Когда проносят мимо охапку сена, они радостно ржут.

Утром я делаю маленькую экскурсию на тот берег, к утесам. Индигирка стала еще не везде — длинные полыньи на стрежне, над ними стоит пар. Мне надо пройти по гладкому льду вблизи полыньи, только что замерзшему. На всякий случай беру шест и ползу, но потом становится стыдно (хотя никого нет) и дальше иду храбрее.

Индигирка течет несколькими протоками — острова, галечники, на том берегу длинная стена утесов над блестящим льдом. Небо всегда белесое на горизонте.

Остальной день сидим в юрте. Нам с Салищевым очень любо-

пытен весь домашний распорядок, за которым хорошо наблюдать из нашего почетного угла.

Зимняя юрта отличается от летней прежде всего тем, что к ней вплотную примыкает хлев «хотон», дверь в который всегда открыта, чтобы он обогревался тем же камином, что и юрта (или, вернее, двери нет совсем). Юрта («балаган» — по-якутски) построена так же, как летняя, но немного ниже и меньше. И она, и хотон снаружи прикрыты слоем земли с навозом. Дверь обита

Зимняя юрта в Юддехе и Чалка.

шкурой, окна осенью со стеклами, но начинают уже вставлять на зиму льдины. Льдину вытесывают по величине отверстия и замазывают снегом с водой. Такое «стекло» теплее, чем рама со стеклами — в ту всегда дует, стекла к тому же разбиты, а льдина прилегает гораздо герметичнее; света она дает больше, чем рама с мелким переплетом, затянутая слоем инея. На льдине снутри также оседает слой инея, но его каждое утро отскребают ножом. За несколько месяцев льдина проскребается и тогда вставляется новая.

Утром коров выгоняют из хотона, через юрту, чтобы не охлаждать хотона. Им дают сена столько, чтобы они не сдохли; удой от этого, конечно, не улучшается. Лошадям сено дают только тогда, когда на них ездят, в остальное время они на подножном

корму. Вводить на ночь в хотон лошадь считается вредным и неприличным.

У камина, на шестке, всегда несколько котлов со льдом, который топится на воду: вода привозится только в виде льда на санях, так как водоемы сильно промерзают. Воды нужно много, главным образом для чая. Пьют его без конца, каждый раз что приезжает кто-нибудь, его поят чаем, и хозяйка или хозяин опять пьют с ними. У огня медный чайник всегда наготове (самовар в Оймеконе только у богачей). Вокруг огня — все время вертятся ребятишки, они полуголые, несмотря на зиму, и грязные. Тут же сидит собака, которая их облизывает. Собак в Оймеконе мало — охота плохая, не стоит держать, — а кошек совсем нет. Никто не решается везти сюда кошку через хребет на оленях, все знают, что от этого олени заболеют и совсем не пойдут.[1]

У маленького мальчика, который торчит у камина, есть кожаные штаны, но они сзади разорваны, и он ездит задом по земляному полу, на который сплевывают все курильщики.

Но вот радость — сбивают для гостей суорат. Это сбитые сливки, в которые прибавлена простокваша. Я ем с удовольствием, но Салищев уклоняется — он только что любовался, как мальчишка в кожаных брюках вылизывал мутовку для суората.

Якуты не так нечистоплотны, как может показаться читателю, каждое утро вся семья моется из тазика, вытираются довольно чистым полотенцем, полощут зубы, гостям для этого в чашке дают нагретую воду. Грубые фарфоровые чашки всегда вымыты, стол вымыт щеткой и вытерт. Но как же можно, чтобы сливки или масло с посуды пропадало, когда корова дает так мало? Лучше пусть вылижет ребенок, если самой неудобно.

Юрта делится на две части — правая от входа для гостей, левая — для хозяев (в центральной Якутии расположение обратное). В правой части — ряд нар, из которых самые почетные в дальнем правом углу — билирик и «правая передняя нара», где садится высокий гость, где спит шаман и священник. Наименее почетная — у входа; на нее садятся гости из неважных. Над правой передней нарой на резной полочке стоят образа.

Во время ночевок на почетных местах располагаемся мы с Салищевым, на средней наре Конон, дальше Федор, а если

---

[1] На Илиме русские также никогда не повезут кошку верхом на лошади — лошадь заболеет. Вероятно связь кошки со злым духом?

остается еще место, — Яков и Иннокентий. Часто есть еще гости, и младшие ложатся на сене на полу.

Несмотря на такое количество народа в юрте всегда свежий воздух — всю ночь открыта труба камина. К утру градусов 5 тепла, рано утром затапливают камин, и он горит до поздней ночи.

Хозяйские нары помещаются на дальней стене налево от почетных; по левой стене — дверь в хотон, и обычно — полки для посуды. Шкафчик для чашек и мелочи стоит у хозяйских нар. Передняя стена — для дров. В юрте уходит за день около четверти сажени дров, а в больших юртах и больше.

Снабжать юрту топливом — довольно утомительное занятие, тем более что якуты рубят только сухостойные деревья, и через несколько лет за ними приходится ездить далеко.

Женщины сидят и работают на хозяйских нарах и, выходя во двор, обходят камин, находящийся посредине, с темной стороны. Ведь пословица гласит: «Если женщина проходит между мною и моим огнем, то может мне испортить промысел и счастье». Вообще, женщины должны держать себя скромно и тихо.

Но хозяйка юрты Юддеха, старая вдова, уже забыла про эти правила. Весь день мы слышим ее скрипучий голос. Она делает выговоры ребятишкам, которые шалят, взрослой дочери, недостаточно внимательной к своим обязанностям. Особенно достается какому-то дряхлому старичку, который в темном углу трудится целый день. Ему дали выделывать камас — кожу с ног оленя, из которой делают унты и наколенники. Старика пилят все время, и не покладая рук он перетирает кожу руками на доске. Как будто и еды ему перепадает мало.

На-днях сын старухи убил дикого оленя, и сегодня все лакомятся оленьими ногами. Ободрав с них камас, отделяют мясо с голени и едят сырым — это считается лакомым блюдом. Потом добывают мозг и тоже поглощают сырым.

Вечером юноша приносит оленью тушу. Он старается держаться как хозяин, — ему едва 17 лет, но семейные относятся к нему с почтением, даже скрипучая мать: мужчина, даже мальчик, создан, чтобы повелевать. В якутских мальчиках с детства воспитывают презрение к женскому труду.

Молодой хозяин греется чаем, затем начинаются расспросы. Наши якуты каждый раз с большим удовольствием рассказывают обо всех приключениях, и по знакомым якутским словам и по на-

званиям рек можно следить за рассказом. Затем называют наши имена — хозяева желают знать, как всех зовут; фамилии спрашивают редко.

Всем нам хочется продать здесь Рыжку или Чалку, чтобы не погубить их на дальнейшем пути. Федор хочет использовать ситуацию и предлагает за обоих 60 рублей. Наши якуты с жаром рассказывают, какие это были хорошие лошади, особенно воспевают былые подвиги Рыжки. У юноши горят глаза — иметь лошадь, которая кидается на людей, разве это не идеал наездника? И в конце концов мы сторговываемся за пару оленьих парок, унты и наколенники. Все это захватит Федор на обратном пути и отвезет в Сербее.

Два следующих дня мы идем по 2 кöса — по 15 *км* в день. На большее мы не рискуем. Еще переход через Индигирку; здесь в ней также полыньи и круглые дыры на водоворотах, в которых видно крутящуюся воду. На ночевке я тщетно стараюсь сбыть Чалку — никто не хочет брать. Хозяин сидит и обдирает зайцев, он их наловил штук десять, и, окоченелые, они лежат на жердях под потолком в самых забавных позах. Хозяин мрачен и угрюм, он и его брат в своих оборванных кожаных парках похожи на средневековых крестьян с гравюры Дюрера.

Второй короткий переход — до устья р. Кюёнтя, это большой левый приток Индигирки, который принимает в себя многоводную Брюнгаде и ряд других рек с юга. Кюёнтя еще не стала, повидимому часть воды идет по галечникам и не успевает замерзнуть. К тому же течение быстрое.

У реки широкие забереги. Мы идем вдоль них, ища брода. Часть табуна подходит напиться, лед подламывается и все оказываются в воде. Одна из лошадей, «большой Серко» Михаила, уже сильно истощенная, не может подняться, и ее вместе со льдом относит вниз. Кое-как ей удается выкарабкаться.

Иннокентий храбро едет в ледяную воду в поисках брода. У заберега того берега воды по грудь — не вылезть. Наконец, брод найден. Но трудно заставить лошадей пройти заберег. Многие из них падают на скользком льду, и слабые не могут встать. Поднимаем их, но они снова падают. Особенно много возни с мокрым Серко и с Чалкой, они совсем не стоят на ногах.

Теперь проводим их через плывущее сало. Конь Салищева испуган салом и пятится все дальше и дальше вниз по реке. У того берега нужны новые усилия, чтобы заставить лошадей вскочить

на скользкий заберег. Чалка не в силах — она падает в воду у края заберега, мы выволакиваем ее на лед, затем тащим по льду до гальки. Здесь ее надо поставить на ноги, но только подложив под зад бревно, удается ее поднять.

Пройдя шагов сто, она снова падает, уже на гальке. Тщетно мы пробуем поставить ее, она падает как резиновый чортик, из которого выпущен воздух. На ней совсем нет жира — кожа обтягивает кости и тощие остатки мускулов. Наконец, мы подсовы-

После брода через р. Кюёнтя поднимают Чалку.

ваем под передние ноги кусок брезента, под задние бревно, и почти несем ее. Она грузно лежит на подхватах, и только царапает ногами за почву. На гальке она наконец начинает итти, но встречаются одна за другой две протоки, покрытые льдом, и снова приходится переносить ее; мы выбрасываем бревно, двое поднимают брезент, один закручивает хвост себе на шею, четвертый тащит за голову. У Чалки в глазах — тупой ужас.

Дотаскиваем ее таким манером до лужка на острове, и здесь оставляем. Следовало бы тащить дальше — Чалка еще мокрая и может замерзнуть, — но сама она не дойдет, а нести на себе слишком тяжело. Вечером, приехав в юрту, посылаем Чалке сена; на утро посланный находит ее уже мертвой, замерзшей.

Читатель пожалуй заинтересуется, зачем мы так упорно тащили несчастного коня? Во-первых, это был наш спутник — и хотелось спасти его от смерти, а во-вторых, это была ценность в 50 — 60, на худой конец в 30 рублей; чтобы добраться обратно в Якутск, надо сохранить свой обменный фонд.

На устье Кюёнтя мы ночуем в урочище Мойнобут в богатой юрте. Прежде всего поражает, что при юрте нет хотона. Борьба за отделение хотона от юрты ведется сейчас в Якутии с большой энергией, везде в школах развешаны плакаты, доказывающие необходимость постройки отдельного хлева, но в Оймеконе мы видели отделение хотона только у двух-трех богачей. И неожиданный результат — здесь отделяют хотон от юрты хозяина, чтобы присоединить его к рядом стоящей юрте рабочих.

Юрта в Мойнобут снаружи до половины забрана деревом, у входа крыльцо; когда вы входите внутрь — перед вами настоящая комната: хорошо вымытый пол, большие столы, чистые белые стены и потолок. Камин, отодвинутый к краю, двойной — одна ниша к господам, другая — к кухонной половине. Хозяйская нара превратилась в отдельную комнату за перегородкой.

Хозяина нет дома, нас принимает хозяйка, бойкая и словоохотливая пухлая женщина, которая, председательствуя за столом, говорит больше всех. Старинные правила поведения здесь уже уступили место новому быту. Сыновья ездят учиться в школу, в Крес-хальджай, — там считается лучше, чем в Оймеконе, где только один учитель.

Здесь уже неудобно готовить свой обед — нас угощают. Сначала неизменный чай с лепешками, белыми и черными и даже печеньем; топленое масло, в которое макают лепешки, хаяк и сахар. Наши якуты держат себя с большим достоинством, — удивительно, как в своем глухом наслеге могли Яков или Иннокентий усвоить так твердо правила хорошего тона.

Обед готовят роскошный — даже наша сторона камина заставлена котлами. Перед обедом Конон дипломатично передает мне, что хозяйка осведомлена о нашем запасе спирта, и приходится раскошелиться на угощение, хотя я и берегу спирт для предстоящей закупки теплых вещей.

Перед обедом хозяйка наливает в маленький серебряный бокальчик водку и подносит по старшинству — в том же порядке почетности, как мы располагаемся на нарах на ночь. Затем следует мясо из супа, не совсем доваренное, как всегда у якутов,

к нему дают вилки, — ножи должны быть у всякого человека на поясе, без хорошего ножа немыслимо пускаться в путь. За мясом подают суп, затем еще суп — молочный, с какой-то гнусной травой, по вкусу похожей на полынь, с исключительным количеством жестких стеблей. Это — национальное оймеконское блюдо; кроме него из овощей здесь есть только желтые коренья, которые называют дикой морковью. Четвертое блюдо — рисовая каша, слегка заправленная молоком. После обеда — снова чай с хаяком.

Долгий вечер проводим, сидя на нарах и глядя в огонь. Здесь совсем другое освещение, чем в простых юртах. Там — темный отблеск от выглаженных, потемневших от времени бревен, от буро-желтого потолка, здесь скорее похоже на избу норвежского крестьянина — очень чисто, просторно, тихо.

Утром, как только встаем, пьем чай, потом часа через два — суп с мясом: уехать не поев утром значит обидеть хозяина. После мяса — опять чай. Нужно проделать весь этот ритуал, как бы вы ни торопились. В крайнем случае можно отказаться от второго чая.

В Мойнобут я расспрашиваю о возможности нанять оленей в Якутск. Здесь слыхали, что я заказывал оленей Богатыреву, что я обещал быть к Покрову, слыхали даже, что богатый якут Неуструев ждет нас в Оймеконе, чтобы вместе с нами и со своей семьей ехать в Якутск. Мы должны все узнать в фактории Якторга в Оймеконе: Богатырев, уезжая, поручил заботу о нас заведующему факторией Евграфу Слепцову, это человек ученый, он позаботится обо всем. Говорят даже, что нам заказана теплая одежда.

Сколько в этом капсеканья и сколько правды? Я помню Кресхальджайские сплетни, и несколько сомневаюсь в добродетелях Неуструева, любезно нас ожидающего. Не новый ли это Иннокентий Сыромятников?

На устьи Кюёнтя — большое расширение, и вверх по реке идет полоса лугов. Индигирка выше Кюёнтя опять стеснена утесами, и дорога уходит в сторону, переваливая через высокую, 200-метровую террасу, которая перегораживает долину.

Сегодня нам предстоит пройти 25 километров, с двумя перевалами, и я несколько боюсь за лошадей, хотя самые слабые — Рыжка и Чалка — уже остались сзади.

Отстаю для осмотра обнажений, на этот раз с Кононом. Осмотр уже труден — ноги совершенно леденеют, руками тяжело

*

брать холодные камни — сегодня за тридцать мороза. Обязательно нужно теплую одежду.

Не дойдя до первого перевала, всего в 6 *км* от Мойнобут находим первую отставшую лошадь № 24. До сих пор она считалась не из слабых, но разложение нашей отступающей армии идет быстро. Возле лошади нас встречает юркий якут, в коричневом азяме и желтых высоких торбасах. Это — выходец из Баягантайского улуса, занимающийся в Оймеконе мелкой торговлей, как и все баягантайцы. Он услыхал уже, что мы едем, и полетел навстречу, — не удастся ли поживиться. Немедленно он предлагает

Оймеконская долина у Чангычаннаха.

обмен: коня на шубу. Шуба с ним, в сумах. Но я не решаюсь так понизить цены на лошадей — до сих пор эквивалент за плохую лошадь был две шубы и пара унтов. За серебряный рубль баягантаец соглашается отвести коня обратно в Мойнобут и передать его Якову Винокурову, с которым я сговорился о выкормке Чалки (утром я еще не знал, что Чалка сдохла).

С первой отставшей лошадью счастливо разделались и весело едем дальше, но с полдороги они стали попадаться пачками, и всё такие, которые до сих пор были в числе средних. Сначала одна, которую пробуем гнать дальше; потом на большом лугу — сразу две; соединив всех трех, тащим их около километра, то в поводу, то гоня впереди, но затем приходится бросить всех: не идут. Немного далее еще одна — большой Серко Михаила, его мы не решаемся тащить и отводим в сторону, на лучший корм. Наконец,

у под'ема на второй перевал — желтый конь с полосатыми ногами, купленный в партии горных коней, но который, как говорят, прошел туда с фальшивым паспортом, а на самом деле городской конь. Его мы тащим на перевал, но здесь в лесу он падает между деревьями и мы не можем его поднять.

В темноте выезжаем в большую долину — это и есть знаменитый Оймекон. Долина шириной километров 7 — 10, с большими лугами, с юго-запада округленные холмы, за Индигиркой на севере подмытые рекой склоны. Внизу у подножья террасы, — белые дымки юрт, в ближайшей из которых находим караван.

Иннокентия отправляю к желтому коню с охапкой сена — тот лежит ведь в лесу без корма, — но удается его довести до юрты.

На завтра мы опять днюем в юрте — в урочище Чангычаннах: надо собрать лошадей. Приводят всех, кроме большого Серко, — ночью он попал ногой в яму между кочками, сломал ногу и замерз. Хозяин юрты выпрашивает разрешение ободрать с него шкуру.

Пока выкармливаются лошади, опять наблюдаем жизнь якутской юрты. Эта еще беднее и грязнее, чем в Юддехе. Хозяин угрюмый человек, с черной бородой, резко выделяющей его среди почти безбородых сородичей. По лицу можно думать, что есть примесь русской крови, и что-то русское есть в лицах его детей.

В юрте один только стол, обычно их два, для гостей и для хозяев. Топят скудно, не так щедро подкидывают свежие поленья и ждут, пока они обуглятся, и в юрте часто становится темно. Но есть самодельные сальные свечи, которые зажигают к обеду.

В Чангычаннахе нас посещает еще один баягантаец — у него тоже есть шуба, «сангыях», и он хочет обменять ее на лошадь. Но я покупаю у него только стегно мяса и круг хаяка. Последний пополам с водой — что можно ждать от баягантайца? В патриархальном Оймеконе баягантаец — синоним жулика.

Опыт последнего перегона заставляет принять новый план дальнейшего продвижения. Из Чангычаннаха мы выступаем двумя партиями — связку слабых лошадей потихоньку ведет Иннокентий и заезжает среди дня в чью-нибудь юрту покормить лошадей и выпить дежурный чай. Ночуем в урочище Ют-урбыт («Молоко положено»), у бывшего учителя Оймеконской школы И. Слепцова. Это — снова богатая юрта, с полом и перегородками. На стенах фотографии хозяев, друзей, в том числе предисполкома Индигирского, в бравой позе. Рядом, рукой Слепцова написаны месяцы

по-якутски, и внизу подпись: «С подлинным верно И. Слепцов.» Есть книги, журналы, правда, двух-трехлетней давности. У хозяев есть даже фотография Черского с женой, подаренная их деверю самим путешественником.

С Слепцовым мы ведем долгие разговоры: его можно расспрашивать по-русски о многих географических деталях, которые наш Конон обычно перевирает в передаче. Кроме того, Конон становится все более самоуверен и важен и часто длинный рассказ якута сокращает до одной фразы, считая все остальное незначущими пустяками.

Трапезы идут в обычном порядке, и с парадным травяным супом к обеду. Но здесь дают даже ножи, перец, горчицу.

«Отступление» в долине Оймекона.

У Слепцова мы узнаем, что благодетельный Неуструев, ждущий нас в Оймеконе, в действительности является подрядчиком: он вместе с другим дойдунцем, Поповым, подрядился доставить нас через хребет. Дойдунец — это выходец из Дойду: так зовут в Оймеконе Лено-Алданскую область. «Дойду» по-якутски значит «вселенная»: глухой Оймекон видит, в самом деле, в Якутске средоточие вселенной.

Еще один переход, и мы будет в фактории Якторга, где ученый Евграф Слепцов нам все расскажет.

Читатель поражен, вероятно, однообразием фамилий Оймеконских жителей, но не надо забывать, что фамилии давались, главным образом, миссионерами при крещении. Им, вероятно, лень было выдумывать новые имена, да и не было достаточно вообра-

жения. Поэтому и здесь, да и в Якутии вообще, столько Поповых, Ивановых, Харитоновых, Винокуровых, Кривошапкиных, Слепцовых. Последняя фамилия об'ясняется, конечно, обилием больных глазами.

23-го, выезжая из Ют-урбыт, мы удостаиваемся видеть одного из наших подрядчиков, Харлампия Попова, по прозвищу Улар (глухарь). Он приезжает утром и пьет с нами чай. Это грузный человек, с толстой чувственной нижней губой и отталкивающим лицом. Он критически осматривает наших лошадей; затем мы видим его еще раз днем, он проскальзывает в стороне, мимо нашего каравана.

Фактория Якторга пока помещается в урочище Ебюгэ-кюёля («озеро предков») — это не селение, а опять-таки одна-две юрты. Исполком еще в 2 кёсах дальше.

Фактория снимает юрту у якута, и здесь помещается и канцелярия, и служащие, и сам хозяин. Амбар где-то в стороне в двух километрах. Заведующего еще нет, нас встречает только косноязычный приказчик и хозяйка юрты — красивая якутка с очень тонким интеллигентным лицом, задумчиво сидящая на табуретке у огня.

Приказчик дает какие-то уклончивые об'яснения — без начальства он боится сказать что-нибудь лишнее. Он якут, но приобрел лоск русской культуры и встречает по-русски: «рассказывайте».

Вечером является сам «ученый» Евграф, короткий, круглый якут, с маленькими усиками на упитанном личике. Он быстро вкатывается в юрту, в серой суконной куртке и пушистой песцовой шапке. Вместе с ним длинный, тощий человек, в щегольском пыжиковом пальто, — бухгалтер, тот самый, который так пострадал во время брода на Менкюле.

Вопреки якутскому обычаю — сначала поговорить часа два о посторонних вещах и потом перейти к делу — я сразу спрашиваю Слепцова об отправке в Якутск. Слишком долго — с самого Якутска — мне не давал спать этот вопрос, и я не в силах больше ждать. Слепцов не менее охотно об'ясняет мне: «Вот, от нечего делать, я взялся доставить вас в Крес-хальджай и заключил договор с Богатыревым». Он показывает мне два договора — первый между нарсудьей Богатыревым и Якторгом, второй между последним и подрядчиками Поповым и Неуструевым.

Слепцов с снисходительной улыбкой говорит: «Мы и так имеем

очень много хлопот, но нельзя не помочь экспедиции, мы всегда готовы содействовать научным работам». Я замечаю ему, что помощь эта гораздо выгоднее для подрядчиков (даже не для Якторга), чем для нас: вместо того чтобы гнать оленей, как обычно здесь бывает, порожняком до Крес-хальджая, подрядчики получат по 60 руб. за нарту; максимум груза на нарту обусловлен в 8 пудов, в то время как обычно кладут 10 — 12; езда по условию не быстрая (обязаны доставить в 20 дней, вместо обычных 12 — 15).

Слепцов возмущен: «Я и так берусь из любезности, мы охотно откажемся от подряда, нам от него одни только хлопоты. Попробуйте сами нанять оленей». Я спешу уверить Слепцова, что я очень благодарен ему за заботы и отлично знаю, что сам я дешевле не найму. Настроение в юрте убеждает меня, что здесь я встречу заговор для эксплуатации экспедиции не хуже Крес-хальджайского и что пока нужно быть осторожнее.

Действительно, Слепцов с большой поспешностью начинает наступление по главному пункту. Разговор переходит на лошадей:

«Да, видел я бедняжек. Много пришлось им перенести. По-моему вам прежде всего надо заняться их спешной ликвидацией».

Я предлагаю фактории купить всех лошадей. Слепцов отвечает саркастически: «Нет уж, я не рискну на такую операцию». На комиссию он склонен взять, но считает, что лошади очень плохи. Мы выходим с ним во двор, и он говорит: «Вот эти четыре не переживут нынешней ночи, эта тоже, эта тоже; вот эти никуда не годны, эти еще хуже, — у вас есть только одна хорошая лошадь». Я от удивления лишаюсь языка — как, лошади, которые шли беспрерывно 4 месяца, прошли 2 300 *км*, перевалили через множество хребтов и до сих пор еще в хорошем виде, — эти лошади плохи?

Но Слепцов с еще большим напором ведет наступление дальше:

«Проще всего вам продать лошадей сразу в одни руки. Здесь есть такие лица, которые могут купить всех. Развяжетесь, по крайней мере».

В юрте уже появился наш подрядчик — Харлампий Попов. Он греется у огня, в ожидании чая. Его и еще одного якута (последнего — для декорации, повидимому) приглашают за занавеску. Я сообщаю им свои цены — 100 руб. за плохую лошадь, 150 за среднюю, 200 за хорошую (не надо сразу снижать цены, к тому же я слышал, что к весне в Оймеконе лошадь стоит 300 — 400 рублей).

На хищном лице Попова улыбка удовольствия. Он ласково об'ясняет мне, что прокормить до весны лошадь стоит сто рублей, что половина наших лошадей за зиму сдохнет, и поэтому он даст мне на круг по 55 руб. за лошадь — и это окончательная цена. По 55 руб. — это за 26 лошадей составит около 1 400 рублей, а ему за оленей придется уплатить больше 1 200 руб. Я за самых плохих лошадей на Эльги выручал по 70 — 80 руб.! И я отказываюсь от переговоров.

Слепцов отзывает меня во двор и настойчиво советует уступить всех лошадей по 70 руб. Я попрежнему тверд, но в душе скребут кошки: мне Конон сообщил на ухо, что здесь все в руках Харлампия, что если мы ему не продадим, никто не решится перебивать у него, что сено Слепцов отпустил плохое и мало, что в церковном районе сена нет.

Между тем, я веду переговоры с Поповым о перевозке нас в Крес-хальджай. По договору он должен подать оленей на Михайлов день (21 ноября) и взять нас в церковном районе Оймекона (Крес-томтор). Я пытаюсь его уговорить, чтобы он подал оленей раньше, и в Сербее, а не сюда. Но он твердо стоит на договоре: раньше Михайлова дня все равно снега мало, а в Сербее ему не по пути — по северной Оймеконской тропе ехать нельзя: «Вы сами сожгли лес, теперь на 200 верст нет оленьего корма». — Кто видел? — «Люди рассказывают». Что мы сожгли, это конечно верно, но вряд ли по той дороге нельзя проехать — пожар захватил отдельные участки, к тому же на летней, а не на зимней дороге. Нам это крайне неприятно — Салищеву очень нужно проехать через старые астрономические пункты, чтобы улучшить наблюдения, разбив ненормально-длинный рейс на короткие звенья; сам я хотел проехать по южной тропе. Но Попова нельзя переубедить — он видит здесь новый источник наживы. За триста рублей он согласен перевести наших с Эльги — даже не в Оймекон, а прямо на южную зимнюю дорогу.

Но я хочу сделать смелый удар ва-банк и, пока тая свои планы, отказываюсь от предложения Попова. Мне Конон уже шепнул, что проводник Федор не прочь взять подряд на перевозку с Эльги до Оймекона.

Вечерний чай проходит в тяжелом напряжении. Мы сидим между врагами, которые готовы накинуться на караван с криком «сарынь на кичку», а пока угощают нас превосходным хаяком.

Один только бухгалтер необычайно оживлен. Он хочет сразу

выложить перед свежими людьми все, что у него накопилось за три месяца... В торжественном ходе якутской трапезы, отягченном к тому же взаимным недоверием и ожиданием какого-то взрыва, он кажется чем-то крайне неприличным, клоуном на похоронах. Наши якуты перемигиваются. Бухгалтер не оставляет своим вниманием и работницу-якутку, разливающую чай. Это — прислуга фактории, красавица, но по-иному, чем хозяйка, в духе красивой средне-русской крестьянки, с вздернутым носом и полымем щек. Ей аффишированное ухаживание нравится, и она подает смелые реплики.

После чая я перехожу к наступлению. С любезной улыбкой говорю Слепцову, что забота о продаже наших лошадей причинит ему видимо очень много хлопот, поэтому завтра же утром я уведу их в церковный район. Слепцов сразу меняется в лице и лепечет, потеряв свой самоуверенный тон: «Это невозможно, там нет сена». И затем старается представить мне радужные перспективы комиссионной продажи через Якторг.

Второй удар — я нанимаю Федора, нашего проводника, доставить груз и людей из Сербее в Оймекон. Федор за время дороги оценил достоинства Мышки, и хочет взять его в уплату за доставку. Кроме того он покупает одного из плохих коней.

Утром еще маленькое развлечение — Харлампий Попов с видом благодетеля предлагает продать ему десять самых плохих лошадей по моему выбору. Мы выстраиваем их на дворе и Попов дает на круг по 50 руб. Это лучше вчерашнего, но все еще мало, — я рассчитываю, что только четыре из этих десяти совсем плохи. После долгой торговли сделка опять расстраивается. Попов отходит с таким видом, который ясно говорит: «Ну, от меня вы все равно не уйдете», и уезжает домой, как я узнал после, играть на понижение курса наших лошадей, чтобы перед нашим от'ездом купить их за бесценок. Но я пока держусь повышательных тенденций и покупателям, желающим купить отдельных лучших лошадей, я называю высокие цены. Ученый Евграф Слепцов говорит мне: «Все равно у вас лошади передохнут», — я любезно отвечаю: «Пускай, я составлю акт. Для меня удобнее, чтобы они все сдохли, чем продать их за бесценок в одни руки, да еще крупному кулаку». Евграф и ухом не ведет.

Когда мы уезжаем, Евграфу делается обидно — неужели из-за Попова упустить таких превосходных лошадей, и он вымаливает отдать для фактории двух из хороших лошадей по 140 руб. Это

уже совсем другие песни, и для почина, «из уважения к Якторгу», как я говорю Евграфу, я отдаю этих лошадей. Через некоторое время они, конечно, оказываются во владении не Якторга, а одного богатого якута.

Я имею удовольствие бросить, уезжая, кость раздора между друзьями — Харлампием и Евграфом. Харлампию я продал по сходной цене ханки, брошенные нами за ненадобностью на устьи Эльги. Сначала я предлагал их Евграфу, но он отказался от них, как от рухляди. Теперь на вьючных лошадях он видит, что ханки исправны, и кусает себе губы от обиды: упустить как раз то, что ему необходимо. Я предлагаю им устроить торги — кто больше даст: последняя парфянская стрела.

Оймекон уже не в первый раз пользуется случаем, чтобы поправить свои дела за счет экспедиций. Когда в 1891 г. Черский собирался ехать в экспедицию на Колыму, он заказал лошадей через якутского губернатора. В то время лучшая лошадь стоила в Якутске 50 — 60 рублей, но тем не менее доставка экспедиции была поручена казенному подрядчику, жителю Оймекона, Николаю Кривошапкину, по 100 рублей с лошади.

Как мне рассказывали в Оймеконе, Черский был так возмущен этой изумительной ценой, что заставил Кривошапкина пожертвовать 700 рублей на приюты. Если не правда, то хорошо придумано, — во всяком случае, золотые часы от императрицы Марии за пожертвование Кривошапкин получил.

До церковного района еще 17 *км*. Проходим хорошо, один только желтый конь отстает на полдороге. Заезжаю на пути в факторию Дальгосторга, она стоит на отлете, одна в лесу. Здесь меня встречают совсем по-иному, чем в Якторге: никто не хаит лошадей, наоборот, изумляются их выносливости. Я заехал на 20 минут, и приходится пробыть два часа, отведать все угощения — и жареные пирожки, и американские галеты, и конфекты, и якутский крем — сбитые сливки с брусникой. Против всего этого трудно устоять. Служащих в фактории трое — заведующий, молодой человек, загнанный сюда из Владивостока, очень скучающий и скрашивающий свои дни фотографией. Приказчик — пожилой якут, и делопроизводитель — бывший оймеконский священник, рубаха-парень, несмотря на свой возраст. Он должен был уйти из священников по требованию совета прихожан в 1918 г. — не из-за контрреволюции, но из-за слишком веселого нрава. Поступки, которые ему инкриминируются, по своему остроумию поспорят

с новеллами Бокаччио, и удивительно, как в такой глуши мог созреть столь затейливый человек. Сейчас ему можно поставить в вину только слишком большую склонность к восторженному освещению фактов.

Прослушав граммофон — несколько пластинок (Бим-Бом и попурри из опер) — и сговорившись о выдаче нам необходимых товаров, благополучно отбываю в сопровождении приказчика Якторга. Он откомандирован с нами в церковный район, чтобы по возможности не упустить какую-нибудь выгодную сделку.

Долго мы едем с приказчиком в темноте по занесенным снегом лугам. Высовывается белый стог и опять пропадает. Приказчик едет без остановки якутской рысцой: трюх-трюх; ему хорошо — у него теплые унты. А у меня в сапогах деревенеют ноги.

Показываются черные силуэты церквей, в'езжаем в изгородь больницы. Здесь мы ночуем сегодня. Странно войти в русский дом, увидать комнату, ярко освещенную керосиновой лампой, увидать сразу несколько русских лиц, шумящий самовар, полку с книгами.

X. ОЙМЕКОН

Кто-то важно поставил госпожу печку, связавши ее тальником, как вытянутыми спинными жилами, обмазавши черной глиной, в шесть аршин. Это была четвероугольная прозрачная печь с открытой трубой, мгновенно сверкающей искрой, с теряющимся дымом и с белым шестком, как восьмипоясное поле. Тут были поставлены семь лесин, вывороченных с корнями. Он затопил их, и они шумно горели семь дней и ночей.

(Из якутских сказок.)

Здесь каждый день мороз за шестьдесят,
Дыханья замерзающего шорох.

Церковный район Оймекона (или Крес-томтор, по-якутски) состоит из двух деревянных церквей, юрты священника, большого здания школы, больницы, дома судьи и четырех или пяти юрт местных жителей. По-здешнему — большое поселение: одних русских 8 человек.

Здание школы, где нас поместили, с тремя классами, но в одном пока помещается кооператив, в другом — изба-читальня, которую очистили для нас, и только в третьем учатся. Групп четыре, но учитель один, и ему одновременно приходится учить и самых маленьких, которые учат всё по-якутски, и старший возраст, которому должны преподавать всё по-русски. Раньше, до революции, в Оймеконе была церковно-приходская школа, в которую из Якутска присылали учителя, не знающего якутского языка, и он должен был обучать детей, не знающих ни слова по-русски: все преподавание велось тогда на русском языке. Следов этой учебы не заметно — знают немного по-русски только молодые, кончившие советскую школу.

Учеников 24, от малюсеньких хорошеньких детей до неуклюжих юношей. Пока в школу могут посылать детей только состоятельные родители — нужно содержать ребенка в церковном районе, а это в якутском хозяйстве тяжелый расход. Со временем будет устроен бесплатный пансион при школе, и тогда, конечно,

число школьников сразу возрастет. Пока же самый культурный здесь — школьный сторож, у которого учатся четверо детей.

Все утро за перегородкой слышно, как повторяют младшие дети склады, а старшие в сотый раз бьются над стихами: «Вышел на крылечко дедушка Федот», или учат месяцы: «феврал, март, апрел, июл», с ужасно жестким выговором. В переменах они возятся в коридоре и стараются заглянуть в щель нашей двери. Особенно забавен маленький тунгус-сирота, сын убитого во время восстания повстанца-тунгуса, которого привез в школу судья Богатырев.

Прошлое Оймекона богато восстаниями. По местному крылатому выражению «в Оймеконе бывает восстание, когда привозят новый товар», — и действительно все перевороты этих лет сопровождались здесь разграблением лавок. Мне много рассказывали о последнем тунгусском восстании, — трудно отличить, где правда, где вымысел, но история занятная.

Зимой 1924/25 г. в районе Оймекона и Охотского тракта восстают тунгусы. Они двигаются на Охотск, захватывают вблизи города крупную факторию какой-то дальневосточной организации; туда подается хорошо оборудованный коммерческий олений транспорт, и на сто тысяч рублей товара вывозится вглубь страны.

В это время в Оймеконе происходят следующие события: из Колымска перед этим приходит карательный отряд под начальством Светица. Отряд этот был послан, по просьбе якутского правительства, из Владивостока на Колыму для ликвидации там остатков белых банд. Восстановив советскую власть на Колыме, отряд двинулся на Якутск двумя путями — через низовья Индигирки на Верхоянск, и через Оймекон. Первая партия была уничтожена в Абые (на Индигирке), и два пленника, которых они вели, встали во главе местной организации и, как говорят, остались у власти и до сих пор, хотя Абый и признал позже советскую власть. Поэтому Абый имеет теперь очень оригинальное правление и советские работники об'езжают его за тысячу верст.

Оймеконский отряд Светица хотел пройти на Охотск, но там уже были отряды тунгусов, и Светиц двинулся в Якутск. На Брюнгаде отряд попал в засаду, Светиц и часть людей были убиты, остальные захвачены и привезены в Оймекон, куда переехал и штаб тунгусского восстания. Из двух пленников, привезенных с Колымы — это все были белые офицеры, — один вошел в штаб. Лавки в Оймеконе были, конечно, разграблены — что облегчилось, например, тем, что приказчик одной лавки был в то же время завхозом штаба.

Самое забавное во всей этой истории то, что все тунгусы являются должниками и пастухами богатых якутов и, как говорят, все товары были доставлены последним. В штабе даже принимали участие какие-то якуты.

Когда все товары были разграблены, восстание легко удалось ликвидировать, хотя и были выставлены многочисленные политические требования — о самоопределении тунгусов. И тунгусы весной 1925 г. вернулись к своим — вернее к чужим — стадам. Геолог Харитонов, во время своей поездки 1925 г., еще встречал остатки тунгусских банд, и ему удалось убедить их, что советская

Оймекон. Церковный район.

власть не собирается притеснять тунгусов, — повидимому слухами о грядущих притеснениях удалось поднять тунгусов, вообще очень доверчивых.

В Оймеконе почти все экономическое влияние находится в руках десятка дойдунцев, появившихся здесь во время гражданской войны, несколько лет назад. Семьи их остались на Алдане, и сами они часто не имеют своих юрт. Они являются посредниками в торговле между факториями и тунгусами, а также и далеко живущими якутами, и фактически сделались повелителями целых районов. Например, тунгусы Охотского побережья еще недавно владели собственными стадами, теперь по большей части олени уже принадлежат якутам. Наиболее крупные из этих дельцов — наши подрядчики Харлампий Попов и Павел Неуструев. В их руках, кроме торговли, сосредоточен и почти весь крупный транспорт. У них больше тысячи оленей, которые энергично оборачиваются всю зиму — возят грузы Якторга и Дальгосторга из

Охотска и Крес-хальджая в Оймекон, и из последнего вниз по Индигирке до Абыя, и даже на Верхоянск — Усть-Янск.

Неуструев посетил нас через несколько дней. Это человек совсем другой, чем Попов, с холодным и решительным лицом. Он кончил реальное в Якутске, говорит спокойно и сдержанно и по своим манерам и достоинству похож на английского лорда, только его матовое лицо слишком скуласто. Народная молва обвиняет его в деятельном, — но тайном — участии в тунгусском восстании и сложных военно-коммерческих операциях того времени. Если компаньоны не споткнутся, то им предстоит большая будущность — эта пара превосходна по своему хищническому облику.

Местное население смотрит с изумлением и негодованием на быстрое обогащение пришлых. Но среди оймеконцев еще мало ловких дельцов. Вероятно Федор, наш проводник, развернется в крупного хищника, и кто-нибудь из молодых; но пожилые слишком привыкли к патриархальной жизни старого Оймекона, к безнадежной кредитной системе, где все друг другу должны и никогда не расплачиваются до конца.

Здешние богачи все очень мелкого масштаба. Черский пишет, что в его время в Оймеконе были владельцы стад в 500 голов, но теперь самый большой богач владеет сотней голов, включая телят и жеребят. При том низком качестве коров, о котором я уже писал (бутылка молока в день летом), 20 — 40 коров — это только ведро-два, и такой богач равен среднему сибирскому крестьянину.

Хороши по своей выносливости местные лошади, — говорят, еще выносливее, чем верхоянские; у тех здесь будто бы замерзает зимой голова.

Лошадей иногда используют для транспорта: возят летом спешные грузы из Крес-хальджая и осенью из Охотска. Последние годы и оймеконцы стали заводить своих оленей и держать их у должников-тунгусов и зимой возить на них грузы для факторий, но все это стада по несколько десятков голов и серьезной конкуренции дойдунцам не представляют.

На иждивении улуса находится сейчас много разорившихся — «итимни». Разорились они за годы гражданской войны, благодаря гибели скота. Богатым приходится держать их у себя в качестве работников, не всегда с пользой для дома. Другие итимни сохраняют еще свой дом, но все время побираются. В таких глухих местах, как Оймекон, естественно улус должен помогать беднякам, так как помощи ждать неоткуда. Местный священник гово-

рил мне, что нищета в некоторых семьях поистине ужасающая. Во время раз'ездов по приходу (приход, конечно, колоссален: он захватывает даже верховья Колымы, и вниз по Индигирке за Неру) ему случалось, отдав все свои запасы, сидеть зимой вместе с якутами по 3-4 дня в ожидании, пока в петлю заскочит заяц. Все это время пьют только пустой чай, даже не чай (на него также нет денег), но настой из травы.

Кроме мяса зайцев и домашнего скота, основная пища это «тар». Тар — кислое молоко, которое все лето сливается в ушаты или в берестяные чаны. Молоко предварительно, до закваски, кипятят. В чанах тар держат до зимы и затем замораживают его в больших формах. Последние лепят из навоза, снутри замазывая снегом, чтобы тар не касался формы. Потом большие плиты тара держат в амбаре, вместе с кругами молока и хаяка. В жидкий тар часто бросают разные остатки — хрящи, кости, корки хлеба, коренья: все это растворяется в молочной кислоте. Из тара готовят похлебку, с примесью небольшого количества муки.

Хлеб в Оймеконе очень дорог — ржаная мука 14 рублей пуд, крупчатка 20 — 22. Едят ее только богачи. Цена ее зависит от стоимости доставки — зимний транспорт на оленях от Крес-хальджая 6 р. с пуда, сюда прибавляется доставка из Якутска до Крес-хальджая, и из Иркутска до Якутска. Дешевле товары, привезенные из Охотска — здесь всего 6 руб. за пуд оленного пути, а цена морского транспорта ничтожна. Летом доставка пуда груза из Охотска обходится в 15 руб. и везут только ценные и срочные товары.

Дальгосторг привозит товар только из Охотска, Якторг также начинает переходить на этот путь. Но пока Дальгосторг имеет возможность выпускать товары дешевле, — например, крупчатка у него по 14 руб. пуд, правда, в небольшом количестве.

Дальгосторг на Индигирке представляет более живую организацию, чем Якторг. Он организует доставку грузов вплоть до низовий, осуществил сплав двух паровозков, о котором я писал выше. Повидимому, и на Колыме Дальгостор забивает Якторг. Обе организации жестоко конкурирует друг с другом и готовы подраться из-за каждой шкурки белки.

Положение с пушниной в Оймеконе далеко не удовлетворительное. Когда-то оймеконская белка славилась, сейчас ее очень мало, другого пушного зверя — также, и оймеконские якуты почти не охотятся. Большую часть пушнины они получают от тунгусов

в обмен на товары. Здесь есть лисицы — простые и реже сиводушки, — медведи, волки, горностаи, тарбаганы, рыси, лоси, дикие олени и проч. Очень высоко ценится волк, его очень мало, и это очень теплый мех. Его совсем не сдают в фактории; мало сдают и зайцев, потому что этот демократический мех котируется здесь (так же как и волк) вдвое выше приемочных цен.

Знатоки оценивают всю пушную торговлю Индигирки в 100 тыс. руб., из которых 70 тыс. падает на песцов низовой тундры.

Сейчас в Оймеконе нет ни предисполкома Индигирского, ни судьи Богатырева. Судья уехал вместе с начальником милиции — он же единственный милиционер — в Сеймчан, селение в верховьях Индигирки, в 60 кёсах (500 *км*) на восток. Вся верхняя Колыма входит в Оймеконский улус; всего в нем жителей 2 500 человек, из которых 1 200 в двух наслегах собственно Оймекона и 500 — по Нере и в Тарын-юряхе. Всем улусным властям приходится делать концы по 500 *км* при об'езде улуса, и судья, уехав осенью, не вернулся еще к декабрю.

Предисполкома уехал летом в Якутск, и до сих пор о нем ничего не слышно. Только в конце ноября последние путники, приехавшие верхом из Якутска, сообщили, что Индигирский арестован, ему пред'явлено обвинение в раздаче, во время одного из восстаний, населению товара из лавки «Холбоса» на 18 000 руб. (он был в то время одновременно и уполномоченным Холбоса). Вместо него посылают, как передают, нового председателя — на этот раз назначенного — инструктора по выборной кампании, избача и агента угрозыска. Оймекон в трепете — в первый раз за все время он почувствовал влияние центральной власти. В Якутске хорошо знают про оригинальный режим Оймекона, где всё фактически в руках нескольких кулаков, но включить Оймекон в сферу своего влияния не так-то просто. Ведь только путем широкой амнистии удалось справиться с белыми и тунгусскими шайками, прятавшимися в горах, где их не мог победить ни один карательный отряд. До сих пор представителем центральной власти в Оймеконе был только судья-коммунист, присланный из Якутска. Второй партийный — его секретарь, комсомолец: вот и вся ячейка.

Позже мы узнали, что Индигирский бежал из Якутска. Куда он делся, я не знаю, но от него можно еще ожидать многого — недаром он был бессменным председателем исполкома в течение семи лет, и при красных, и при белых.

К нам Оймеконский исполком отнесся с большим вниманием, и все просьбы экспедиции были предупредительно исполнены. Если исключить тягостную атмосферу Якторговской фактории, то от Оймекона у нас остались приятные воспоминания как о тихом, патриархальном, сонном уголке.

Первые две недели в Оймеконе я провел в очень оживленной деятельности: надо было заготовить теплую одежду, продукты и продать лошадей. В первое же утро по прибытии я продал четырех худших лошадей по 40 — 50 руб. и, главное, в обмен получил сено для остальных коней. В тот же день прошли еще две средних и две хороших лошади, — последние по 150 руб., и настроение рынка сразу изменилось. Первыми стали покупать члены исполкома и другие оймеконцы, которые, в пику Попову, не хотели, чтобы ему дешево достались хорошие лошади. Попов до конца вел агитацию против нас и лично не купил ни одной лошади (если только не было подставных покупателей). Неуструев же к концу попросил продать ему одну лошадь среднего качества, так что, ясно, враги экспедиции были разбиты.

К концу двух недель все лошади были распроданы по хорошим ценам. Если учесть погибших, то в среднем 4 месяца работы каждой лошади обошлись мне около 75 рублей, а в Якутске просили за наемных лошадей по 50 руб. в месяц.

За лошадей мне очень редко давали деньги — в Оймеконе было не больше тысячи рублей, из которых шестьсот прошли через мои руки; приходилось брать пушнину, шубы, унты, шапки, рукавицы, оленьи шкуры, мясо, молоко, хаяк. Даже за стирку и починку белья мы расплачивались лошадьми: школьный сторож тоже купил одну. На большую сумму принял дебиторов Якторг: купив у нас лошадей, дебитор обязывался уплатить фактории пушниной, и эти суммы шли на уплату за наш олений транспорт.

Мне при этой торговле пришлось познакомиться со всеми сортами белки и песцов, причем я, конечно, принял худшие сорта за лучшие, синяков за рослых песцов, подпаль за выходную белку.

Теплые вещи для рабочих я собрал по частям, нам же четверым Богатырев заказал четыре лучших комплекта одному оборотистому дойдунцу. Каждый из нас получил пару унтов (из камасов или из ровдуги, нечто вроде оленьей замши); пару оленьих чулок, одевающихся внутрь унтов; пару заячьих рукавиц, штаны — «ыстан» — из пыжика, пыжиковую шапку тунгусского образца, в виде чепчика, и шубу. Мои спутники получили пыжиковые шубы

*

русского образца, в виде дох, а я выбрал кухлянку, это — шуба без переднего разреза, с капюшоном, одевающаяся сверху, через голову. Эта кухлянка была с ровдужным верхом, снутри на оленьем меху; капюшон обшит волчьим мехом. Обычно кухлянки бывают и снаружи меховые, но ровдуга лучше при мокром снеге. В этой кухлянке я походил на рождественского деда; у остальных вид был гораздо более достойный.

В Оймеконе едят настоящий хлеб — жена фельдшера и матушка пекут хлеб и разные замечательные печенья. Нам отпустили из кооператива 14 пуд. муки, и я обратил их в хлеб и сухари. Какое удовольствие после нескольких месяцев лепешек!

Заготовку теплой одежды я форсирую, чтобы успеть доставить ее на устье Эльги к 12 — 14 ноября. Иначе, как поедут наши в Оймекон? Морозы с каждым днем крепчают.

В первые же дни по прибытии Салищев ведет астрономические определения возле школы, и я помогаю ему. Еще нет теплой одежды, а по ночам за 30°, и нам приходится очень солоно, особенно Салищеву, который не может вытерпеть больше 15 — 20 минут работы с холодным инструментом, — металлические винты совершенно замораживают руки.

Приходится растянуть наблюдения на три ночи. Зато мы имеем возможность любоваться каждую ночь северным сиянием, оно перекатывается по небу классическими складками, как свернутая занавеска. «Юкагирский огонь» — якутское название северного сияния; якуты увидели его, придя на север в страну юкагир. Здесь оно страшно — кругом тишина, нет ветра (в Оймеконе его почти не бывает), все спокойно и безмолвно. И это причудливое пламя, которое, извиваясь, движется по небу.

В Оймеконе зимой не только почти нет ветра, но нет почти и осадков. За месяц, что мы были там, снежный покров увеличился не больше чем на 2 сантиметра. Небо то сияющее, то затянутое легкой дымкой или серым туманом, из которого падает легкий снег в виде пыли.

И это неудивительно, Оймекон закрыт от ветров и приноса влаги со всех сторон высокими хребтами. Эти же барьеры, в связи с значительной высотой (около 650 *м* над уровнем моря), создают и чрезвычайно низкие температуры. Уже с 10 ноября у нас замерз ртутный барометр (не предполагая оставаться на зиму, я не брал спиртовых), и температура даже днем держится все время ниже 40° Цельсия. Только в конце ноября (22 — 25-го) наступает отте-

пель, когда днем температура поднимается до 30°. По некоторым об'ективным признакам надо думать, что по ночам уже в ноябре температура ниже 50°.

Между тем на полюсе холода, в Верхоянске, средняя температура ниже 30° держится с 6 ноября, а ниже 40° — только с 22 ноября. Повидимому Оймекон является соперником Верхоянска на звание полюса холода, и было бы важно организовать здесь метеорологическую станцию. Во всяком случае, холодная область должна быть вытянута значительно на юго-восток от Верхоянска.

7 ноября мы присутствуем в школе при праздновании дня революции. Ученики поют якутские песни — хором и в одиночку, читают стихи. Учитель и фельдшер говорят речи, но публики, кроме учеников и наших рабочих, почти нет. Другое дело, если бы давали спектакль, как в прошлые годы. Из детей особенно мила дочка сторожа, которая с хитрой рожицей, страшно конфузясь, читает какие-то стихи, вероятно про птичку божию. Мальчишки более решительны — они поют комсомольские песни нарочито грубыми голосами. В больнице иллюминация — все окна в разноцветных огнях. Как переменились времена — предыдущий посетитель этих мест, ссыльный поляк Черский, в Верхне-Колымске праздновал высочайшее тезоименитство вывешиванием флагов и исполнением гимна на губной гармонике.

8-го отправляю теплую одежду на устье Эльги. Чтобы из-за нее не поссорились, — сидя целый месяц в избушке, наши робинзоны наверное изрядно надоели друг другу, — я составляю точный список, что кому предназначено. Вместе с одеждой посылаю гостинцы — хлеб, табак и конфекты.

В тот же день еду в Дальгосторг, в гости, все дела кончены, а в факторию приехал из Охотска заведующий Дальгосторга с женой, и у них есть газеты из Владивостока от начала сентября. В Оймекон они приехали верхом, в конце октября, с транспортом груза. Вид у них совсем другой, чем у нас, в наших рваных полушубках и холодных сапогах: на них надето столько мехов, что сами они не в состоянии влезть на лошадь, взбираются на пенек, а оттуда их подсаживает проводник. Особенно хороша охотская кухлянка на даме — бархатистый темный пыжик, с вшитым по подолу узором белого меха.

Отсюда они должны ехать или на Абый-Средне-Колымск, или на Сеймчан: в задачи заведующего входит инспектирование факторий и сплава по Индигирке и Колыме. Поэтому им готовят

возки: на нарах ставят верх и снутри обивают шкурами. Вообще все их снаряжение не чета нашему — мне показывают спальный мешок (кукуль) из волчьих шкур, куртку на сборном меху из голов лисиц и песцов, в шахматном порядке; двойные рукавицы — рысь наружу, песец внутри.

В Дальгосторге мы проводим уютный вечер, а утром я еду назад. На завтра назначен мой выезд в верховья Индигирки, там есть горячий целебный источник, и по просьбе исполкома я еду его осмотреть и заодно сделать еще маршрут в 100 *км* и закончить исследование всего верхнего течения Индигирки. Таким образом будет сделано вдоль нее 550 — 600 *км* от порогов до истоков.

Со мной едет оймеконский фельдшер, Николай Филиппович Харитонов. По его инициативе организована эта поездка. Благодаря его настояниям исполком построил избу у источника и теперь дает «подводы» — трех лошадей и проводника — для поездки. Николай Филиппович в Оймеконе семь лет, им устроена здесь маленькая больница с двумя палатами, — отдельная для глазных, — и ванной. До этого он долго жил в Абые и Усть-Янске и устроил и там больницы. По своим манерам Николай Филиппович скорее напоминает доктора, чем фельдшера.

Утро десятого ноября, день нашего выезда, — на редкость морозное. Сегодня, ведь, окончательно замерзла ртуть. Над Куйдугуном, — большой приток Индигирки, вблизи которого расположены дома Крес-томтора, — стоит густой покров тумана, закрывающий горы. Это пар над незамерзшей рекой. От Крес-томтора отходит на юг широкая долина Куйдугуна, сходящаяся своими верховьями с Охотой — здесь идет дорога на Охотск. По Индигирке, уходящей отсюда на восток, к Колыме, идут дороги на Сеймчан и Оротук.

Нам подают мохнатых лошадей, мне темносерую, фельдшеру белую. На третьей — молодой парень Мичика Винокуров, брат члена исполкома, недавно привезший груз из Охотска. Фельдшер одет соответственно погоде, — сверх короткой шубы у него ровдужный верх от кухлянки, с капюшоном, на голове шапка из волчьих голов с рысьей оторочкой — на ней даже торчат волчьи уши. На шее боа из беличьих хвостов; это колымский шарф, на него идет два фунта — около двухсот хвостов. Он очень удобен тем, что заиндевевшее место можно сейчас же продвинуть назад.

Я решаюсь ехать в своем полушубке — в кухлянке не влезешь

на лошадь, но на ноги одеваю «ыстан» из белого камаса, и белые же унты — самый щегольский цвет по якутским понятиям. Верхний край унтов оторочен разноцветными полосками материи. Здесь не умеют делать красивых наборных унтов, но на севере, у оленных народов, унты бывают иногда изумительны по разнообразию рисунка, состоящего из чередования кусков белого и темно-коричневого камаса.

С места мы выезжаем якутской рысцой, 6 верст в час, и всю неделю, что длилась поездка, трусим этой «хлынью», как говорят в Сибири. Некоторые лошади этим аллюром могут вытрясти всю душу, но у моей, к счастью, рысца очень приятная.

Куйдугун еще не стал — на нем много мелких перекатов, вода циркулирует по галечникам и не успевает достаточно охладиться. Лошади очень не любят этих бродов при сильных морозах, да и всадники поджимают ноги: в обледеневших унтах долго не проедешь.

Кроме геологических наблюдений, я веду и маршрутную с'емку — Салищев остался с хронометрами в Оймеконе, их ведь нельзя оставить ни на один день. Первый опыт работы при температуре ниже 40° (сколько на самом деле — трудно сказать, но много) — оказывается печальным. Надо держать в голых руках медный компас, и после одной-двух засечек я не могу записать отсчета, не могу вложить компас в кожаную сумку на поясе, не могу застегнуть ее. Приходится просить Мичику о помощи. Руки за пять минут совсем замерзли, и я долго их растираю внутри рукавицы, пока пальцы снова не становятся мягкими. Рукавицы также не приспособлены для такой работы — они ординарные, заячьи, и рука в них выстывает во время езды. Лицо до глаз обернуто вязанным шарфом (я сделал пару их из фуфайки), шарф от дыхания быстро покрывается льдом, и ледяное жесткое забрало натирает все время кончик носа. Особенно страдает переносица, к которой прикасается оледенелый край.

Среди дня мы останавливаемся, чтобы погреться и напиться чаю у Байбала (Павла) Сыромятникова, нашего поставщика теплых вещей. Его самого нет дома, но нас радушно встречет его жена, очаровательная молодая женщина. У нее необычайно нервное и интеллигентное лицо; Николай Филиппович об'ясняет мне, что она недавно была психически больна.

Угощение достойно хозяйки: кроме хаяка нам дают замороженные топленые пенки; мне это лакомство показалось чудесным.

Возле юрты Сыромятникова — старинная часовня, существующая около 150 лет. Уйбан (Иван), дед или прадед его жены (он сам — дойдунец), вывез из гор с востока, за 500 *км*, слюду и сделал окна. Сейчас часовня уже разваливается, и окна пришлось вынуть. Кругом часовни — деревянные надгробные памятники. Повидимому, возле этой часовни, в урочище Сордонох, и определил широту 100 лет назад Матюшкин.

Путь все время по краю долины Индигирки. Там, за рекой, нестерпимо сияет белыми цепями хребет Тас-кыстабыт; это аль-

Древняя часовня в Сордонохе.

пийский хребет, идущий параллельно реке. Засыпанный снегом, он кажется маленьким и игрушечным, а ведь его вершины достигают 2 000 — 2 500 *м*. Цепи его гладкие, голые, ровно заснежены, впереди лесистая долина Индигирки с белыми пятнами озер и лугов. Нередко попадаются юрты.

Ночуем у члена исполкома, старика Готовцева. Для нашего приезда он специально натопил летнюю юрту, в окнах вставлены льдины, пол покрыт сеном. В юрте просторно и чисто.

Первым делом, входя в юрту, каждый снимает с себя рукавицы, сматывает мерзлую шаль (якуты носят не шарфы, но женские шерстяные шали) и постепенно разоблачается. Как приятно стоять перед «госпожей печкой» и прогревать у сильного огня руки, ноги, особенно спину, — якуты всегда поворачиваются

спиной к огню, даже поднимают рубашку, чтобы лучше прогреться. Хозяева предупредительно вешают мерзлую одежду на жерди под потолком, придвигают низенькие табуретки, у которых ножки не по углам, а посредине сторон.

Затем сейчас же чай. Чтобы согрелись ноги, надо выпить чашек пять, — тогда чувствуешь, как живительная теплота растекается по всему телу. Якуты считают долгом и перед выездом пить и есть побольше, и действительно, после еды не так холодно.

У Готовцева рядом зимняя юрта, в ней также гости, но не особенно почетные. Сам он с женой сидит все время с нами. Кроме

Зимняя поездка в верховья Индигирки. Фельдшер и Мичика у проруби.

того, тут же все время работник и работница. Нас кормят обедом — мне и фельдшеру на тарелку кладут по утке, по куску гуся и куску мяса, а Мичике только мясо. После поездки на морозе все это нетрудно уписать.

Наши об'едки забирает работница — у нее от трахомы ужасное красное вывороченное веко — и вместе с работником обсасывает кости. Вероятно они из тех «итимни», которых приходится содержать богатым якутам.

Вечер проводим у камина, и старик Готовцев расспрашивает меня о разных разностях — правда ли, что в Якутске будет летать аэроплан, о принципах советской государственности, почему — если советская власть поддерживает бедняков, — почему же сторожу в школе платят всего 20 рублей жалованья, когда мука здесь 14 руб. пуд, а мясо 15 — 17? Он также не может понять,

как это советская власть не велит держать батраков — куда же денутся бедняки в Оймеконе: кругом пустыня и другой работы они не найдут. Кроме того, семье из двух человек не по силам обслуживать юрту и скот — надо сливаться обязательно в большие семейные ячейки. На один камин в юрте надо в год 100 сажен дров, а он одинаково греет и двух человек и пятнадцать.

Готовцев еще много рассказывает про старину — он помнит экспедицию Черского, как тот с женой всем интересовались, всюду ходили, лазали в погреба, в амбары. Рассказывает, кто завез клопов в Оймекон — какой-то доктор, вместе с ватой; а один молодой якут, большой шутник и весельчак, стал разносить их по юртам для забавы. Некоторые приписывают честь завоза клопов Черскому.

Во время ночевок в юртах я не заметил ни клопов, ни блох. Якуты жалуются все же на них и днем держат постель на улице, чтобы выморозить паразитов.

Готовцев ждет, пока мы уляжемся. Мне кладут медвежью шкуру, более почетную, фельдшеру — оленью. Постели всякий путник возит с собой — это так же необходимо, как в Европе зубная щетка и ночная рубашка. И я в первый раз за все время везу за седлом якутские большие сумы с постелью, которые мешают ногам.

Старик подвигает мне табуретку, кладет на ночь к огню мои унты и, исполнив до конца долг гостеприимного хозяина, уходит, пожелав спокойной ночи. Работник еще остается, чтобы подбрасывать дрова в камин, пока не уснем. Часа в два или три утра он появляется снова и растапливает камин.

До сих пор, во время переезда с Эльги в Оймекон, о нас так не заботились, и утром на рассвете Конон кричал: «Товарис, уот отюн» (товарищ, огонь зажги) — самому неприлично заниматься такой работой.

Утром — полная программа трапез. И хотя мы едем все время рысцой, чаи нас так задерживают, что мы больше 30 — 35 *км* в день никак не можем проехать. На следующее утро, чтобы выехать раньше, встаем в 3 часа утра и все же выезжаем только в 7. А уехать без чая и мяса утром — жестоко обидеть хозяина.

На третий день пересекаем западную вершину Индигирки — Хастах; Индигирка слагается из трех вершин: вторая, средняя, — Кубалах, восточная собственно Индигирка. Среди местного населения не вполне твердо установилось название Индигирки, боль-

шинство называют ее просто «Большая река» — «Улахан юрях», в отличие от притоков. По указанию Сарычева, ее верховья, до слияния с Куйдугуном, назывались в XVIII веке «Омеконь»; еще и теперь некоторые туземцы считают, что Индигирка только вниз от Куйдугуна, а выше называют Хастахом.

С. Обручев в зимнем костюме.

За Хастахом вступаем в область плато высотой 800—900 *м*, с моренными озерами. И здесь был ледник, он спускался с гор левого берега, отрогов Колымского хребта, отделяющего Индигирку от бассейна Охотского моря. Горы эти гораздо ниже Тас-кыстабыта, который высится на севере, но лежат выше границы леса и медленно поднимаются к югу. Оледенение Тас-кыста-

быта было, наверно, значительно, и его ледники заполняли всю долину Индигирки.

Еще один раз ночуем в бедной юрте у озерка Санга-кюель; и на следующий день едем уже не по наезженной дороге, а по тропке, едва протоптанной, — это проехали якуты, посланные вперед, чтобы вставить ледяные окна и протопить избу у источника.

Источник Сытыган-сылба и фельдшер Н. Ф. Харитонов.

Путь к источнику лежит через большое озеро — Алысардах (Окуневое). Оно около 8 *км* длины и ширины и заходит длинными заливами между остатками морен и бараньими лбами. Сейчас оно блестит на солнце, его поверхность гладка, только кое-где трещины с вздыбленным вдоль них льдом.

Я задерживаюсь у утесов на дальнем берегу озера и дальше еду в одиночестве. Мой конь ни за что не хочет итти скорее трех верст в час. Это уже не тот, который был у меня вначале: Мичика всю дорогу занимается меной лошадей и вчера выменял себе горячего темно-серого коня, а мне достался этот ленивец.

За озером под'ем к горам по болотам, в которых кочки превращены в большие снежные бугры. Наконец, у подножья южных гор в лесу дымок. Навстречу мне выходит пеший якут, в жалкой парке.

Источник — на моренных холмах, вытекает из бугра ленивой струйкой. Несмотря на то, что мороз всё держится ниже 40°,

температура источника + 26°, а вокруг него на камнях сосульки. От воды сильный запах сероводорода, и на вкус она омерзительна. Население давно лечится этой водой от ревматизма и накожных болезней, приезжая сюда, чтобы на час-два опустить в источник руку или ногу. Лечат и скот, собирая глину у источника и прикладывая ее к больному месту.

Только теперь, благодаря стараниям Николая Филипповича, источник начинает делаться культурным. На бугре построена изба с русской кладкой, но пока с ледяными окнами и якутским камином. Сложена она якутами, и скверно. В ней ужасно холодно: пока мы топим, возле камина 4° тепла. Мы жмемся у камина и пьем побольше чаю. Якуты варят мясо, я прибавляю банку консервов.

Ночью в избе 12° мороза, и у нас пропадает охота провести здесь еще одни сутки, тем более что обнажений вблизи нет. В такой избе больным, пока, конечно, принимать ванны нельзя. Фельдшер делал опыты в больнице, привозя отсюда лед и глину, — два ревматика были быстро вылечены. Но анализ, сделанный теперь в Ленинграде, обманул наши надежды. Оказалось, что вода очень слабо минерализована, и источник может быть признан слабым сернистым, теплым, — полезным лишь в таком глухом месте, при отсутствии других.

А место, действительно, глухое. Летом можно проехать только верхом, через болота. А зимой — слишком холодно для больных.

Назад едем новой дорогой, прямой. Тропка протоптана еще хуже — это только ямы в снегу от копыт одной лошади: фельдшер посылал якута «рассечь» дорогу в чаще. Я постепенно отстаю — плетка бессильна подвинуть вперед моего коня. Мичика уезжает с фельдшером вперед, они знают, что я привык находить следы и езжу без провожатых.

Наконец, мне надоедает стегать коня; я слезаю и тащу его в поводу, он упирается. Как опытный скотогон, я решаю: очевидно, он истощен, только что придя из Охотска по глубоким снегам. Надо его гнать так же, как мы гнали наших лошадей. Захожу сзади — теперь плетка действует на него магически, и он идет бодрым шагом. Через некоторое время я устаю брести по ямам в своих мехах и хочу сесть на коня, но он держится на этот счет противоположного мнения. Чуть только я намереваюсь схватить его за узду, он бросается в сторону. Я обегаю его кругом по снегу, он бросается с тропинки в тору. Я останавливаюсь — он тоже и,

косясь на меня, пытается сорвать верхушки трав (я привязал узду к седлу, так что он не может наклонить головы). Тихо, едва переступая, я подвигаюсь к нему, но когда я бросаюсь к узде, он бьет задом. Так бежим мы по дорожке долгое время. С меня пот льет в три ручья — постепенно я сбрасываю шарф, рукавицы, развязываю шапку, расстегиваю полушубок и готов, кажется, скинуть все.

Когда я открываю уши, то слышу странный шум — как будто пересыпают зерно или ветер стряхивает с деревьев сухой снег.

Изба у источника Сытыган-сылба.

Куда ни обернусь — всюду этот шум, а между тем ветра нет и деревья не шелохнутся. Наконец, я догадываюсь, это шуршит мое замерзшее дыхание. Черский описывает этот характерный шум — он появляется при морозе ниже 50°. Вот и точный критерий для измерения температуры! Якуты называют этот шум «шопотом звезд».

Совсем стемнело. Мы идем уже около 10 *км*—лошадь впереди, я за ней. Иногда ей приходит в голову уйти со следа, и тогда надо забегать кругом и гнать ее на тропку. Ей это надоело, и, встретив узкий ручей, вроде рва, она убегает по нему вскачь обратно. Мне это тоже надоело, и я отправляюсь один. Но без лошади находить

дорогу труднее — в темноте не видно, где яма от копыта и где просто яма между кочками, и приходится ощупывать ногой каждый шаг.

Вскоре встречаю Мичику. Оказывается, он бросил также и фельдшера, и уехал вперед пить чай в юрте. Здесь его нашел Николай Филиппович и послал мне навстречу. Увидя меня без лошади, Мичика вдруг заговорил по-русски, расспросил, где лошадь, указал ближайшую юрту.

В ней я нашел якутку с мальчиком, которые только что расположились пить чай. Мое появление их очень изумило, в особенности когда мальчик выглянул на улицу и доложил, что лошади у меня нет. Пришлось растолковать, где лошадь. Чай сейчас же убрали и поставили новый чайник. Я предпочел бы меньше церемоний и побольше горячего чаю, но приходилось ждать. Напиться так и не удалось, приехал Мичика с конем (тот приткнулся к борту ручья, где он мог достать траву) и надо было ехать дальше.

В следующей юрте нас ждал фельдшер и обильный ужин, даже со стаканом сливок на дессерт. Но семья хозяина в унынии — сам он только что вернулся от тунгусов, куда ездил за пушниной, а вернулся со свежей бленорреей глаз. Он сидит у огня с обвязанной головой и стонет. Николай Филиппович успел перевязать его и выбросить лекарство, которое было приложено к глазам — беличий хвост. Теперь ему велено приехать в больницу, но он отговаривается усталостью. Через несколько дней, вернувшись в церковный район, мы услыхали, что он проехал, но не в больницу, а на север: его брат привез из Якутска водку, и надо было принять участие в ее уничтожении. После этого он предполагал уже заняться лечением.

В больницу вообще идут неохотно, хотя лекарства просят все. Боятся в больнице чужой обстановки и принудительной чистоты.

Благодаря поездке с фельдшером, я хорошо ознакомился с санитарным состоянием Оймекона. Оказывается, чахотки и сифилиса здесь очень мало, вопреки общераспространенному мнению. Эпидемия сифилиса была лет 30 назад, так что сейчас есть только в третичном периоде, а свежий случай за 7 лет был один, занесенный приезжим. Чахотка также больше у приезжих; местные якуты, даже молодые парни, очень быстро погибают от воспаления легких, протекающего очень бурно в организмах, ослабленных голодовкой. Глазные болезни — главным образом трахома — сильно распространены; их передаче очень помогает общий таз

для мытья и общее полотенце, ручка дверей, которую все хватают руками, и постоянное ковыряние глаз.

Следующий день едем одни — Мичика совсем исчез по торговым делам. Среди дня, за чаем, у меня опять меняют лошадь — Мичика велел одну из наших оставить на выкормку своему дяде. Я получаю молодую, хорошенькую лошадку, но еще слишком слабую для больших перегонов.

Опять ночь у старика Готовцева, то же радушное гостеприимство. На прощанье он мне полударит, полупродает двойные песцовые рукавицы — снаружи из лапок, внутри из брюшка. Теперь я надеюсь согреть свои руки и быть в состоянии лучше работать— компас я уже обшил материей, чтобы не касаться металла.

Еще раз чай у Байбала Сыромятникова, чай с вкусными пенками. К сожалению, разливает чай сам Байбал, а очаровательная жена его сидит в стороне. Здесь я получаю в подарок от ее брата оконницу со слюдой из древней часовни — для музея Геологического комитета.

Оймекон встретил нас густым дымом своих труб. Куйдугун еще не везде замерз, но можно было уже переходить по льду. Салищев сейчас же взял меня в работу — надо было отнаблюдать время. Теперь, при морозе в 50 или, может быть, даже и в 60°, наблюдения мучительны — окуляр моментально покрывается коркой льда, хронометр сильно изменяет ход, электрические лампочки тухнут, Салищев замерзает и руки у него пухнут.

Пришло письмо «неподражаемого мастерства» от Якова Винокурова с устья Кюёнтя. Сообщает о судьбе коня, оставленного на выкормку: «Через четыре суток после того он оказался настолько выбившим из сил, что он своей силой не может подняться без помощи человека, потому за жизнь ее не ручаюсь», и просит сделать надлежащее распоряжение. Вскоре приехал и сам автор письма, который после долгих разговоров о понесенных трудах и ненадежности конской жизни (обычный довод всех наших покупателей) согласился уплатить за коня умеренную цену.

Это был последний конь; теперь оставался только милицейский сатир, но его продать я был не вправе, а доставить в Якутск, как обязался, не в силах: конь сдох бы дорогой от бескормицы и утомления. Поэтому я передал его на хранение исполкому, хотя последнему и очень не хотелось с ним возиться.

К вечеру 17-го наконец получилось первое письмо от наших, оставшихся в Сербее, — Протопопов подробно описывал свою

робинзоновскую жизнь. Главное и печальное в ней событие, это тяжелая болезнь Афанасия. 1 ноября он почувствовал себя плохо и затем так разболелся, что не мог подниматься, и от боли в желудке кричал. Диагноз, если это можно назвать диагнозом, скорее всего рак или язва желудка. Старику, как оказалось, 67 лет, — когда он нанимался, ему было 55, — и он застарелый алкоголик. Сейчас боль кончилась, но слабость такая, что он не может сидеть на наре. Неизвестно, удастся ли его привезти в Оймекон.

Другое, радостное, событие — это изготовление хлеба. В журнале партии отмечено, что 26 октября сделана закваска из кислого молока и сахара, и 27-го удалось выпечь хлеб. Вырыта яма, и в ней сделана хлебная печь. Это коллективное творчество: закваска Протопопова, печь Михаила и выпекает Петр. Нам послали в гостинец хорошо выпеченный, вкусный хлебец из пшеничной муки.

Кроме этих событий, жизнь зимовья текла мирно: кроме отчетных работ по разведке, Чернов страстно предавался заячьей охоте, а Протопопов старался всячески усовершенствовать зимовье — сделал, например, три термометра для низких температур, один из медной проволоки, другой спиртовой и третий газовый, и будто бы они показывают согласно. Протопопов пишет: «можете себе представить, какой эффект произвели сумы с одеждой», — и действительно, никто из них не знал, удастся ли мне заготовить одежду, или придется ехать в летнем обмундировании.

В тот же день я получаю точные сведения по якутскому телеграфу: ученый Евграф сообщает, что наши выехали из Сербее вчера — его приказчик приехал из Тарын-юряхской фактории и там слыхал о дне их выезда. Как оказалось, известие было верное, и 21 ноября, в Михайлов день, в тумане от оленьего дыхания, явился караван. Нарт много — штук 20: Федор гонит их за грузом в Охотск. Мои спутники очень забавны в больших оленьих шубах, закутанные шарфами. Особенно потешен Чернов, у которого доха висит до пят. Афанасий приехал — ему гораздо лучше, он даже ходит, но я помещаю его в больницу: пусть у Николая Филипповича будет второй пациент (там есть уже старушка, больная раком).

Михаил и Петр ворчат — они представляли себе поездку на оленях спокойным удовольствием, а тут мерзнут ноги, леденеет лицо, а рядом с нартой не побежишь — снег и кочки. Зато им предстоит развлечение — я их устраиваю в юрте у священника

Волкова, и они могут вволю наговориться с русским человеком, рассказать о всех приключениях, поругать якутскую жизнь. Священник также охотно им рассказывает про свое житье. Оно не особенно завидное — служит он только на рождество и пасху, все равно почти никто не ходит, требы и раз'езды по приходу мало дают; главное его занятие — рыбная ловля. Но за сутки наловишь как раз столько, сколько с'едает семья. За 8 лет, что священник здесь, у него умерли две дочки, и обе трагически, осталась одна, болезненная и жалкая.

В этих краях процветают только священники хищного типа, но они быстро переходят на торговые операции, как, например, момский Порфирий. В Оймеконе был подобный же священнослужитель, но низшего ранга, — псаломщик Шарин. Покинув церковную службу, он семь лет успешно торговал с тунгусами в верховьях Колымы. После революции он сделался начальником милиции в Тарын-юряхе (точнее, просто милиционером) и здесь был убит белыми. Вместе со священником он составил превосходную карту верховий Колымы — области никем не исследованной; подлинник этой карты я получил в обмен на сделанную Салищевым копию и увез с собой.

Сегодня Михайлов день, 21 ноября, но вместо оленей я получаю от Попова записку, вероятно произведение Неуструева. Она адресована почему-то «Товарищу Огромовичу» и гласит: «Вопервых привет и почтение вчера приехал с тунгуса гр-ж. Николаев Егор и говорит загонял волк оленей не известна сколько оленей свел сколько дней будут содержатся».

По устным сведениям, волки угнали оленей куда-то далеко и их ищут. Целых семь дней прошло, пока снова собрали всех оленей, и только 28 ноября удалось двинуться. Я не отказал себе в удовольствии постращать Евграфа и подрядчиков договором — по нему мы должны были быть в Крес-хальджае 10 декабря, и я грозил неустойкой в размере стоимости содержания экспедиции за каждый день. Но это не ускорило сборов, — очевидно, вмешались реальные волки, а не коммерческие.

Зато за это время открылась еще одна махинация Попова. Уезжая в Сеймчан, Богатырев оставил нам письмо; оно было передано исполкомом Якторгу, Якторгом Попову для доставки мне. Попов благоразумно его припрятал — мало ли что лишнего может писать судья. Случайно это все вышло теперь наружу, и Попову пришлось отдать письмо. Печати на нем целы, оно предусмотри-

тельно прошито, с иронически звучащей здесь надписью «срочно». В письме Богатырев об'ясняет, что он должен был поспешить заключить договор с Якторгом на нашу доставку, так как весь транспорт в Оймеконе находится в руках нескольких «мощных» лиц, которые на проезжающих смотрят, как на дойных коров, и с меня иначе сдерут втридорога. К письму был приложен договор. «Мощные» лица все-таки нами пользовались, но благодаря заботливости Богатырева экспедиция пострадала минимально.

Мы пользуемся неделей отдыха, чтобы приготовиться для поездки — наши палатки и печки непригодны для морозов. Палатки нужны датского образца, подвешивающиеся к внешнему станку, а печки вдвое больше, чем у нас. Поэтому у священника я беру на прокат его палатку, а другую нам шьют из брезентов. Раньше ездили с чумами, которые покрывались ровдужными полосами, но теперь все якуты и даже часто тунгусы пользуются палатками.

Печки сдваивает попарно Никульчан — здешний мастер, большой искусник. Он умеет делать все — даже починяет карманные часы, хотя никогда не выезжал из Оймекона. Особенно хорошо он делает ножи, оттачивая их из напильника; ручка из кости с серебряными инкрустациями. Ножи эти, несмотря на их высокую цену (25 руб.), охотно раскупаются. Якуты вообще высоко ценят хороший дорожный нож, но такими роскошными ножами пользуются только богачи или русские.

Афанасий все в том же положении — слабость и легкие боли в желудке. Фельдшер определяет язву в желудке и соглашается его отпустить. Афанасий ни за что не хочет оставаться в Оймеконе: он боится, что одному ему потом никак не выбраться отсюда, а Иннокентий и Яков довезут его до дома. Для него делают специальную нарту — сидение оплетают веревками и ставят верх из брезента. Мы все едем на обычных нартах — слишком дорого и тяжело делать всем кибитки. Нас пугает не переезд, если замерзнешь, всегда можно согреться идя пешком, — а ночевки. Как-то будет в палатке ночью, когда печка погаснет? Мы уже привыкли к морозу — на-днях была оттепель, днем термометр поднимался до 30°, а раз даже до 27°, и нам казалось, что совсем тепло, выскакивали на улицу без шуб и шапок, воздух такой нежный, совсем не щиплет лица. Но целая ночь при 60° мороза?

---

*

XI. ОБРАТНО ЧЕРЕЗ ХРЕБЕТ

Моя страна далеко: по ту сторону неба достигающей горы, за восемьюдесятью пропастями гор-долин, за пределом девяноста гор-долин, вблизи травяного моря, там моя страна, там моя земля, там мое жилище.

(Из якутских сказок.)

Сквозь восемь рядов неба на западной стороне, где нет дня, а все темная ночь; где нет лета, а свистит один зимний ветер.

(Якутское изображение ада.)

28 ноября с утра лихорадочная укладка — сегодня подадут оленей. Они являются только в 2 часа, целое стадо из 44 голов. Всего подана 21 нарта: 13 — для людей (включая двух проводников) и 8 — для груза. С оленями явились и Попов с Неуструевым, и приказчик Якторга, и еще какие-то якуты. Все население церковного района собралось посмотреть на от'езд и попрощаться с нами. Теперь здесь опять сделается тихо и скучно, и много лет будут вспоминать о проезде экспедиции.

Сначала никак не могут распределить груз, людей, оленей, потом все кое-как улаживается, и в половине четвертого, после заката солнца, мы выезжаем. Олени еще не приспособились к нартам—они двух-и трехтравые, и многие в первый раз в упряжи. Два моих оленя совсем дикие: едва тронув с места, они сцепляются рогами и падают. Весь поезд останавливается, оленей расцепляют. Через десяток минут другое происшествие — в овраге моя нарта опрокидывается, и я вываливаюсь. Все очень рады — начальник экспедиции первый начал. Особенно довольны приехавшие с Эльги — они все уже вываливались и теперь считают себя опытными путешественниками.

Нарта сделана так, что сама судьба велит ей опрокидываться. На двух широких полозьях укреплены плоские копылья, соединенные поперечинами из тальника или, иногда, лиственницы. По краям их соединяют продольные жерди, а сверху настланы две или три досочки. Чтобы не свалился груз, с боков устроены барьер-

чики в 15 *см* вышины. Спереди полозья соединены дугой из тальника — бараном, через который перекинута постромка. Упряжка оленей необыкновенно проста и остроумна: широкая ременная петля перекинута через шею и проходит под передней внутренней ногой. Ременная постромка идет от этой шлеи к саням, перекидывается через дугу барана и идет к другому оленю. Запречь и распречь оленей дело одной минуты: накидывают петлю на голову оленя, поднимают ему ногу и просовывают в петлю. Если один олень тянет плохо, другой сейчас же оттягивает постромку вперед, и ленивый олень попадает ногами в баран. Таким образом, оба принуждены тянуть одинаково. Общий ход регулируется передними нартами — обычно проводник ведет связку из десяти нарт, и каждая пара оленей привязана к предыдущей нарте недоуздком. Как только трогает передняя нарта, следующие принуждены бежать. Трогают они легко и сразу переходят в рысь. Если нарта слишком раскатывается, олени разбегаются в стороны, и нарта, ударяясь бараном о переднюю, останавливается. Все части нарты связаны ремешками, в ней нет ни одного гвоздя.

Грузовые нарты шириной около 60—75 *см* и длиной в рост человека. Беговые, на которых ездят тунгусы и часто проводники-якуты, не шире 50 *см* и почти на метр длиннее. У них спереди есть еще вертикальная дуга, за которую можно держаться, когда бежишь рядом. Эти нарты еще легче опрокидываются, но туземцы никогда не лежат на нарте, а сидят, свесив ноги, и поддерживают нарту ногой, когда она накреняется.

Мы устраиваемся по-барски: сзади к нарте привязываем груз, подкладываем под себя оленью шкуру — можно полулежать и даже спать. Но это опасно; спит один только Чернов, и нередко слышишь дикие крики «тохто» (стой) и видишь Чернова, волочащегося по снегу под опрокинутой нартой, а возница не слышит (или из озорства делает вид, что не слышит) и мчится вперед.

В первый день мы делаем немного, всего 15 *км*. Неуструев провожает до последней юрты, и здесь, подсев ко мне и поговорив дипломатично о нраве моих оленей, просит, чтобы я не настаивал на букве договора, и если опоздаем на два-три дня против срока, не требовал бы неустойки. Ведь в просрочке виноваты только волки — на пути к пастбищу до Оймекона они дважды нападали на стада, с'ели четырех оленей и десять угнали в торы.

Ночевка в лесу. Для первого раза тепло, всего — 35°, но с непривычки кажется тяжело. Надо разгрести снег, нарубить и свя-

зать жерди, поставить их двумя пирамидами и к положенным на них продольным жердям привязать палатку. Потом поставить печку, наладить трубы. Сегодня это все делается очень медленно, все не налажено, долго приходится ждать, пока принесут жерди, напилят дрова. В темноте никак не собрать печку, трубы не приходятся, хотя в Оймеконе они хорошо подходили. Наконец, печка нагрелась и можно скинуть с себя часть мехов.

Следующий день пересекаем плоские отроги Верхоянского хребта и выходим на Ючюгей-юрях, приток Кюёнтя. Речка оправдывает свое название (Ючюгей — хороший) — на ней пастбища и несколько юрт. Но всюду болота, снега очень мало, и нарты постоянно опрокидываются на кочках. Проводник не видит и не слышит, и много времени пройдет, пока едущие сзади докричатся, а олени тащат нарту полозьями вверх по кочкам, и ящики и сумы одна за другой рассыпаются по пути.

Во избежание таких происшествий с хронометрами, они поставлены на нарте, к которой приделаны отводы. На ней едет Александр — ему строго-настрого наказано не давать нарте опрокидываться. Сначала его везет проводник, но потом он эмансипируется и едет отдельно. Петр тоже предпочитает править сам, один только Михаил сохраняет гордое презрение к оленям и привязывает свою нарту к Петровой.

Править оленями очень просто — всего только одна вожжа, привязанная к голове правого оленя, но нам не хочется морозить руки: от вожжи рука все-таки намерзает, и потом плохо писать. Поэтому меня везет Яков — я с ним отстаю на обнажениях, а остальных — Конон.

Вторая ночевка, на наше счастье, в юртах на Ючюгей-юряхе. Одну нарту втаскивают в юрту — сегодня она основательно сломалась. Для починки нарты надо немного — коловорот и пару ремней. Сломавшиеся части можно вытесать тут же в лесу. Только гнуть тальник надо в теплоте, и баран трудно быстро заменить.

После палатки в юрте хорошо — опять можно сидеть у камина. Афанасий сидит на табуретке, спиной к огню, и ритмически стонет через каждые пять секунд. Так полагается по хорошему якутскому тону.

Следующий день — по Ючюгей-юряху. Впереди есть еще одна юрта — нашего старшего проводника Уйбана Заблоцкого, нам очень хочется ночевать в ней, но у проводника свои соображения, и ни уговоры, ни угрозы неустойкой в случае опоздания, не помо-

гают — мы останавливаемся в лесу с наступлением темноты. Сам Уйбан уезжает вперед ночевать дома. Погода пока к нам милостива — сегодня третий день пасмурный и теплый, днем 28° мороза, а ночью не больше — 36°.

1 декабря проезжаем юрту проводника и пьем у него чай. Это — последнее жилье, дальше на 500 *км* — ледяная пустыня без жителей. Разве только встретим тунгусов. Юрта стоит в урочище Джакай—это расширение в горах, где сходятся три реки, Ючюгей-юрях, Суантар и Агаякан, образующие вместе большую реку Кюёнтя. К северу от нас высится уже большой хребет — это продолжение Брюнгадинской цепи, которую мы пересекали летом.

Экспедиция на р. Суантар.

С последним жителем нас оставляет и удача — сразу несколько неприятностей: прояснилось, небо сияет — и мороз днем за 40°. Афанасию плохо, он ночью не спит, все время стонет, его рвет; даю ему порошки висмута, но они плохо помогают. Он почти ничего не ест, только чай и немного молока. От тряски на кочках у него снова начались боли.

Начиная с этого дня и до 9 декабря, мороз нас не оставляет. Повидимому, по ночам около — 60°, а днем до — 50°. Шум от дыхания слышен все время. От дыхания оленей, когда они бегут, поднимается такое облако пара, что совершенно не видно гор и даже соседнего леса. В тумане различаешь только соседнюю нарту, следующая уже скрыта. Только когда караван останавливается и олени дышат не так порывисто, можно разглядеть окрестности.

К тому же солнце стоит низко, мы едем в ущельи и его почти никогда не видим. Сейчас самые короткие дни, уже в половине четвертого совсем темно. Здесь как в якутском аду — «нет дня, а все темная ночь». Все время едем во мгле, завернутые до глаз в шарфы. Когда у задней нарты рвется постромка, олени убегают вперед, а нарта остается, — и никто не замечает этого. Только на остановке, поправляя нарты, узнаем о потере. Во избежание этого, сзади у нас едут люди; но раз потеряли даже двоих: на передней Чернов спал, а сзади Протопопов, видя впереди сквозь туман задок нарты, спокойно ждал, ничего не подозревая.

В мехах все-таки холодно — быстро мерзнут ноги, несмотря на теплые унты, меховые чулки, две пары шерстяных носок, войлочные стельки. Чтобы себя обезопасить от холода, надо было бы сделать меховые одеяла и сидеть, закутавшись в них, но все время нарта наклоняется на кочках и камнях, надо ее подталкивать, поднимать. Мы предпочитаем туземный способ — когда холодно, соскакивать и бежать рядом с оленями. Скорость их рыси — около 8 *км* в час, и нетрудно держаться наравне с ними, если не слишком много накручено одежды. На проводниках почти ничего нет — драная безволосая парка, ровдужные штаны и ровдужные холодные унты. Они бегут почти все время — в таком костюме не усидишь. Наши якуты одеты немного теплее — только что парка новая, но штаны и унты у них тонкие, и они удивительно изящны, стройны и ловки. Особенно хороши Яков и Иннокентий, когда они сбрасывают парку и легко бегут рядом с нартой, в одной курточке, тяго стянутой поясом — куском скрученного ситца. Русские рядом с ними — как медведи, какие-то кучи меха в своих дохах и громадных унтах (у якутов ноги удивительно маленькие, а нам нужно унты в 7 вершков). Особенно монументален Александр, сидящий на своей широкой нарте с громадным меховым хронометровым ящиком, — какой-то меховой бог холода.

Я соблюдаю местные обычаи — еду в одном полушубке: но на это есть серьезные причины: в кухлянке к обнажению не пробеpешься, не достанешь ничего из кармана. А сбрасывать ее каждый раз невозможно: каждое лишнее прикосновение к холодным предметам замораживает руки. И я предпочитаю соскакивать каждые полчаса с нарты и бежать рядом с оленями, пока не начнешь задыхаться.

Лица у всех — и у якутов также — завернуты шалями или шарфами; все время оледеневшая маска на лице, в узком просвете

у глаз нарастают сосульки и бугры снега, ресницы покрываются льдом, глаза закрываются.

Но это все пустяки, главное — руки. Чтобы иметь возможность работать, мы обшили компаса материей, выкинули кожаные поясные сумки — Салищев держит записную книжку и компас в холщевом мешочке на шее, а я — в карманах полушубка. Я еду в двойных песцовых рукавицах, а Салищев пришил большие волчьи рукавицы к шубе, внутри заячьи рукавицы, дальше — перчатки, для работы рука просовывается в прорез рукавицы на пульсе — по тунгусскому образцу. Но ничто не помогает — эти дни и в песцовых рукавицах руки у меня совершенно холодные. Не успеваю я вынуть руку из рукавицы, взять компас и книжку, как рука деревенеет и нельзя записать наблюдений. Особенно мучительно брать образец и делать снимки — много раз случалось, что, вынув аппарат и раскрыв его, я не был в состоянии нажать спуск, и приходилось прятать опять аппарат в карман, сложив его кое-как. А затем — мучительное отогревание рук в холодной рукавице. Салищев в отчаянии стал засовывать руку сквозь все меха и греть ее о голое тело. Это, кажется, самое верное. У него еще другое несчастие — останавливаются часы. Он перепробывал все наши часы — ни одни не выдерживают. В кармане везти их нельзя — не достанешь на морозе; а внутри двойной рукавицы — через два-три часа замерзают. Он пробовал их даже надевать на ногу под шубу — также мало толку.

Ничего подобного не испытываешь при морозах меньше 40° — тогда можно писать без особых мучений. А теперь каждая пуговица, которую надо застегнуть, представляет препятствие, и, расстегнув полушубок, чтобы достать из внутреннего кармана аппарат (я боялся заморозить пленки), я ехал расстегнутым несколько километров, пока не нагреются руки, или просил о помощи Якова.

Меня поражали якуты, особенно проводники: у них какая-то необыкновенно горячая кровь, или оттого, что они все время бегут, — у них горячие руки. Ломается нарта, и по 15 — 20 минут они голыми руками перетягивают ремни, развязывают узелки, строгают.

А нарты ломаются часто. Мы мчимся, не разбирая камней и кочек. Нарты ударяются о дерево, о камень, подскакивают, на спусках с размаху стукаются друг о друга — проводники не обращают никакого внимания. На спуске тормозит задняя пара оленей — они тянут за недоуздки, которыми они привязаны. К

самой задней нарте привязывают запасного оленя, чтобы он тормозил. Но если спуск крут и оленей бьют по ногам задние нарты, они отскакивают в стороны, и нарты с размаху ударяют баранами о передние, и вся вереница, давя друг друга, мчится вниз. Несколько нарт при этом запоперечат, опрокинутся — ничего, все увязано. А если везут что-нибудь хрупкое, например бутылки с вином, то тем лучше; его ямщики разопьют заранее, а потом скажут, что разбили. В Оймекон, по крайней мере, ящики с вином и спиртом, отправленные без хозяев, никогда не могли дойти.

Олени бегут очень весело, берут с места охотно и легко. Обычный их ход 7 — 8 *км*, но когда я отставал на утесах, Яков потом пускал нарты галопом, со скоростью километров до 15. Это сильно захватывает: спереди пара скачущих оленьих задков, туча мелкого колючего снега в лицо, нарта раскачивается как сумасшедшая, только успеваешь перекатываться с одного края на другой на ухабах, чтобы она не опрокинулась.

Едем мы теперь почти все время по рекам, где ровнее, и такие скачки возможны. Во многих местах тарыны — свежий лед, захватывающий всю долину. Олени широко расставляют ноги, копыта у них расползаются, люди соскакивают и бегут рядом. Нередко олень падает, но связка не останавливается, и оленя тащат, пока он не ухитрится встать. Мы сначала кричали «тохто», но Уйбан сказал (он знает несколько слов по-русски): «Один олень упал, два оленя упал — ничего, все олень упал, мой бежит, ничего, едем». И теперь мы равнодушно смотрим, как то одного, то другого оленя его товарищ тащит на боку.

В самом деле, оленей так много, и они так часто попадают ногой куда не следует, что нельзя постоянно останавливаться; тем более, что во время остановки олени обязательно переступят постромки, или станут ногой в дугу барана. Они при этом забавно чешут задней ногой морду, счищая лед, или трут морду о спину пассажира. Вообще, у них нет такого делового подхода к работе, как у лошадей: на остановках сразу ложатся, в пути начинают драться друг с другом, с ними можно шалить, дергать за хвост, за рога. Они похожи на каких-то больших кошек, в особенности некоторые безрогие, пестрые. У нас почти все серые и коричневые, белых два или три. Рога опилены до половины, чтобы не цеплялись за соседа. Олени очень кротки и безропотно сносят побои — не кусаются, не лягаются. Впрочем, их почти и не бьют.

Правят одной вожжей, привязанной справа к голове правого

оленя. Чтобы заворотить направо, достаточно потянуть вожжу, но налево не повернешь никак. Поэтому проложенная оленным караваном по широкой реке дорога представляет странное зрелище: она не идет прямо к цели и все время крутит. Мы видим, как возникают эти вавилоны: олени идут вправо до тех пор, пока ямщику не надоедает, он соскакивает, догоняет оленей и бьет правого по морде — тогда они поворачивают влево и начинают закручивать туда. Ямщик тянет за вожжу направо, и история начинается сначала.

Говорят, что в других областях олени понимают какие-то слова и идут куда надо. Но здесь они совершенно необразованные, и у нас передовой нарте случалось описывать полный круг на потеху остальным. Тогда вперед выезжает Иннокентий — он всегда хочет поддержать честь своего улуса перед дикарями оймеконцами, но как на зло его олени тоже кружат, только в противоположную сторону.

Особенно забавны олени на тарынах, покрытых водой, еще не успевшей замерзнуть. Оленям не хочется итти в воду — кому же придет охота мокнуть при 60° мороза—и они всячески стараются обогнуть воду. Когда их заставят пойти, куда надо, они поднимают хвостики, как будто бы можно подмочить их, и, расставив широко ноги, торопятся перебежать тарын. Пассажирам тоже приходится беречь ноги, чтобы не замочить унтов.

Для меня особенно неприятны тарыны, прикрытые снегом, — идешь к обнажению и проваливаешься в воду. Меховые унты легко пропускают воду, до вечера далеко — и надо сидеть на морозе с сырой ногой. К счастью, со мной это случилось всего два раза, и оба раза подмокли только войлочные стельки.

Как только стемнеет, мы становимся, так что всего едем 5 — 6 часов. С оленей сбрасывают лямки, и они убегают в гору, грациозно подняв голову. Более хитрым привешивают на ремне к шее бревно — чанкай, которое бьет по ногам и мешает убежать. Размеры бревна сообразуют со степенью блудливости зверя.

В это время все наперегонки разгребают снег под палатки, рубят жерди, натягивают палатки. Это — мучительная операция: надо привязывать палатку к жердям голыми руками, и концы пальцев замерзают. Все неистово-холодное — палатки, жерди, веревки. Деревья так замерзли, что звенят от удара топора. Печка холодная, дрова тоже, разгораются плохо. И почти час мы сидим в палатке, ожидая, пока она нагреется настолько, чтобы можно

было раздеться. Сначала снимаешь рукавицы, шарф, потом шапку и, наконец, полушубок. Дальше ничего снимать не приходится — наша печка в эти морозы слабо нагревает, возле нее мех на одежде горит, а в задней половине на стенах осаждается толстым слоем иней.

Как только разгорелась печка, вытаскиваем из мешка кусок масла, он колется как стекло на тонкие осколки. Мы поглощаем их в большом количестве с сухарями, подогретыми на печке. Чай еще не скоро, надо растопить лед, а в плохих местах — даже снег. Однажды мы получаем чай с резким запахом — вроде мыльного — это попал снег с багульником.

Вечером все четыре палатки — три наших и одна проводников — сплошь завешены меховыми вещами. Ведь каждый снимает с ног штук десять-пятнадцать всяких обуток, да еще рукавицы, шапки, шарфы, все это надо просушить. Но у нас сохнет плохо — ночью палатки выстывают. Только у якутов, где спит Афанасий, тепло: палатка из толстых брезентов, громадная печь, которую я сменял в Оймеконе на патроны, а к тому же Афанасий не спит всю ночь и подтапливает.

Но нам ночью тепло и без печки. В палатке едва хватает места для нас четверых, и когда мы залезаем в спальные мешки, покрываемся дохами, то в этой меховой куче мороз не пробивает. Спим как есть, в меховых штанах и теплых фуфайках, и снимаем только унты, заменяя их запасными меховыми чулками.

Самое неприятное — утреннее разжигание печки. Мы делаем это по очереди, и остальные лежат в мешках, пока дежурный не растопит печки и палатка не нагреется.

Есть одна забавная сторона оленного передвижения, о которой еще можно упомянуть. Едва вы утром выходите за нуждой, как на вас набрасывается десяток оленей. Они так нуждаются в соли и так мало ее получают, что жадно поедают снег, смоченный человеческой мочой, и готовы сбить с ног человека, чтобы поскорее полакомиться. Путешественники, ездившие на северо-восток, рассказывают, что у чукчей есть даже особые ящики, где они сохраняют это добро, чтобы потом ловить на него разбежавшихся оленей.

Наш Уйбан разоряется для этого на соль: он берет несколько крупинок на руку и кричит: «мэк, мэк, мэк». Пока олень облизывает руку, другой рукой хватают его за недоуздок и ведут к саням. Далеко у нас олени не разбегались, и за два часа их легко

собираем. За всю дорогу на них истратили наверно не больше фунта соли. Это все, что они получают от человека.

От Джакая мы едем короткое время вверх по долине Суантара, затем сворачиваем в узкое ущелье реки Кюнгкюняс. На их слиянии во льду огромная яма — это вода из-под льда ушла, просочившись в галечники, а ледяная пробка кругом не дала проникнуть свежей воде.

Ущелье Кюнгкюняса извилисто, крутит во все стороны; летом со своими порогами оно было бы живописно, сейчас только мрачно и страшно. Летняя дорога проходит гораздо южнее, по верховьям Суантара, по широким ледниковым долинам, и Черский, проезжавший там, думал, что в Верхоянском хребте совсем нет ущелий.

Кюнгкюняс прорезает южную часть Брюнгадинской цепи в два приема — после небольшого расширения мы снова попадаем в узкое ущелье. Черные скалы, сейчас мрачные, громоздятся кверху. В шарфе и шапке трудно задрать голову, и кажется, что едешь в темном коридоре, где никогда не бывает солнца. Из-за угла на паре хороших оленей вылетает нарта, и на ней кто-то в кухлянке. Наш караван останавливается, и все собираются у головной нарты. При ближайшем рассмотрении оказывается, что путник — миниатюрная тунгуска с открытым, несмотря на мороз, лицом. Она держится с достоинством и степенно отвечает на любезности якутов. Вот олени помчались, и она легко вскакивает на ходу: не полагается садиться до того, как двинулась нарта, потому что оленям трудно сдвинуть ее с места, она сбивает им плечи. И когда кто-нибудь из наших лениво лежит на нарте при отправлении, на лицах якутов можно видеть насмешливую улыбку: это так же непристойно, как, — ну как, например, в трамвае не уступить место старой женщине.

Когда ветер относит густой пар от каравана, я вижу впереди Уйбана, который легко бежит рядом с нартой, держась за ее дугу левой рукой. Уже давно я любовался в старых путешествиях Баренца, Сарычева и других этим типичным жестом, может быть в течение нескольких тысячелетий неотделимым от северной природы. И теперь, час за часом, целых две недели, сквозь пар дыхания, я вижу эту древнюю картину, столь же старую, как и сама езда на оленях.

Мы и идем теперь по древнему пути — повидимому здесь проехал верхом в феврале 1786 г. Гаврила Сарычев. Он пишет, что,

поднявшись по Хандыге, он перевалил на реку Амуг-умог-гага и затем по ней вышел на Кюнгкюй. Кюнгкюй — это другое название Джакая, а в первой реке можно узнать Омук-бага, т. е. «вершина тунгусской реки». Как пишет Черский, один из притоков Кюёнтя носит название Омук-хара-тумула (черные холмы тунгусов). Наш Уйбан не может ничего рассказать про названия рек — он знает только путь, по которому он из года в год возит грузы.

К вечеру 2 декабря выходим из ущелья в расширение, выше которого река поворачивает на запад. Еще три дня едем вверх по этой реке между пологими склонами слабо-волнистых гор. Это тот же пейзаж, что в верховьях Томпо на северном пути. Встречаем еще одного тунгуса и узнаем от него, что выше ущелья эта река называется уже Кöбюма. Обгоняем партию якутов, везущих пушнину из Оймекона, — зимний тракт гораздо оживленнее летнего. Якуты целой кучей ютятся в маленькой грязной палатке, насквозь пропитанной дымом и маслом, продуваемой ветром.

Кöбюме кажется не будет конца — все такая же прямая и однообразная долина. Удивительно, как между нашим северным маршрутом и маршрутом Черского могла поместиться такая большая река.

Мороз как будто все время усиливается. 5 декабря переваливаем через Чыстай, и тут нас захватывает южный ветер. Все тело леденеет — не знаешь куда деться в этой открытой долине.

Перевал здесь низкий, на границе леса; мы едем по широкой ледниковой долине, которая и за перевалом все еще поднимается, но в ней уже появляется узкая новейшая долинка в дне — это Хандыга врезалась в верховья Кöбюмы. Мы снова в бассейне Алдана и почти в Якутске.

Круто и быстро спускаемся по Хандыге.

Сначала едем по узкой трубе — эпигенетическому ущелью в дне ледниковой долины. Здесь сплошь тарыны, и олени раскарячась мчатся по скользкому льду. В ущельи захватывает ночь, и с трудом втаскиваем нарты на склон террасы, чтобы поставить там палатки.

На завтра выходим в широкую долину. Здесь горы той же абсолютной высоты, как и на Кöбюме, но долина все углубляется, и скоро это такое же глубокое ущелье, как и по Теберденю. Голые скалы по обе стороны, ребристые скаты до километра высоты. Это — переуглубленная ледником и засыпанная галечником долина, подобная Теберденю, Иньяли и другим.

Хандыга радует нас новым развлечением: водой. Из галечников выбиваются струи и сливаются в целую протоку, которую нужно перейти. Олени останавливаются перед ней и несмотря ни на какие крики и битье не хотят итти в воду. Уйбан уже разбил в кровь морду головного оленя, но тот тоскливо отворачивается. Людям тоже не хочется мочить ноги, — хотя брод только до колен, но что потом делать с обмерзшими унтами? Вдруг Яков берет своих оленей и храбро пускается в брод. Другие связки гонят поспешно за ним, и речка пройдена. Желтые щегольские унты Якова покрыты до колен льдом, я предлагаю ему запасные, но он отказывается: унты новые и вода не прошла. Он только сбивает палкой и ножом лед, и мы снова мчимся.

Помните, в «Дочери снегов» Джека Лондона героиня попадает в мокассинах в воду, — сколько из-за этого потом шуму, — разрезают мокассины, разводят костер. А ведь в Клондайке никогда не было таких морозов, как здесь.

Днем еще брод — глубже, нарты заливает поверх досок, и наши подстилки и груз обледеневают.

Еще день по Хандыге — ущелье все грандиознее. Остатки ледниковых террас высоко на склоне. Новые световые эффекты: в то время как на Кёбюме белые, как будто бы сахарные горы вырезывались на фоне желтоватого светло-соломенного неба в час заката, — здесь, на Хандыге, солнца не видно совсем. Серебристые (от снега и инея) леса сияют на тусклом сером небе днем, на иссиня-черном ночью. Я никогда не представлял себе до сих пор, что пейзажи могут быть так фантастичны.

Сегодня бросили одну нарту. Она давно уже начала ломаться, а на галечниках Хандыги при ударах о валуны она распалась на куски. Груз разложили по другим, а сломанный остов разбросали — долго ли сделать новый.

Вечером санный след завел нас к тунгусской юрте. В глухом лесу — черное, низкое строение из бревен, сделанное по образцу якутской юрты, но гораздо теснее и грязнее. Снаружи оно завалено оленьими сумами. Мы приподнимаем рваную ровдужную завесу на дверях и вползаем внутрь. Там полутьма, в очаге тлеют угли. Сначала видишь только их — очаг в углу, вровень с полом, и над ним в потолке просто дыра. Немного свыкнувшись с темнотой, различаешь человек семь или восемь тунгусов, сидящих на земле у огня. Грязь страшная, неуютно, холодно, нет ни нар, ни стола, нет даже шкур на земле. Особенно поразила меня одна

отвратительная старуха в неимоверно грязных и рваных ровдужных штанах. Она смотрела на нас с любопытством, а потом стала опять пить чай; чашки стояли прямо на земле. Тут же лежали две собаки, короткомордые и печальные.

У тунгусов накатанная дорога кончилась. Недавно проехали три нарты, которые везли нашего знакомого бухгалтера из Якторга, но след после них замело. Мы прокладываем новую дорогу, как полагается, вавилонами. Мороз сегодня, несмотря на безвет-

Тяжелый подъем в ущельи Хандыги.

рие, еще сильнее прохватывает — то ли мы совсем промерзли, то ли есть еще какие-то градусы ниже предельного минимума.

8 декабря мы минуем область триасовых гор и вступаем в Скалистую цепь — здесь она подходит почти вплотную к Главной. Долина Хандыги из грандиозного ледникового трога превращается в извилистое ущелье. Опять тарыны, но на этот раз грозные, с водой, заливающей все ущелье. Навстречу три нарты с «барышнями», как их мне рекомендует Яков, бредут по воде. Барышни в кухлянках и шалях, и от них кроме черных глаз ничего не видно. Повидимому также тунгуски.

Мы избираем другой путь — по рытвине в скалистом крае долины взбираемся на поверхность древней террасы. Под'ем труд-

ный — узкая ложбина с камнями, — нарты опрокидываются, возок Афанасия перекидывается через верх, Афанасий в снегу. Мы общими усилиями вытаскиваем экипаж и помогаем Афанасию взойти.

Но скоро терраса кончается, и приходится снова спуститься в ущелье, залитое водой. Нарты мчатся во весь мах одна за другой, каждый боится отстать — тогда олени не пойдут. Одна связка обгоняет другую, и вот в тот момент, когда Конон в этом плаваньи поравнялся с моей нартой, раздается треск, и все мы, Конон, Яков и я, проваливаемся сквозь лед. Под верхним слоем воды был другой этаж наледи, со слабой верхней коркой льда, еще только начавшей замерзать, и мы проломили эту корку и провалились до следующего слоя. Вода заливает нарты, олени бьются, разбивают кругом лед и падают. Их кроткие черные глаза выражают крайнюю степень ужаса. Вода зловещим пятном расползается во все стороны. Конон и Яков бредут в воде, мне очень не хочется — я не верю в свои унты. Ближайший край льда отделен трещиной от материка — выдержит ли? Но раздумывать некогда, и я решаюсь прыгнуть. Мне повезло — льдина не обломилась, и я спасаюсь на сухое место. Чернов успевает обрезать постромки задних оленей, чтобы они не стянули в полынью остальных нарт, и олени вытягивают облегченные нарты на лед. Снова мы мчимся галопом — караван ушел вперед. Вдруг я замечаю, что в утесах сменяются свиты — вместо черных сланцев докембрия появляются кембрийские известняки, с новым и необыкновенным простиранием. Останавливаю Якова, но впервые за полгода слышу от него ответ в резком тоне: «Тох нада, у бар!» («Что надо, вода!»). Он боится отстать от других в этом гибельном ущельи. Приходится покориться, и только в небольшом расширении дальше я могу осмотреть утесы и взять образцы, насколько это позволяют руки. Конон меняет здесь прямо на морозе унты, а Яков опять только обивает свои палкой.

Нам повезло — если бы нижний этаж тарына был глубже, или под ним была бы тонкая кровля над третьим слоем, мы бы насладились полным купаньем. Майдель описывает гибель семи нарт со всей упряжкой оленей в подобном тарыне, в низовьях Индигирки.

Крутимся еще по ущелью. Внизу — отвесные стенки, выше ряд уступов. Повидимому, гора до километра вышиной над рекой; черные с белым склоны и сверху мутное небо начинает затягивать мглою.

Ночью все время ветер с гор, к утру такой силы, что рвет палатку. Просыпаемся с странным ощущением — тепло. Высовываюсь из палатки — можно рукой брать что угодно. Начинаем гадать, сколько градусов; один говорит — 40, другой осмеливается поднять до — 25. Но термометр показывает головокружительную цифру 15° мороза. Невозможно поверить — такие температуры здесь неслыханны. Но ртуть все время повышается, и в 10 часов доходит до — 9°. Что-то чудовищное. Весь день в спину, вниз по ущелью — страшный ветер, но впервые едем с откры-

Хандыга в Скалистой цепи. Палатка в оттепель.

тыми лицами, снегу много, мягко, олени бегут быстро, нехватает только бубенчиков, чтобы было московское катанье. К вечеру — 6° и, наконец, утром 10 декабря — 5°. В Якутске метеорологи не хотели нам верить, в эти дни там было 19° мороза. Очевидно сильный циклон захватил Алданский склон Верхоянского хребта и создал эту необыкновенную оттепель.

Но сейчас же температура начала еще быстрее падать, к вечеру 10-го мы умели уже — 25°, а 11 декабря опять замерзла ртуть, и пошли холода, хотя еще и не Оймеконские, но почтенные.

Из всего пережитого за зиму меня более всего ошеломила эта оттепель. Сидеть в палатке совершенно раздетому, не видеть

над собой пластов инея, и главное, трогать все предметы голой рукой — после двух недель ледяного режима казалось изумительным. И даже первая ночевка в юрте на Алдане после этого не оставила большего впечатления.

Снега на этом склоне хребта все больше и больше. Когда идешь к обнажениям, проваливаешься и набираешь в унты. Под палатку мы уже не разгребаем снег, а слегка утаптываем и, чтобы не провалилась печка, кладем под нее камни и дрова. Появились первые ели — новые краски в пейзаже и приятная подстилка под постель.

Но на склонах гор все та же лиственница, запорошенная слегка снегом, и на мутном сером небе странно серебрятся гребни гор с зубцами леса.

Только 11 декабря пересекаем окраинную цепь и выходим из хребта. Перед нами снова Алданская низменность. Мы выходим на путь, которым шел Черский; дойдя по Хандыге до гор, он отсюда свернул на юг.

Наши олени начинают утомляться, часто ложатся, хромают, худеют — у них видны ребра. И нам тоже пора закончить работу — после оттепели еще чувствительнее к холоду руки; да и все часы вышли из строя.

12-го и 13-го — все еще по Хандыге, ведь по ней до Алдана 100 *км*. Встречаем три нарты с великолепными белыми оленями; первая нарта сейчас же начинает бодаться с нашей головной, а мы сбегаемся посмотреть встречных. Это те олени, которые везли якторговского бухгалтера: в семь дней они промчали 600 километров от Оймекона до Крес-хальджая, отдохнули и везут в Оймекон нового назначенного председателя исполкома (кажется теперь даже ревкома). Мне стыдно перед ним за наши шубы — он одет так же легко, как и другие якуты. Несколько минут капсекания, и белые олени мчат его в горы. От него я узнаю, что в Крес-хальджае нас ждет какой-то якут, который заготовил лошадей, чтобы отвезти в Якутск. Опять кто-то ждет! Нет, довольно таких любезных благодетелей — об'едем лучше стороной.

Сзади все меньше и меньше становится белая стена хребта. Когда-то за ее увеличением мы так жадно следили на Томпинских болотах, — теперь никто не оборачивается посмотреть, как она исчезает. Смотрят только вперед.

14-го в полдень выходим по Хандыге на Алдан. Здесь он слева стеснен плоской возвышенностью, узок и в торосах. Дорога не-

*

много вдоль него, а затем через леса наискось к устью Амги. Начинаются юрты, — конечно, заворачиваем напиться чаю. Здесь уже не подают к чаю хаяк, но чистое масло: удой в этом районе ведь не бутылка в день, но пять. И целая гора лепешек, — хлеб свой, а привозной всего по 4 рубля. У Петра улыбка не сходит с лица, — он увидал гумно и скирду хлеба возле него. Начинается санная дорога со следом посредине — это ездят на лошадях, и нашим оленям, которым нужно два параллельных следа, некуда ставить ноги. Они спихивают друг друга рогами в снег, бодаются, каждый старается бежать по среднему следу.

Ночуем в юрте Харлампия Попова в урочище с изящным названием «Былахы» (блоха). Здесь семья Харлампия, а сам он в Оймеконе, так сказать на отхожем промысле. Юрта построена как русская изба, и только плоская крыша и камин еще остались от старого быта. Нары вдоль стен превратились в широкие скамейки. Несмотря на свое богатство, хозяин и не думает нас угощать — здесь гостеприимство уже отравлено культурой.

Сын Харлампия не менее придприимчив, чем отец, и вызывается собрать по соседям лошадей, чтобы отвезти нас в Якутск. Отсюда ближе, чем из Крес-хальджая, и не к чему ехать еще 40 километров к якуту, который нас ждет. Я решаю отправить туда только Салищева с Черновым — нужно связать коротким рейсом астрономический пункт Крес-хальджая с старым хорошим пунктом у устья Амги и таким образом исключить большой участок до Якутска. С ними поедет Яков — он рад наконец быть не младшим в караване, которым все помыкают, а играть главную роль и во всех юртах по пути самому рассказывать все приключения. Пока эту честь узурпировали Конон и Иннокентий.

Вечером — прощальный обед. Варим все оставшиеся мясные консервы, вытаскиваем заветную бутылку спирта, к ней закуску — три последних банки рыбных консервов. Большой котел и стол на одиннадцать кувертов — у хозяев нашлось столько тарелок. Все взволнованы — завтра шесть месяцев, как мы выступили из Якутска, сколько было пережито за это время, а каким далеким и недостижимым иногда казался этот момент — выход к Алдану!

Астрономический отряд назавтра выезжает на оленях к устью Амги, нужно отнаблюдать сперва там. Им придется еще несколько дней прожить в палатке возле астрономических пунктов. Мы вы-

едем только 16-го — лошади, после лета, жирные, и их надо выдержать без корма день-два.

Первый перегон половина каравана идет еще на оленях — лошадей привели прямо в наслег Согуй на Амге. В последний раз смотрим на круглые серые спинки милых животных. Даже Михаил, завзятый лошадник, и Петр, который не хотел садиться на оленей: «в кустах все глаза выхлещут», — жалеют расстаться с ними и менять на лошадей. В особенности на здешнюю упряжку: здесь запрягают коня в те же оленьи нарты, только приделав к ним оглобли. Лошадиные копыта у самого передка, и невольно представляешь себе, как разнесет лошадь это легкое сооружение, если оно опрокинется.

Особенно легки и изящны беговые санки: они очень коротки, сзади сплетена спинка, а человек сидит впереди, верхом, погрузив ноги в глубокий снег, поистине «бразды пушистые взрывая».

В Согуе встречаем еще один признак цивилизации — первую кошку. Это маленький пестрый котенок, греющийся у огня и, брезгливо отряхивая лапки, пробирающийся через юрту.

20 декабря достигаем Охотского тракта и Татты, где почтово-телеграфная контора. Отправляю целую пачку телеграмм, которые выводят из равновесия даже меланхолического заведующего конторой, — вероятно с ее основания здесь не подавали таких чудовищно длинных телеграмм.

На почте русская печь, камина нет, и мы убеждаемся в превосходстве якутских жилищ перед русскими — для сушки шарфов и шапок, по крайней мере. Здесь все остается сырым и опять замерзает, чуть только пускаемся в путь.

Экспедиция настолько затянулась против всех мыслимых сроков, что нас начинали уже считать погибшими, запрашивали о нашей судьбе Якутский совнарком, и телеграммы из Татты были почти вестью о воскресении из мертвых.

Начиная от самой Былахы, мы ведем с Поповым борьбу за скорость передвижения. Не говоря уже о нетерпении, все нарастающем к концу экспедиции, мы боимся попасть в Якутск в первый день Рождества, когда все, а главное — баня, о которой давно мечтаем, закрыто. Прежде в отчетах экспедиций трогательно сообщалось, как в'езжали в город под звон колоколов во время святой заутрени, или в канун Рождества, но мы боимся такого чувствительного финала.

По мере передвижения к Якутску, нас все менее и менее

ласково встречают в юртах. В некоторых даже нет традиционных нар для гостей — вся юрта приспособлена для нужд хозяев. Никто не старается обласкать гостя, и часто хозяин сумрачно ждет, когда же наконец уберутся. Повидимому, здесь живут богаче, чем в Оймеконе, — в каждой юрте есть самовар, а иногда и три, много масла, хлеба.

В одной юрте нас угостили не суоратом, но чистейшими сбитыми сливками, а после угощения взрослый парень тщательно вылизал тарелку. Везде к ужину едят карасей, жареных на сковородке, — одно из самых популярных здесь блюд.

Афанасию все не лучше, он редко ест, боли не уменьшаются. Приезжая в юрту, он садится спиной к огню и начинает стонать — мерно, тоскливо. Все сразу понимают, что это тяжело больной, и стоны являются своего рода визитной карточкой. Когда ему очень плохо, он начинает заунывно петь, все равно, днем это или ночью. Пение также входит в ритуал болезни — нечто аналогичное оплакиванию покойника.

Во всех юртах торгуют водкой, в Якутск летом привезли водку и теперь все ею запаслись. Здесь ее продают по 3 — 4 рубля бутылку. Шинкарство запрещено, и бутылки прячут в снег. Когда ее приносят, охлажденную почти до точки замерзания (водка замерзает около — 50°), она имеет очень странный вкус — обжигает не только спирт, но и холод. Наши рабочие, как матросы после долгого плавания, накидываются на водку, и никакими запрещениями нельзя их удержать — выпивают тайком, отстают в пути и заезжают в юрты. Наконец, Иннокентий и Конон готовы — Конон в благодушном состоянии, все видит в радужном свете, Иннокентий буйный. В юрте, где мы остановились пить чай, он все опрокидывает и разбрасывает, разбивает себе лицо об дверь. Александр — единственный трезвый — с трудом его удерживает. Михаил и Петр оба в мрачной стадии, и оба опасны — готовы принимать всерьез все выходки Иннокентия. Надо ехать, Иннокентий не хочет одеваться, а на дворе опять около — 50°, — дыхание слышно.

Приходится Иннокентия связать и запихать в кухлянку. В юрте возня, шум, ругань, хозяева в ужасе жмутся к стенке. Высаживаем Афанасия из его возка и упрятываем туда Иннокентия, но он выбивается, сбрасывает шапку и рукавицы, и так едет до вечера. Конон садится к нему в возок, и нежно его утешает, хотя обычно смотрит на него свысока. На утро все держатся тихо

и скромно, и удается доехать до Якутска без новых приключений.

Последний чай перед Якутском — на правом берегу Лены. Здесь несколько юрт, и каждая — постоялый двор, битком набитый чаюющими. Грязно и тесно. Теленок и швейная машина рядом, в камине какие-то жалкие прутья вместо «семи лесин» Оймекона. Мы с Протопоповым отказываемся от чая — сегодня 24-ое, уже полдень, надо торопиться, иначе закроют и почту и баню. А может быть в сочельник они вообще не работают? Но ямщики не могут отказаться от очередной чашки, хотя чай и масло здесь отпускают только за деньги.

На Лене туман, из которого время от времени выскакивают сани, — туда и обратно едет много народа. Все — и мужчины, и женщины — закутаны шалями, так что видны только глаза: на Лене всегда почти ветер. Вот у дороги полузанесенный снегом труп верблюда, — их пригнали сюда из Монголии для перевозки грузов и кормят слишком экономно.

Показываются огни Якутска. Странно, зачем такая масса огня? И по улицам зачем-то фонари. Как могут люди селиться так тесно?

Прежде всего на почту — она уже закрыта; но мы ничего не потеряли: оказывается письма до востребования хранятся месяц, и затем простые уничтожаются, а заказные отсылаются обратно — и для нас нет ничего. Нас ждут только телеграммы. И мы пугаем телеграфисток своими кухлянками и замотанными лицами — в Якутске одеваются все жо по-городскому.

Теперь — к базе Академии наук, я надеюсь, что нас там примут. Наше появление в базе производит большой эффект, ослабленный несколько телеграммой, которую я послал из Татты. В базе только постоянные сотрудники — летние экспедиции давно уехали в центр, а зимние отряды на работе. Нас принимают с исключительным радушием. Надо теперь отыскать приют и для лошадей Семена Попова, и особенно достать для них сена, — и к его крайнему удивлению я начинаю говорить по телефону.

В Якутске есть телефон — не столичного образца, а такой, как во всяком провинциальном городе, который крутят без конца и в который вы слышите все разговоры, за исключением нужного. Звонят больше не по номерам, а так: «дайте квартиру Иван Иваныча», и когда хотят итти в маскарад, то спрашивают телефонистку: «Барышня, вы не знаете, будет ли сегодня маскарад», и она любезно отвечает, где будет и когда начало.

Так приятно сбросить с себя все меха — что-то около полуторых пудов, одеть городское платье и пойти в баню. Там нам не очень везет — она сейчас закроется, в кранах нет горячей воды, и нам на двоих приносят ведерко чуть теплой.

После унтов и теплых «ыстан» странно ходить в городских брюках, штиблетах и калошах — немного пощипывает. И особенно лицо, здесь его не хочется закутывать, а чуть перевалит за 55°, я сейчас же отмораживаю нос.

26-го приезжает астрономический отряд, они быстро справились со своей работой и почти догнали нас.

До получения денег из Геолкома проходит две недели. Этим временем мы занимаемся ликвидацией экспедиции, расчетами, укладкой. Провожаем якутов, Яков, Иннокентий и Афанасий уезжают на устье Алдана, где их семьи, а Конон сбегает от своих старых кредиторов неизвестно куда.

В соединенном заседании Географического общества и нового краеведческого общества «Саха Кескеле» делаю доклад об экспедиции. Зала совнаркома полна — интерес к своей стране теперь, в период строительства, повышенный. Некоторые скептики из якутов не верят, — как это могли на месте низменностей найти хребты: «Ведь наши купцы проезжали там».

Из зимних удовольствий якутяне злоупотребляют маскарадами. Каждый день один или два маскарада: в Народном доме, в клубе профсоюзов, у «пожарников» как здесь говорят. Все та же публика, человек двести — из них в масках 20 — 30, несколько пьеро, коломбин, арлекинов, неизбежная «ночь» и «русалка». Некоторые пьеро в валенках или унтах, настоящих масок нет — лица в черной или белой марле. Все друг друга знают, поэтому не разговаривают, а пищат придушенными голосами. Танцы только старые, фокстрот сюда еще не проник.

В Нардоме раза два в неделю спектакли. При нас праздновали открытие национального театра — где будут играть на якутском языке. А так играют любители просто, любители с двумя актерами из совслужащих, и труппа украинцев (также любители). Кроме того в том же Нардоме в другие дни — кино, и другое кино в специальном помещении у Приютова, бывшего ссыльного.

Наконец, главное развлечение — хождение в гости с «закуской и выпивкой». В Якутске выпивают охотно, как и везде в провинции. Впрочем, новый быт проникает и сюда — когда-то в Якутске было беспросыпное пьянство, а теперь встреча нового года

служащими совнаркома, в организации которой деятельное участие принимали комсомольцы, обошлась с одним пивом. Якутские комсомольцы, которых я встречал, кипят жизненной энергией, полны веры в свои силы, в будущее Якутии, — и в них залог возрождения страны.

Но разнообразные развлечения Якутска не могут нас удержать, мы с нетерпением ждем дня от'езда. Все рекомендуют ехать не по старому, хорошо оборудованному ленскому тракту на Иркутск, а выбрать новый тракт через алданские прииски. Здесь до железной дороги всего 1 400 верст, вместо 2 700 по Лене. Но по новому тракту плохо оборудованы станции, мало лошадей и оленей. Нам приходится разделиться на три партии и приписаться к трем последовательно уходящим почтам.

Чернов уезжает 5 января, 8-го я с Михаилом, 11-го Протопопов и Салищев. Я еду даже как «сопровождающий», попросту почтальон: я обязан следить за почтовыми баулами, за тем, чтобы их не забыли при перекладке, чтобы они не потерялись в пути, за целостью пломб. Меня пугает такая большая ответственность, но иначе с этой почтой не берут. И я скрепя сердце принимаю в конторе громадные сумы и баулы, осматриваю пломбы.

Первые 120 *км* по Лене — до станции Тойон-ары. Это старый «государев тракт», по которому шли все ссыльные и который описан и Гончаровым, и Короленко, и другими. Быстро меняют лошадей, быстро едут, и ночью мы в Тойон-ары.

Отсюда по новому, только что проложенному тракту, ведущему прямо на юг, в новый город Томмот. Здесь дорога узкая, едут в «разнопряжку», т. е. на одной лошади. Свежие зимовья, в них почтари — якуты, почти не говорящие по-русски. Едут шагом, а у меня в инструкции сказано, что нужно ехать со скоростью 9 *км* в час, и на перепряжку давать 20 м. днем и 40 м. ночью. Все опоздания я должен записывать, указывая имена ямщиков. Но это не помогает — якуты на всех станках упорно утверждают, что по этому тракту скорее не ездят, и если гнать так лошадей, живо их переморишь.

На половине пути до Томмота лошадей сменяют олени. Снова милые серые звери, легкая, быстрая рысь. Едут хорошо, хотя олени заморены, но новая беда: пока найдут оленей, проходит час — два — три. Отчасти мы этому рады — за 20 минут едва успеешь размотаться и раздеться, а шарф никогда не успевает просушиться. Так и едешь с ледяным намордником на лице.

А морозы опять здоровые — туман и шорох дыхания. Проезжая через прииск Незаметный, мы узнаем, что в то утро — 62° мороза.

Спать приходится, конечно, в санях. Пока ехали на лошадях, было удобнее, хотя и на жестких баулах, но все же безопасно — вывалились только раз. На нарте труднее — все время чудится, что она перевернется, вытянуться на ней нельзя, полусидишь, полулежишь, и дремлешь, судорожно держась за борта. У меня еще к тому же забота — кроме почтовых баулов, все научные материалы и денежные отчеты экспедиции в двух тюках, которые я держу за спиной и все время щупаю, не отвязались ли. Так, в странной полуяви-полусне проходит длинная 16-часовая ночь. На остановках надо согреться, выпить чаю, пересчитать свои тюки и почтовые баулы, посмотреть все ли хорошо увязано. Ведь если потеряется, никто ночью не заметит, а олени звери легкомысленные, перепрыгнут через баул, как через кочку и побегут дальше, потряхивая хвостиками.

12 января на рассвете приезжаем в город Томмот. На берегу Алдана вытянулись две линии желтых, только что срубленных домов. Тут и почта, и банк, и исполком — все что нужно для окружного города. Столовая, куда захожу поесть пирогов и выпить кофе, набита советскими служащими, страстно обсуждающими вчерашний спектакль местных любителей, — кажется, все население здесь прикосновенно к сцене.

Томмот основан как центр только что созданного Алданского округа. Шутники говорят, что в нем один житель и сто советских служащих, — действительно население вблизи города только кочевое, орочоны (ветвь тунгусского племени), и здесь в ближайшей тайге их всего около 300 душ.

За Алданом начинается район приисков. По широкой дороге тянутся люди с котомками, с возами, верхом, на оленях, — везут грузы, идут на работы, строят мосты. В 80 *км* к югу от Томмота — золотопромышленный центр, прииск Незаметный. Здесь до 2 000 жителей и главная контора Алданзолота. К Незаметному под'езжаем ночью. Вдруг слышен грохот, ямщик-орочон кричит «трактор!» и сворачивает оленей в снег. Действительно, навстречу из тумана погромыхивая выезжают два трактора с грузовыми платформами. Олени испуганы этой встречей меньше, чем сами тракторы, бесстрастно стоят в снегу и слегка поводят черными выпуклыми глазами.

В Незаметном — густой туман, не рассеивающийся и утром. Не видно даже соседних домов, и у меня в памяти остались только два-три барака, контора Алданзолота, да почта. Говорят, поселок большой и любопытный, — ведь это по нравам наш Клондайк. Но осмотреть его некогда — отсюда почта уходит сейчас же, мы как раз поспели. Находим здесь Чернова, он опоздал к предыдущей почте и просидел здесь три дня. Дальше едем втроем; я — уже как простой пассажир, свои баулы я сдаю в почтовой конторе. К нам присоединяются два сопровождающих почту, как следует, с винтовками, и еще две новых тяжеленных сумы, по 8 пудов каждая. При перегрузке ямщики ругаются, им сопровождающий говорит, что это коллекции камней, но они ворчат: «Знаем мы, какие это камни, вот нам бы таких камней».

От Незаметного до железной дороги еще 700 или 800 верст, из них две трети на оленях. До Алдана мы пересекали лесистое низкое плато — отсюда вступаем в горную страну, поднимаясь постепенно на Яблоновый, или «Яблочный», как его здесь зовут, хребет. Все та же тайга, лесистые вершины, плоские долины, иногда тарыны в узких местах. Сначала, у приисков, дорога широка и наезжена, потом становится все уже — это узкая полоска крепкого снега, среди сугробов, и когда мы сворачиваем перед встречными обозами, олени прямо плывут по снегу. Если свернет лошадь, она погрузится выше брюха и совсем не может выбраться. Все обозы везут полвоза груза, остальное сено и овес, — здесь нигде нет ни покосов, ни пашен. Попадаются и караваны верблюдов, запряженных в сани. У них печальный вид — горбы опали, взгляд мутный, и они обгрызают даже сучья лиственницы. Их плохо кормят, но по мере передвижения к югу вид их все лучше и лучше, — это свежие, только что пригнанные. Они стоят презрительно сощурясь, в ожидании, пока пройдет обоз пугливо храпящих лошадей. С ними монгольские погонщики, в своих синих халатах из дабы, такие чуждые на фоне шестидесятиградусного мороза.

Позже, в Невере я встретил и организатора этих транспортов — маленького подвижного старого еврея, вроде городского лавочника, — нехватало только зонтика.

А мороз не сдает, и все одиннадцать суток пути день и ночь проводишь в наморднике, и к концу нос краснеет, борода спрессовывается, уши болят от шапки. А наши почтари страдают сильнее: они одеты не по-якутски, как мы, а по-русски, в валенках

и в дохах, без шарфов, кутаются в воротники, и один жестоко отмораживает нос, а другой ногу. Таких примороженных встречается много; особенно тяжело идущим пешком, в шарфе задохнешься, — и у всех у них на скулах темные пятна. Одного мы встречаем в маске — прорезы для глаз и рта.

На Алдан идет еще много народа, хотя он и потерял былую славу, — все еще надеются найти здесь свое счастье. Идут пешком, тащат на спине или в салазках свое немудрящее имущество, едут целой компанией на долгих. Но в зимовьях много деклассированных золотоискателей, со злобой вспоминающих свое увлечение; теперь они рубят дрова, строят мосты, даже служат погонщиками оленей.

Нам некогда задерживаться в зимовьях, а между тем там собирается интересное общество. Зимовья — это постоялые дворы, построенные предприимчивыми людьми на тракте. Большая казарма с нарами в два яруса вокруг стен и с большой железной или даже каменной печкой (плитой) посередине. Плата за чай 20 коп., за ночевку с любым количеством чая — 40 коп. Зимовщик продает и хлеб, и пельмени и, конечно, у него можно достать и спирт.

Днем в зимовье пусто, но к вечеру оба яруса нар забиваются людьми, на плите котлы, вокруг — гирлянды унтов, шапок, шарфов, портянок. Дух тяжелый и крепкий, — войдя с мороза даже пошатнешься. Некуда приткнуть свою меховую рухлядь и некуда приткнуться самому. Да нам и нельзя рассиживаться — попили чаю и опять в путь.

А жаль, такие типы попадаются в зимовьях, такие разговоры — просто прелесть. Вот разбитная вульгарная особа — она приехала было на прииски к мужу, через две недели понравился другой, мужчины погорячились, постреляли из револьверов — обоих арестовали, а она сбежала. На приисках сурово относятся к женщинам, слишком часто меняющим свои привязанности и высылают их, вот она и предпочла выехать сама. Она охотно рассказывает всем свои приключения.

Особенно много в зимовьях женщин с детьми, едущих к мужьям на прииски; они едут на долгих, с обозами, в кибитках, проводят в пути месяц и кормят клопов и зимовщиков во всех зимовьях. Говорят, что зимовье — доходный промысел и некоторые зимовщики зарабатывают до 10 000 руб. в год.

Кого только нет в зимовьях — чалдоны (сибиряки), навозные

(«рассейские»), якуты, орочоны, корейцы, китайцы, особенно много последних. Мы видели даже слепого китайского священника, ехавшего на прииски не для того, чтобы мыть золото, а для использования его во «вторичных» месторождениях.

От станции Якут — у Лебединого прииска — начинаются лошади. Это район старой золотопромышленности, тяготеющий уже к Амуру. На первом станке держат только одну пару, и сложив весь груз на нее, мы поднимаемся на Яблоновый хребет пешком — как раз на этом перегоне перевал. Голые и круглые гранитные вершины, — сильный ветер сдувает почти весь снег, и сани тащутся по камням. Зато на той стороне гораздо теплее: мы вышли из ледяной области; это хотя и не юг, но все же и не Якутия.

Дальше на двух подводах; опять жалеем об оленях — там можно было кое-как дремать на нарте, а здесь мы втроем, ямщик четвертый, сидим на куче груза, бугром выпирающей из кошевы, и держимся друг за друга. Днем ничего, но ночью засыпаешь сидя, согнувшись, — как попало: ведь это десятая ночь. У меня скатывается рукавица — замечательная, песцовая, подарок Готовцева, я бегу назад целый километр, но нигде ее нет. Засыпаю, через полчаса теряется вторая; эту я уже не ищу. Другие тоже «засыпают» рукавицы.

19 января мы на станции Невер Уссурийской железной дороги, а 30-го в Москве. Вторая партия запаздывает на неделю и приезжает 7 февраля. 9 месяцев прошло с тех пор, как мы покинули столицу.

XII. ХРЕБЕТ ЧЕРСКОГО

Июня 24. Боюсь, доживет ли муж до завтра. Боже мой, что будет дальше.

Июня 25. Всю ночь муж не мог уснуть; его мучили сильные спазмы. В 12 ч. дня у мужа сделалась сильная одышка. Пристать к берегу нельзя, потому что крутые яры. Муж указал рукой на шею, чтобы прикладывать холодные компрессы. Через несколько минут одышка уменьшилась и сейчас же пошла кровь из носу.

Пристали в $3^h30'$ к речке Прорве.

Муж умирает.

Он скончался в $10^h 10'$ вечера.

(Из дневника М. П. Черской.)

Читатель из предыдущего описания мог уже составить себе общее представление о научных результатах экспедиции, но нужно еще об'единить разрозненные факты, которые я отмечал попутно.

Самым эффектным результатом работ является открытие мощного хребта на месте предполагавшейся низменности, но это открытие не должно заслонять остальных географических и геологических результатов наших исследований. Не надо забывать, что область, представлявшая на карте в сущности пустое место, получает теперь точную карту, основанную на восьми астрономических пунктах. Если мы взглянем на старые карты нашей области (см. схематическую карту на стр. 240), то увидим дугу Верхоянского — Колымского — Анадырского хребтов, от которой отходят внутрь, на север, радиальные цепи. Ничего подобного на самом деле не оказалось. Точно так же совершенно изменилась речная сеть.

Уже пересечение Верхоянского хребта показало, что строение его гораздо сложнее, чем предполагалось. Вместо одной цепи мы нашли четыре — низкую Окраинную, до 800 *м* высоты, окаймляющую подножие хребта; Скалистую, достигающую 1 300 *м*, идущую на северном нашем пересечении хребта к западу от Менкюле, а южнее почти вплотную подходящую к Главной; Главную цепь,

вершины которой вблизи истоков Менкюле, Томпо и Брюнгаде не ниже 2 500 *м*; в среднем цепь около 2 000 *м* высоты и покрыта пятнами снега, покров которого на наиболее высоких вершинах почти сплошной.

Склон от Главной цепи к Алдану крут и прорезан глубокими ущельями; к северу и востоку от нее начинается пологий склон высокого нагорья с рядом мелких гор, среди которых выделяется 4-я цепь, Брюнгадинская, параллельная Главной, достигающая 2 000 *м*.

В сторону Верхоянска, северный склон хребта переходит постепенно в Верхоянскую впадину, но в бассейне Индигирки картина другая — пологий склон хребта кончается у реки Эльги. За нею поднимаются новые цепи, которые пересечены нами по Индигирке и к западу от нее. Раньше предполагалось, что здесь от Верхоянского хребта к северу вдоль Индигирки отходит хребет Кех-тас, и где-то к югу от Эльги лежит горный узел, в котором связаны эти два хребта. Но вместо меридиональной цепи мы нашли ряд широтных, к западу несколько загибающихся на СЗ. Эти цепи отделены от Верхоянского хребта понижением Эльги, которое, судя по расспросным данным, простирается на северо-запад; область перевала в Верхоянскую впадину ниже линии снега, и таким образом никакого горного узла здесь нет.

Всего пересечено нами в новом хребте 9 широтных цепей. Южные из них достигают 2 000 — 2 200 *м*, северные 2 500 — 3 100 *м*. Высота отдельной изолированной гранитной вершины Чён, лежащей между реками Силяп и Иньяли, определена нами в 3 100 *м*. Повидимому, столь же высоки гранитные цепи — Момская у порогов Индигирки, Чыбагалахская к югу от Чыбагалаха и Силяпская к югу от Силяпа. Все эти цепи у Индигирки сильно изрезаны и имеют альпийский характер, к западу переходят в более плоские формы. Южные цепи к западу обрываются у края Верхоянской впадины; до конца цепей мы дошли в верховьях р. Мюреле, и было видно, что край впадины представляет здесь плато до 1 400 *м* высоты, в которое врезались истоки Мюреле. Таким образом водораздел между Яной и Индигиркой лежит уже в пределах Верхоянской впадины, нет никакого меридионального кряжа Кёх-таса, и не только отдельные цепи, но и весь хребет надо повернуть под прямым углом.

Мы тем более имеем право это сделать, что как и на запад, так и на восток можно проследить продолжение нового хребта. Уже Чыбагалахская цепь заходит далеко на северо-запад — до ее

западного конца нам дойти не удалось. К северу от нее лежит Чималгинская цепь; судя по наблюдениям Харитонова и Врангеля, эти цепи, а также лежащие севернее, продолжаются на северо-западе в цепи хребта Тас-хаяхтах. Хребет этот пересекает Верхоянско-Колымский тракт и уходит на север почти до Ледовитого океана.

К востоку от Индигирки, по словам нашего проводника Д. Старкова, горы идут вплоть до Большого Чыстого (Улахан-чыстай) на

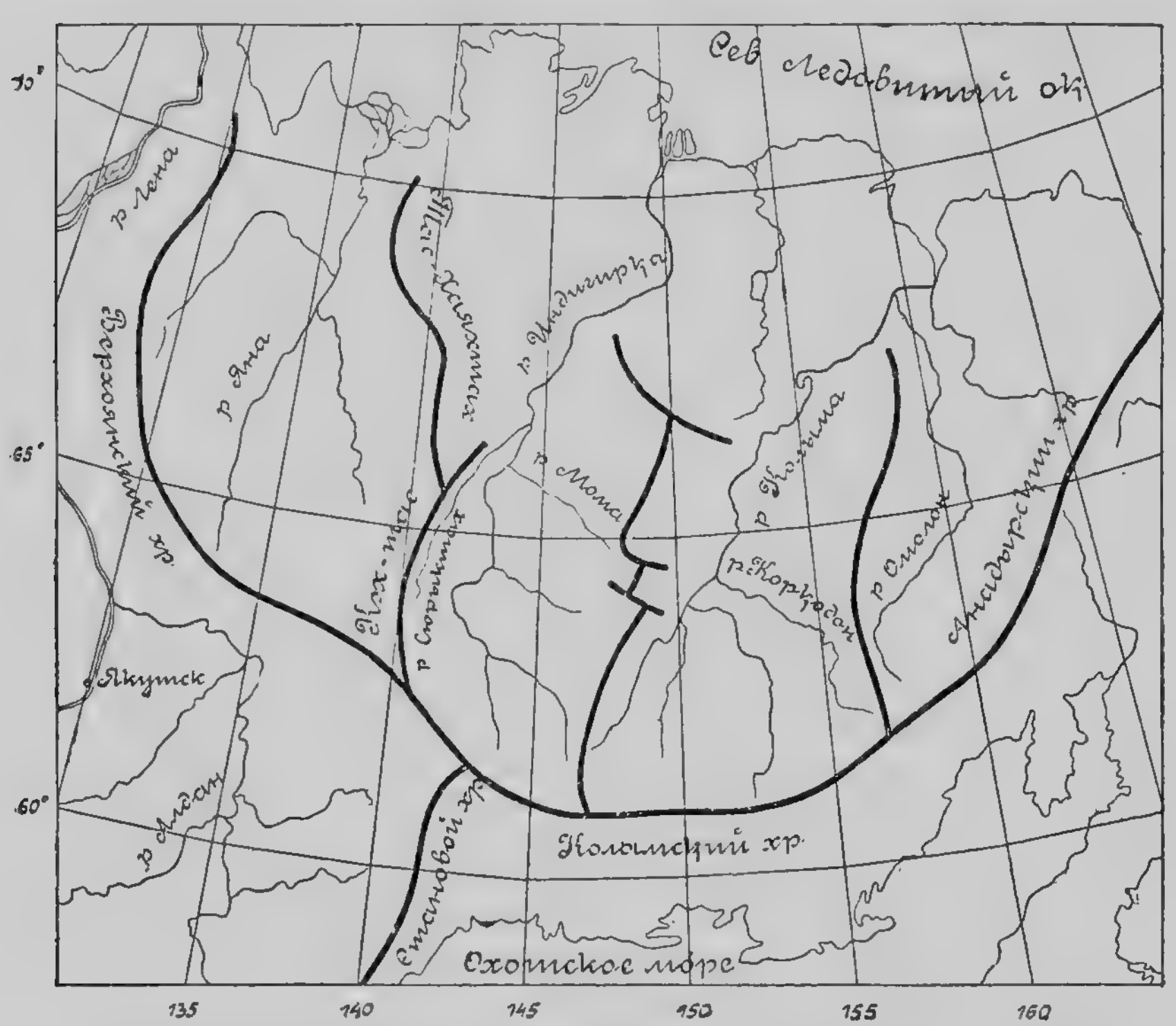


Схема хребтов Северо-восточной Азии до экспедиции С. Обручева.

33 кöса. А здесь уже пролегает маршрут Черского. Черский на своем пути от Оймекона пересек три альпийских цепи; первая из них, которую он назвал Тас-кыстабыт, принадлежит, как я полагаю, еще к складкам хребтов Верхоянского и Колымского (аналогична Брюнгадинской цепи, кончающейся не доходя Индигирки). Далее к северу следовало большое понижение в верховьях Неры, и затем, после длинного под'ема — двойная цепь, лежащая как раз на продолжении наших северных цепей. Черский назвал эту цепь Улахан-чыстай по имени лежащего на ней Чыстого, но как

название хребта это неудачно, так как якуты всякий большой Чыстай называют Улахан-чыстай, точно так же, как всякое большое болото — Улахан бадаран. У тунгусов есть еще другое название для этой цепи — Екчàн, которое и следует оставить за ней.

Далее к северу за истоками Момы Черский пересек еще одну альпийскую цепь — Томус-хая, которая, так же как и две предыдущих, имела СЗ направление. Цепь эта является дугой более

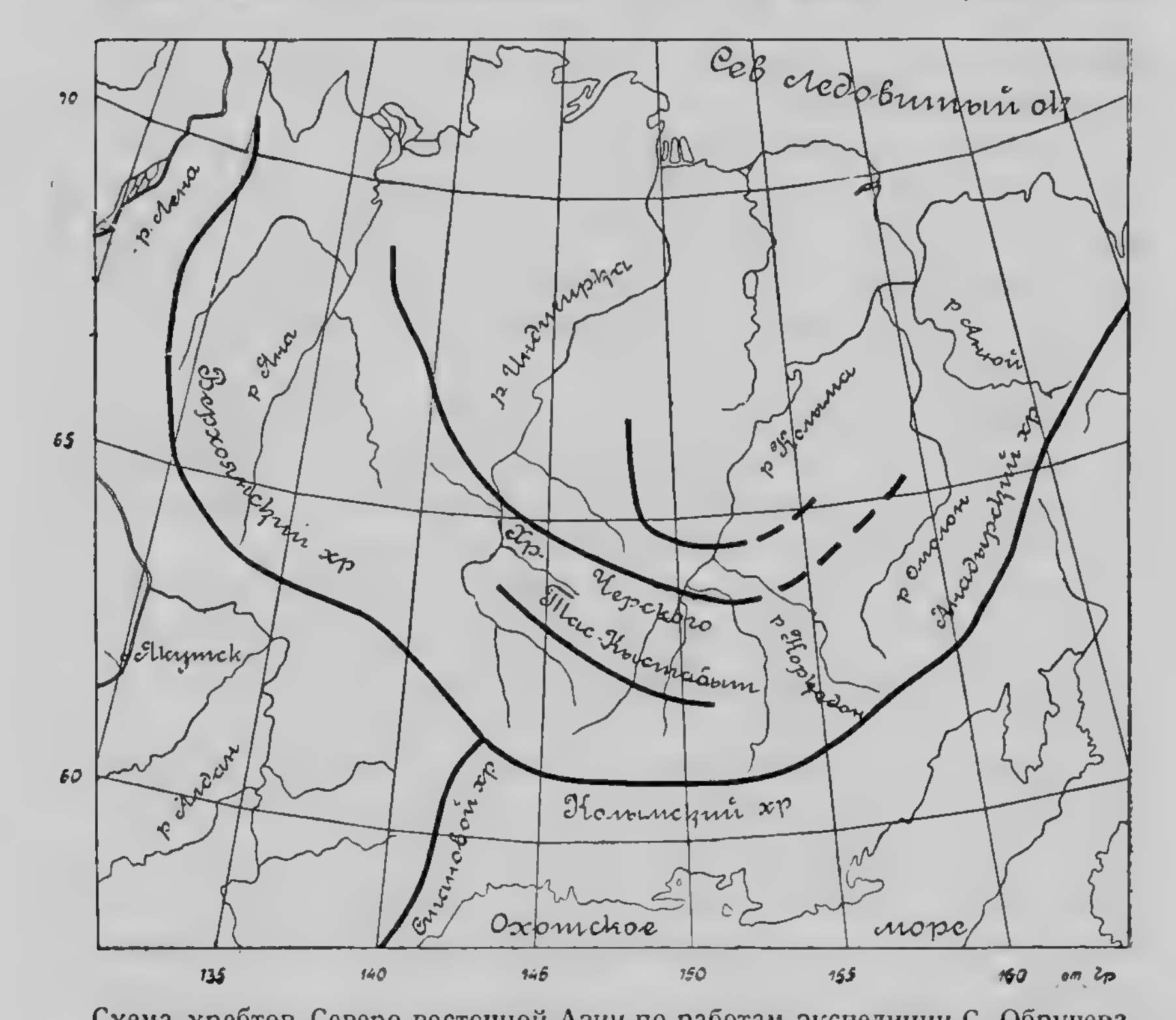


Схема хребтов Северо-восточной Азии по работам экспедиции С. Обручева.

северной, чем исследованные нами, и, повидимому, к западу прекращается, не дойдя до Момы. Высота перевалов через все цепи по Черскому около 1 800 — 1 900 *м*, и, вероятно, вершины их не ниже 2 500 *м*.

Таким образом, наш новый хребет прослежен нами от Ледовитого океана почти до Колымы. Черский уже догадывался, что надо изменить орографию страны, и в своем предварительном отчете об'единяет пройденные им цепи в «Индигирско-Колымский отрог Яблонового хребта». Он пишет (стр. 9 — 10):

«Если бы кто принял во внимание одно лишь положение таких глубоких долин, как р. Колымы и параллельной ей части Индигирки, то мог бы предполагать ССВ-ное направление этого отрезка горной страны и значительное сужение ее в верховьях названных рек, тогда как горы правого берега Колымы играли бы роль самостоятельного отрога. В действительности, однако, благодаря резко выраженной дифференцировке Индигирско-Колымской части гор, в слагающих ее цепях весьма рельефно выражается СЗ или ССЗ-е направление, а следовательно, почти поперечное к течению названных двух главных рек».

Из этих строк видно, что Черский уже ясно отдавал себе отчет в том, что по крайней мере для пройденного им маршрута надо изменить направление хребтов. Но его наблюдения, не выделенные достаточно рельефно, остались неиспользованными, и в течение 35 лет на картах попрежнему рисовались те же идеальные водораздельные хребты.

Мы теперь можем решиться на большее, чем Черский, — мы можем выделить уже не Индигирско-Колымский отрог Яблонового хребта, но целую громадную дугу, параллельную Верхоянско-Колымскому хребту и превышающую ее по высоте.

Очень интересен вопрос о продолжении этой дуги на восток за Колыму. Уже Черский считал, что Колыма, как и Индигирка, «играют роль поперечных долин, пересекающих интересующий нас острог Яблонового хребта» (стр. 10). Продолжение хребта Томусхая намечается довольно ясно, — Иохельсон пишет, что к северу от Коркодона Колыма пересекает высокие горы, сложенные известняками. Коркодон в своих нижних 100 *км*, пройденных Иохельсоном, течет по низким местам, и очевидно, что северную дугу надо направить на СВ между Колымой и притоком Омолона Кедоном.

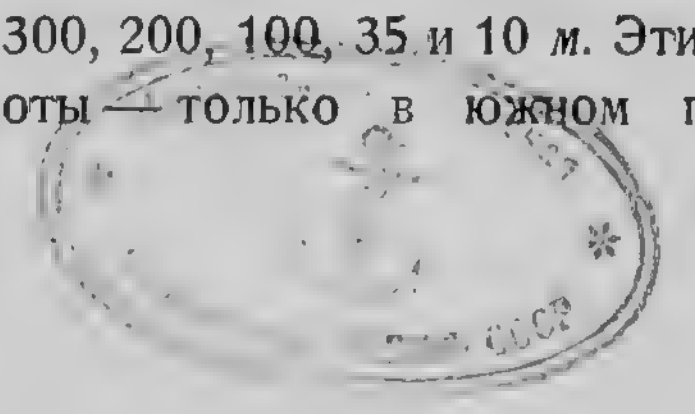
На карте верховьев Колымы, составленной Оймеконским священником и псаломщиком, можно видеть, что хребты Тас-кыстабыт и Екчан (Улахан-чыстай) пересекают Колыму, причем повидимому как раз на продолжении первого лежат большие пороги Колымы. Далее к востоку никаких орографических данных нет, так как описания Березкина слишком скудны. Но судя по тому, что Омолон больше половины своего протяжения течет вдоль Анадырского хребта, надо думать, что он отделен от Колымы и Кедона как раз продолжением цепей Екчана.

В 1929 — 1930 гг. мне предстоит честь исследовать бассейн

Колымы, и я надеюсь, что мне удастся продолжить хребет еще на 500 *км* к востоку за Колыму и окончательно установить форму этой громадной внутренней дуги. Пока же продолжение ее к востоку приходится нанести на карту пунктиром, со знаком вопроса. Но и та картина, которую мы имеем сейчас, резко отлична от прежней концепции. Если сравнить схематические карты на стр. 240 — 241, то мы увидим, что орография северо-востока Азии строится теперь заново.

Дугообразное направление хребтов вполне подтверждается их геологическим строением. Последнее в схеме представляется в следующем виде. Верхоянский хребет со стороны Лены и Алдана состоит из сильно дислоцированных свит докембрия, кембрия и силура, смятых в складки в общем параллельные оси хребта. Край хребта к Лене и Алдану образован сбросами; сами долины этих рек лежат в области мелководной юры с пластами угля, складки которой прижаты к хребту. На палеозой Верхоянского хребта с востока и севера налегает трансгрессивно триас, плоские складки которого, параллельные оси, занимают весь склон этого хребта к Яне и Индигирке; новый хребет также сложен триасом, но здесь интенсивно смятым в сложные складки, также параллельные оси хребта. На северном склоне нового хребта под триасом лежит снова палеозой (девон и более древние свиты), со складками, параллельными хребту. Насколько можно судить по отрывочным данным, этот палеозой занимает обширный полукруг внутри дуги нового хребта в низовьях Яны и Индигирки и имеет на западе складки с СЗ-ым простиранием, а на востоке — СВ-ым. Следовательно мы имеем, в общем, две области палеозоя, составлявшие когда-то вероятно геосинклиналь, — и между ними более узкую новую геосинклиналь триаса, подвергшуюся позже сильным дислокациям. В области северного палеозоя расположены пятна юры. Наконец следует отметить еще изверженные породы — в палеозое Верхоянского хребта диабазы по линиям сбросов; триас хребта Черского обильно ин'ецирован серыми гранитами, которые слагают гребни наиболее высоких цепей; в палеозое севера — красные граниты и диабазы; последние, а также и базальты, пересекают юру.

Новый хребет Черского в самое недавнее время испытал сильное поднятие, как горст: на Индигирке нами были найдены террасы размывания в 350, 300, 200, 100, 35 и 10 *м*. Этим об'ясняются его значительные высоты — только в южном поясе Сибири



(Саяны — Алтай) горы выше нашего хребта (не считая вулканов Камчатки).

Одним из интереснейших результатов работ 1926 г. является также открытие следов обширного послетретичного оледенения. Ледники спускались до высоты 400—600 *м* над уровнем моря, как в Верхоянском хребте, так и в хребте Черского. На Алданском склоне Верхоянского хребта, благодаря узким долинам и гребням цепей — оледенение альпийского типа, на С и СВ склонах — скандинавского или даже типа материкового. В хребте Черского вблизи Индигирки — альпийское оледенение, вдали от нее, где мы вступаем в область высоких нагорий, скандинавское. Полосы оледенений в обоих хребтах достигали 300 *км* ширины. В бассейне Эльги они соприкасались, и весьма вероятно, что и вся Оймеконская впадина была занята льдами. На Индигирке отмечено, что морена отлагалась до образования террас в 35 и 10 *м*. В настоящее время страна представляет типичный послеледниковый ландшафт.

Наконец, следует отметить еще наблюдавшиеся нами крайне низкие температуры в Оймеконе. Мы провели там только октябрь и ноябрь и не имели спиртовых термометров, но и те данные, которые мы получили, указывают, что область низких температур, до сих пор на картах изотерм замыкавшаяся вокруг Верхоянска, должна быть вытянута в сторону Оймекона. Может ли в действительности Оймекон претендовать на роль полюса холода, выяснят наблюдения, которые предполагает организовать там Академия Наук.

Каждый путешественник, проникающий в неизвестные страны, считает своим долгом дать свои названия каждому открытому им уголку. Моя задача в этом отношении была очень тяжела — якуты и тунгусы имеют названия для большинства речек, но горы называют большей частью по речке: «горы такой-то речки». Таким образом, мне предстояло дать несколько тысяч названий всем бесконечным цепям и вершинам, по которым мы шли 6 месяцев. Не желая вносить диссонанс русских названий в тунгусско-якутскую географию, я ограничился тем, что дал названия только цепям, причем для цепей, идущих вдоль рек, согласно местным обычаям, дал имена производные от этих рек (цепи Чималтинская, Чыбагалахская, Нянкачанская, Силяпская, Ольчанская, Брюнгадинская и др.) и только для четырех цепей, пересекаемых реками, дал иные названия (Окраинная, Скалистая и Главная в Верхоянском хребте и Момская в новом хребте).

Более мелкие горы могут быть названы впоследствии — часто у тунгусов и якутов есть имена для ближних гор, где они пасут скот, и при детальных исследованиях можно узнать эти имена.

Оставалось дать название громадной внутренней дуге. Для отдельных ее частей имелись на старых картах следующие названия: северный участок назван Тас-хаяхтах, что, повидимому, значит (название искажено) «Каменные скалы»; это имя нарицательное, даваемое каждой скалистой цепи. Точно также, нарицательное имя и «Кёх-тас» — «Голубые горы»: так якуты называют каменистые гольцы, лишенные травы. Кроме того, местным жителям эти оба названия неизвестны, а хребта Кех-тас, нарисованного на картах — в действительности нет вовсе. Наконец, для восточного конца дуги Черский дал название Улахан-чыстай, как я указывал выше, также имя нарицательное.

Таким образом, для отдельных частей хребта существовали неудачные названия — или нарицательные, или неизвестные местным жителям, а общего названия для всей дуги, мною выделяемой, не было вовсе.

В виду важности выделения нового хребта, я предложил Геологическому комитету дать название хребту. Комитет, считая, что установление и наименование новых географических единиц всегда входило в компетенцию Государственного Географического общества, передал все дело ему. Географическое общество после моего доклада постановило выделить новый хребет в самостоятельную географическую единицу и назвать его хребтом Черского.

В недавно появившемся сборнике «Якутия» проф. А. Григорьев указывает, что путешественник Врангель открыл и изобразил на своей карте три широтных хребта, лежащах севернее р. Неры на Индигирке. Северный из этих хребтов Григорьев считает необходимым назвать в честь Врангеля и полагает, что южному из них Географическое общество дало название хребта Черского. Между тем, Врангель в описании своего путешествия абсолютно ничего не говорит об этих хребтах (описывая только меридиональные цепи Тас-хаяхтаха). Что касается карты, то одного взгляда на нее достаточно, чтобы увидеть, что на Индигирке Врангелем изображены три *меридиональных*, а не широтных хребта. Действительно, вся область по Индигирке южнее Момы покрыта горной штриховкой, — но эта штриховка такой же интенсивности, как и на пройденных Врангелем заведомых низменностях, например по Яне. Опираясь только на это изображе-

ние, не имея в тексте никаких указаний на орографию Индигирки южнее Зашиверска, мы совершенно не можем выводить заключения о том, что Врангель знал о существовании широтных хребтов. Карта Врангеля действительно замечательна для своего времени, но все же Черскому принадлежит первое указание на возможность существования хребта его имени. Хребтом Черского Географическое общество по моему предложению назвало не только южную цепь, но всю совокупность описанных широтных хребтов.

Иван Дементьевич Черский из всех сибирских геологов и географов наиболее достоин такого памятника. Судьба его примечательна. Родившись в 1845 г. в Виленской губ., он 18-летним юношей был сослан за участие в польском восстании в Сибирь и провел 6 лет рядовым в Омске. С 1871 г. он работает в Иркутске, где превращается в крупного геолога. Его перу принадлежит ряд интереснейших работ по стратиграфии, тектонике и палеонтологии Сибири. Гениальный самоучка, он дал схему тектоники Сибири, которая, по отзыву Зюсса была «изумительной и далеко опередившей тогдашние воззрения»; схема эта легла в основу Зюссовской концепции Северной Азии. С 1885 г. Черскому разрешают поселиться в Петербурге и вскоре ему удается организовать экспедицию в Якутию, о которой он давно мечтал и где ему суждено было погибнуть.

Я уже говорил выше о том, что именно Черский первый понял истинное строение нового хребта. Те ошибки, которые он сделал при этой работе, вполне об'ясняются его слабым здоровьем, не позволявшим ему взбираться на горы и производить полные наблюдения. Изумительно, с каким геройством провел он тяжелую экспедицию. Ведь еще в 1885 г., как он пишет: «страдая сильным биением сердца и слабостью», он не мог подниматься на утесы, превышавшие 200 *м*. Уже во время пребывания в Верхне-Колымске Черский знал, что дни его сочтены, и торопился привести в порядок свои наблюдения. Выезжая из Верхне-Колымска 31 мая, он говорил священнику Сучковскому: «При самых лучших условиях я надеюсь протянуть еще недели три, но больше вряд ли». И зная это, он все-таки выехал. «Я сделал распоряжение, чтобы экспедиция не прерывалась до Нижне-Колымска даже в том случае, когда настанут мои последние минуты, и чтобы меня тащили вперед и даже в тот момент, когда я буду отходить». Он считал необходимым довести работу до Нижне-Колымска, чтобы была исследована вся нижняя Колыма.

Первое время — до 10 июня — он сидел в лодке на носу и давал указания жене и сыну, которые осматривали обнажения на берегу. На ночь он перебирался в кибитку, разбитую в лодке, но спать ему не удавалось из-за глубокого кашля.[1] 10 июня приплыли в Средне-Колымск, здесь его видел наблюдатель метеорологической станции. По его словам «Ив. Дем. скажет слово и минут 5 — 10 ждет прекращения горловых спазмов, чтобы сказать следующее слово, а тут опять те же спазмы прерывают надолго его речь».

С 20 июня Черский уже не в силах писать дневник и передал его ведение жене. И вот, записи шести последних дней жизни своего мужа, М. П. Черская, во исполнение его непреклонной воли, вела, чередуя наблюдения геологические и метеорологические с короткими и трагическими фразами: «Мужу хуже, силы его совсем слабеют». Выдержки из последних двух дней приведены выше в эпиграфе. Последние дни и ночи Черский провел в сидячем положении. Мужество не оставляло его до последней минуты и он даже давал распоряжения, что делать маленькому сыну с его бумагами, если жена не переживет его.

Черский умер в 10 ч. 10 м. вечера 25 июня (старого стиля) у устья р. Прорвы; здесь буря задержала его жену на трое суток, и только 28 июня ей удалось приплыть к устью Омолона. Лишь к 1 июля была выкопана могила и сделан гроб, и в 4 часа Черского похоронили против устья Омолона. На следующий день в дневнике опять записи барометра и температуры, которые с 26 июня иногда Марфа Павловна забывала вносить.

3 июня Черский шутливо говорил священнику Сучковскому: «Впрочем, смерть меня не страшит: рано ли, поздно ли, но всем одна дорога. Я могу только радоваться, что умираю в ваших палестинах, через много-много лет какой-нибудь геолог найдет может быть мой труп и отправит его с какой-нибудь целью в музеум и таким образом увековечит меня».

Желание Черского исполнено, но иначе: его памятник — в 1 000 километров длины, 300 ширины, и до 3 000 метров вышины; по площади больше Кавказа и выше всех гор Северной Сибири. Это, быть может, последний большой хребет, который можно открыть на земном шаре.

---

[1] Живые впечатления от встреч с Черским в последние его дни, читатель найдет в статье: «О последних днях путешественника по Сибири Ив. Дем. Черского». Записки Акад. наук, т. 72, кн. 1, 1893.

Тип. „Печат. Двор“, Ленинград, Гатчинская, 26.

Три рубля 50 коп.

ЛЕНИНГРАД
1929

M.2 C
4 23-B